This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 3096.5.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

LAPPO-DANILEVSKIJ
RAZRIADOV
//OCHERK KREST'IANSKAGO NASELENIIA//

Заказ № 1890/9 Дата 18-/VI-66

Микросъемка / экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

Наименование, или шифр издания Очерк истории образования

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

Тип. № 2 УПЛ. Зак. 1465—5000 28-4-65

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

З. 38
III. 67
II. 2
№ 97

А. Лаппо-Данилевскій.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ

ГЛАВНѢЙШИХЪ РАЗРЯДОВЪ

КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.
1905.

5600
12511

А. Лаппо-Данилевскій.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ

главнѣйшихъ разрядовъ

КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.
1905.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Slav 3096.5.5

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 17 1966

66 ★ 2 (LP-)

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 6 Мая 1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе	1 — 2
ГЛАВА ПЕРВАЯ:	Важнѣйшіе классы сельскаго населенія древней Руси.	2 — 12
ГЛАВА ВТОРАЯ:	Крестьяне въ Московскомъ государствѣ XIV—XVII вв.	13 — 77
	Предварительныя замѣчанія	13 — 16
	Крестьяне, сидѣвшіе на черныхъ земляхъ	16 — 31
	Крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ.	31 — 77
ГЛАВА ТРЕТЬЯ:	Крестьяне въ Россійской Имперіи XVIII-го вѣка	77 — 154
	Предварительныя замѣчанія	77 — 78
	Помѣщичьи крестьяне	78 — 134
	Государственные крестьяне	134 — 154
	Заключеніе	154 — 155
	Дополненія и опечатки	156

Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи.

Въ виду того состоянія, въ которомъ находятся источники и литература предмета, трудно въ настоящее время вполнѣ удовлетворительно выяснить, какъ сложились главные классы русскихъ крестьянъ и какимъ образомъ они пріобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исторіи русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукописяхъ и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранная, извѣстна въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйшихъ явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ и отрывочность послѣдующаго изложенія: въ немъ часто вмѣсто общихъ выводовъ приходится прибѣгать къ отдѣльнымъ примѣрамъ; послѣдніе, впрочемъ, по возможности, приводятся лишь въ качествѣ иллюстрацій, а не исключительныхъ случаевъ. Плохимъ состояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногласія, которыя обнаруживаются въ его литературѣ: изслѣдователи исторіи крестьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупныхъ явленій, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе крестьянъ, и другихъ [1]). При существованіи столь разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ сужденій казалось желательнымъ вве-

[1]) Указанія на главнѣйшіе источники можно найти въ дальнѣйшихъ ссылкахъ; свѣдѣнія о библіографіи по исторіи крестьянъ и литературѣ см. въ соч. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3 (К., 1900 г.), стр. 5—9, 11, 109 и др. и въ соч. *В. И. Семевскаго*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, изд. 2 (Спб. 1903 г.), стр. 626—637; ср. также нижеслѣдующія примѣчанія; тамъ указаны и разногласія ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ.

сти въ текстъ наиболѣе характерныя свидѣтельства источниковъ, говорящихъ въ пользу того, а не иного мнѣнія; слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ случаяхъ подобнаго рода предлагаемые выводы, разумѣется, никакъ нельзя считать окончательными.

При такихъ условіяхъ авторъ былъ лишенъ возможности приняться за исполненіе поставленной себѣ задачи въ полномъ ея объемѣ. Прежде всего ему пришлось ограничить область своихъ наблюденій, за исключеніемъ развѣ древнѣйшаго періода, преимущественно исторіей великорусскихъ крестьянъ, получившей наибольшее значеніе въ послѣдующей нашей исторіи и всего болѣе разработанной въ нашей археографіи и исторической литературѣ: далѣе ему было ясно, что главнѣйшіе процессы, вообще характеризующіе исторію русскаго крестьянства, лучше всего отразились въ судьбѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что, слѣдовательно, удобно сосредоточить изложеніе на исторіи ихъ; наконецъ, ему казалось, что подробное изложеніе бытовой исторіи великорусскихъ крестьянъ едва ли будетъ соотвѣтствовать основной цѣли настоящаго труда и что ее слѣдуетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ лишь по стольку, по скольку бытовыя условія оказывали вліяніе на образованіе важнѣйшихъ разновидностей крестьянскаго состоянія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ древнѣйшій періодъ исторіи сельскаго населенія принятъ во вниманіе только для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ соблюсти требованія исторической перспективы: въ немъ уже можно указать зародыши нѣсколькихъ явленій, аналогичныхъ съ тѣми, которыя характеризуютъ исторію крестьянъ въ позднѣйшее время. Послѣднее естественно распадается на два періода: до окончательнаго образованія тѣхъ группъ населенія, которыя съ теченіемъ времени получили наименованіе государственныхъ и крѣпостныхъ, или помѣщичьихъ крестьянъ, и послѣ образованія ихъ; болѣе ранній періодъ обнимаетъ, преимущественно, время съ XIV-го до XVIII-го вѣка; болѣе поздній—послѣдующее время до первыхъ попытокъ крестьянскаго освобожденія въ началѣ XIX-го столѣтія.

I. Важнѣйшіе классы сельскаго населенія въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время славяне, повидимому, довольно мягко обращались съ своими рабами. Въ самомъ дѣлѣ, судя по византійскимъ извѣстіямъ конца VI-го вѣка, задунайскіе славяне не держали плѣнныхъ въ вѣчномъ рабствѣ, но, по истеченіи извѣст-

Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи.

Въ виду того состоянія, въ которомъ находятся источники и литература предмета, трудно въ настоящее время вполнѣ удовлетворительно выяснить, какъ сложились главные классы русскихъ крестьянъ и какимъ образомъ они пріобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исторіи русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукописяхъ и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранная, извѣстна въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйшихъ явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ и отрывочность послѣдующаго изложенія: въ немъ часто вмѣсто общихъ выводовъ приходится прибѣгать къ отдѣльнымъ примѣрамъ; послѣдніе, впрочемъ, по возможности, приводятся лишь въ качествѣ иллюстрацій, а не исключительныхъ случаевъ. Плохимъ состояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногласія, которыя обнаруживаются въ его литературѣ: изслѣдователи исторіи крестьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупныхъ явленій, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе крестьянъ, и другихъ [1]). При существованіи столь разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ сужденій казалось желательнымъ вве-

[1]) Указанія на главнѣйшіе источники можно найти въ дальнѣйшихъ ссылкахъ; свѣдѣнія о библіографіи по исторіи крестьянъ и литературѣ см. въ соч. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3 (К., 1900 г.), стр. 5—9, 11, 109 и др. и въ соч. *В. И. Семевскаго*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, изд. 2 (Спб. 1903 г.), стр. 626—637; ср. также нижеслѣдующія примѣчанія; тамъ указаны и разногласія ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ.

сти въ текстъ наиболѣе характерныя свидѣтельства источниковъ, говорящихъ въ пользу того, а не иного мнѣнія; слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ случаяхъ подобнаго рода предлагаемые выводы, разумѣется, никакъ нельзя считать окончательными.

При такихъ условіяхъ авторъ былъ лишенъ возможности приняться за исполненіе поставленной себѣ задачи въ полномъ ея объемѣ. Прежде всего ему пришлось ограничить область своихъ наблюденій, за исключеніемъ развѣ древнѣйшаго періода, преимущественно исторіей великорусскихъ крестьянъ, получившей наибольшее значеніе въ послѣдующей нашей исторіи и всего болѣе разработанной въ нашей археографіи и исторической литературѣ: далѣе ему было ясно, что главнѣйшіе процессы, вообще характеризующіе исторію русскаго крестьянства, лучше всего отразились въ судьбѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что, слѣдовательно, удобно сосредоточить изложеніе на исторіи ихъ; наконецъ, ему казалось, что подробное изложеніе бытовой исторіи великорусскихъ крестьянъ едва ли будетъ соотвѣтствовать основной цѣли настоящаго труда и что ее слѣдуетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ лишь по стольку, по скольку бытовыя условія оказывали вліяніе на образованіе важнѣйшихъ разновидностей крестьянскаго состоянія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ древнѣйшій періодъ исторіи сельскаго населенія принятъ во вниманіе только для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ соблюсти требованія исторической перспективы: въ немъ уже можно указать зародыши нѣсколькихъ явленій, аналогичныхъ съ тѣми, которыя характеризуютъ исторію крестьянъ въ позднѣйшее время. Послѣднее естественно распадается на два періода: до окончательнаго образованія тѣхъ группъ населенія, которыя съ теченіемъ времени получили наименованіе государственныхъ и крѣпостныхъ, или помѣщичьихъ крестьянъ, и послѣ образованія ихъ; болѣе ранній періодъ обнимаетъ, преимущественно, время съ XIV-го до XVIII-го вѣка; болѣе поздній—послѣдующее время до первыхъ попытокъ крестьянскаго освобожденія въ началѣ XIX го столѣтія.

I. Важнѣйшіе классы сельскаго населенія въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время славяне, повидимому, довольно мягко обращались съ своими рабами. Въ самомъ дѣлѣ, судя по византійскимъ извѣстіямъ конца VI-го вѣка, задунайскіе славяне не держали плѣнныхъ въ вѣчномъ рабствѣ, но, по истеченіи извѣст-

наго срока, предоставляли имъ возможность или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться въ странѣ побѣдителей, но въ качествѣ людей вольныхъ: „руссы", по свидѣтельству одного изъ арабскихъ писателей IX—X вв., также хорошо обращались со своими рабами.

Въ русскомъ обществѣ варяжскаго періода рабство уже успѣло однако, значительно развиться: Русская Правда вообще признаетъ раба объектомъ, а не субъектомъ правъ. Впрочемъ, въ томъ же сборникѣ можно указать нѣсколько отступленій отъ вышеуказаннаго принципа. Въ числѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ, слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ новыхъ культурныхъ началахъ, съ которыми русскіе люди стали знакомиться во время появленія первоначальной редакціи Русской Правды: институтъ рабства, можетъ быть, не успѣлъ достигнуть полнаго своего развитія на русской почвѣ послѣ того, какъ здѣсь стало распространяться христіанское ученіе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанскаго міровоззрѣнія и благодаря воздѣйствію церкви, рабство въ древней Руси стало смягчаться: представители ея возставали противъ порабощенія свободныхъ людей и могли оказать вліяніе на появленіе въ позднѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды нѣсколькихъ статей, частью ограничивавшихъ источники рабства, частью устанавливавшихъ нѣкоторые способы прекращенія рабской зависимости [2]). Итакъ, слишкомъ малая опредѣленность общественныхъ отношеній и только-что указанныя новыя болѣе культурныя условія русской жизни благопріятствовали вмѣстѣ съ тѣмъ зарожденію или развитію въ русскомъ обществѣ цѣлаго ряда переходныхъ состояній, вопреки суровой формулѣ Прохирона, сглаживавшихъ границы между полными холопами и свободнымъ населеніемъ. Благодаря существованію такихъ переходныхъ ступеней, человѣкъ, терявшій свободу, могъ превратиться въ полусвободнаго, а не полнаго холопа: по тѣмъ самымъ, съ теченіемъ времени, стало возможнымъ и превращеніе свободнаго крестьянина въ крѣпостного человѣка, процессъ, столь пагубно отразившійся на крестьянской волѣ XVI—XVII вв.

---

[1]) *G. Krek*, Einleitung in die Geschichte der slavischen Literatur, 2-te Aufl. ss. 361, 364: само собою разумѣется, что, на основаніи свидѣтельства Маврикія, нельзя еще говорить о какихъ либо прирожденныхъ свойствахъ славянскаго племени: аналогичное положеніе рабовъ замѣчается и у другихъ мало развитыхъ народовъ, см., напримѣръ, *J. Ingram*, History of slavery, Ld., 1895, pp. 257, 269, 271.

[2]) *А. Хвольсонъ*, Изв. о Хазарахъ и пр. Спб. 1869 г., гл. VI, § 5 (Ибнъ-Даста). Таковы, напримѣръ, Кириллъ Туровскій, пр. Серапіонъ и др. Ср. *А. Щаповъ*, Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей, Каз., 1859.

Неопредѣленность древнерусскаго общественнаго строя обнаруживалась и въ отношеніяхъ разнообразныхъ свободныхъ состояній другъ къ другу. Дѣйствительно, изъ изученія терминологіи, уже въ древности служившей для обозначенія сельскаго населенія, можно вынести впечатлѣніе, что низшій слой свободнаго русскаго общества, получившій названіе крестьянъ, долго не представлялъ рѣзко обособленной сословной группы и что обособленіе его въ значительной мѣрѣ вызвано было позднѣйшей фискальной политикой русскаго правительства.

Въ каждомъ родовомъ или семейномъ союзѣ младшіе члены его естественно противополагаются старшимъ: младшіе должны пользоваться меньшимъ значеніемъ, чѣмъ старшіе; въ одной русинской пѣснѣ, напримѣръ, мы читаемъ, какъ „старые люди усимъ судили", а „парубочки въ войску служили". Можно полагать, однако, что родовой бытъ сталъ разлагаться у русскихъ славянъ, пожалуй, на самой зарѣ ихъ исторіи, частью въ силу внутренняго процесса развитія, частью благодаря колонизаціи и передвиженіямъ населенія, ускорившимъ его ходъ: уже въ древнее время вмѣстѣ съ возрастомъ, да и помимо него, общественное положеніе лица стало, повидимому, опредѣляться фактическими его преимуществами передъ другими: „меньшимъ" стали называть не только человѣка младшаго по возрасту, но, во многихъ случаяхъ, и менѣе значительнаго, главнымъ образомъ, по имуществу. Такая терминологія, по всей вѣроятности въ томъ же смыслѣ, стала вообще примѣняться и къ обозначенію низшаго класса свободнаго сельскаго населенія. Этотъ выводъ легко сдѣлать путемъ сопоставленія терминовъ: „мужъ" и „мужикъ". Въ противоположность „холопамъ" и въ широкомъ смыслѣ еще Русская Правда называетъ все свободное населеніе „мужами"; естественно было низшій слой „мужей" называть „меньшими" мужами или „мужиками". Названіе, и теперь еще часто употребляемое нами, когда мы говоримъ о крестьянахъ, какъ видно, содержитъ остатки глубокой старины: въ немъ отразилась безсословность русскаго общества древнѣйшаго времени [1]).

Аналогичный выводъ можно сдѣлать и относительно термина: „крестьяне". Въ старинныхъ памятникахъ они еще называются „христіанами" [2]). Русскимъ колонистамъ, а, при народномъ характерѣ русской колонизаціи, таковыми были большею частью

---

[1]) Слово „мужики" уже встрѣчается въ старинныхъ памятникахъ, напр. въ П. С. Р. Л., VIII, 159 и 161; въ Никон. лѣт. подъ 7064 г. оно употреблено, кажется, для обозначенія населенія, подвластнаго кормленщикамъ (П. С. Р. Л., XIII, 267).

[2]) А. Э., т. I, № 11 (1391 г.).

люди изъ низшаго слоя общества, часто приходилось сталкиваться съ мѣстнымъ населеніемъ и естественно было противуполагать себя, въ качествѣ „христіанъ"-прихожанъ, язычникамъ и иновѣрцамъ. Первоначальное значеніе слова „крестьянинъ", какъ видно, также лишено сословнаго значенія и только съ теченіемъ времени пріобрѣло спеціальный смыслъ для обозначенія особаго класса, тяглыя обязанности котораго были строго опредѣлены московскимъ законодательствомъ [1]).

Даже слово „смердъ" употребляется еще въ Русской Правдѣ то въ самомъ широкомъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ чуть ли не о всемъ населеніи въ противуположность князю, то въ узкомъ для обозначенія сельскаго населенія, занимающагося земледѣліемъ; но слово „смердъ", кажется-чаще вышеприведенныхъ терминовъ, получало послѣдній смыслъ: въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII-го вѣка оно уже означаетъ мирнаго обывателя, человѣка живущаго въ „селѣ" и занимающагося воздѣлываніемъ земли [2]); надо думать, однако, что земледѣліе было только общимъ признакомъ положенія смерда, а не его спеціальнымъ или исключительнымъ занятіемъ.

Въ бытовомъ отношеніи положеніе смердовъ, вѣроятно, нѣсколько опредѣлялось прежде всего путемъ противоположенія ихъ, вмѣстѣ съ остальными мирными жителями, дружинѣ княжеской; оно встрѣчается въ древнихъ нашихъ памятникахъ. Къ такому естественному противопоставленію „людей"—„дружинѣ" по занятіямъ стало присоединяться и особаго рода правовое различіе между „людинымъ", т. е. простолюдиномъ и „княжимъ мужемъ", отразившееся въ законодательствѣ того времени: судя по пространной редакціи Русской Правды, при извѣстныхъ условіяхъ за „убійство въ разбоѣ" людина платили виру вдвое меньше, чѣмъ за такое же преступленіе по отношенію къ „мужу", служившему князю [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что фактическое различіе между „людиномъ", предававшимся сельскимъ занятіямъ, и людиномъ горожаниномъ стало также нѣсколько рѣзче обозначаться по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства, поскольку оно связано было съ раз-

---

[1]) Слово „крестьянинъ" употреблено въ грамотѣ нг. Антонія монастырю, основанному имъ до 1147 года, въ слѣдующихъ фразахъ: „И паша по чужой землѣ ни в двое, ни во едино, ни себѣ покоя не дахъ, братіи и сиротамъ и здѣ крестьянамъ досаждая... Се поручаю Богу и Святой Богородицѣ и крестьянамъ и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство..." (*Амвросій*, Ист. рос. іерархіи, III, 124; грамата извѣстна только въ копіи); болѣе опредѣленное словоупотребленіе въ грамотахъ XIV в. см. въ А. Э., т. I, № 11 А. от. до Ю. В., т. II, № 134; ср. ниже.

[2]) Слова „ἰδιώτης, γεωργός" передаются въ старинныхъ переводахъ словомъ „смердъ"; Лѣт. по Лавр. сп. 6611 (изд. 2, стр. 267). Рус. Ист. Библ. VI, 47.

[3]) Рус. Пр., Тр., 3.

витіемъ городской жизни, а главнымъ образомъ внѣшней торговли. У Тиверцевъ и Улучей были многіе „грады“; они существовали и у новгородскихъ славянъ и у полянъ до призванія Варяговъ; Олегъ на пути своемъ изъ Новгорода въ Кіевъ встрѣтилъ по крайней мѣрѣ два города: Смоленскъ и Любечъ: у Древлянъ также упоминаются города, причемъ въ одномъ изъ нихъ, Коростенѣ, вѣроятно, были жилые дворы: слѣдовательно, въ то время „градомъ“ уже называли не одно укрѣпленное, но и заселенное мѣсто. Въ теченіе X—XIII вв. возникло много новыхъ городовъ. Хотя рѣзкой и постоянной разницы между сельскимъ и городскимъ населеніемъ по занятіямъ, конечно, не существовало, однако, надо думать, сельскіе жители все же нѣсколько отличались отъ городскихъ, что могло особенно ярко обнаруживаться при сравненіи смерда-земледѣльца съ гостемъ, торговавшимъ заморскими товарами: впрочемъ, даже фактическое отличіе подобнаго рода нельзя признать общераспространеннымъ: жители древлянскихъ „градовъ“, напримѣръ, также „дѣлали земли и нивы своя“, а въ смоленскомъ княжествѣ были торговыя поселенія, не причисленныя къ „городамъ“. Естественно, что при такихъ условіяхъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ юридическія грани были также слабо установлены: въ одномъ изъ списковъ Русской Правды упоминаются „горожане“, но они не обособлены отъ остальной массы „людей“. Тѣмъ не менѣе между сельскими и городскими жителями можно замѣтить нѣкоторое фактическое различіе въ ихъ политическомъ значеніи; судя по тому, что мы знаемъ о составѣ вѣча въ вѣчевыхъ общинахъ, на немъ едва ли часто присутствовали смерды [1]); въ дѣйствительности на вѣча, вѣроятно, сходились преимущественно горожане. Дѣло о „смердахъ“, возникшее въ Псковѣ въ 1485—1486 гг., повидимому, было также рѣшено помимо участія ихъ въ рѣшеніи. Даже пригороды должны были принимать то, что „старѣйшіи сдумаютъ“. Итакъ, въ бытовомъ отношеніи смерды-земледѣльцы въ XII—XIII вв., вѣроятно, уже стали нѣсколько обособляться отъ остальныхъ слоевъ свободнаго и мирнаго населенія, а законъ начиналъ уже проводить черту между всѣми „людьми“ и дружинниками.

Тѣмъ не менѣе Русская Правда признаетъ за смердомъ права, присущія свободному человѣку: можно думать, что за убійство смерда взималась вира: смерда никто не могъ наказывать „безъ княжа слова“; у смерда было и свое собственное имущество (статокъ). Подъ 1103 годомъ въ нашей лѣтописи записаны слѣ-

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 159 и 161.

дующія слова, сказанныя Владиміромъ Мономахомъ союзникамъ: „А сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ и пріѣхавъ половчинъ ударитъ й стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а, въ село его ѣхавъ, жену его, и дѣти его, и все имѣнье“; подъ „селомъ“ смерда слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть вообще занятый имъ земельный участокъ съ дворомъ и принадлежностями его хозяйства, „имѣнія“, его усадьбу, хуторъ или что нибудь подобное. Вопросъ о томъ, на какомъ правѣ, однако, смердъ владѣлъ такимъ участкомъ, рѣшить трудно. Возможно, что смердъ занималъ иногда пустопорожнюю землю, считая её „ничьей“, т. е. никому не принадлежащей, осваивалъ ее и обзаводился на ней своимъ хозяйствомъ; отъ нѣсколько позднѣйшаго времени (XIV-го вѣка?) сохранилась купчая, заключенная между Михаиломъ Вахрамѣевичемъ и Игнатіемъ Вахрамѣевичемъ съ Филькой, да Родькой, да Онашкой Григорьевичами, которые продали два „жеребья“ съ угодьями покупателямъ „одерень“; въ граматѣ значится, что Вахрамѣевичи купили эти земли „у великихъ смердовъ у Григорьевичей... въ вѣкъ“, причемъ сдѣлка была утверждена, повидимому, какимъ-то должностнымъ лицомъ [1]); но князьямъ легко и выгодно было не различать такихъ крестьянъ своеземцевъ отъ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, когда между тѣми и другими не было фактическихъ различій, и когда и тѣ и другіе были ихъ подданными. Вѣроятно, однако, что нѣкоторые смерды, дѣйствительно, селились и на княжескихъ земляхъ, изъ которыхъ собственно дворцовыя села въ то время едва ли выдѣлялись. Наконецъ, точныхъ свидѣтельствъ о томъ, что смерды сидѣли и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не сохранилось. Какъ бы то ни было, Русская Правда признаетъ за смердомъ личныя и имущественныя права, присущія свободному человѣку [2]). Соотвѣтственно имъ онъ отправлялъ и нѣкоторыя обязанности:

---

[1]) А. Ю., № 71. XXI. *А. Шахматовъ*, Двинскія граматы. Спб., 1903 г. № 33: авторъ полагаетъ, что подъ „великими смердами„ слѣдуетъ разумѣть смердовъ, жившихъ въ мѣстности „Великой“.

[2]) Въ краткомъ спискѣ Русской Правды упоминается „сельскій староста „княжій“ (ак. 22); о правахъ смердовъ см. главнымъ образомъ Рус. Пр. Ак. 23, 31; Тр. 40, 41, 71, 85. Слово „статокъ„ (о смердьи статкѣ—въ нѣкоторыхъ спискахъ XV—XVI вв. Русской Правды см. *Н. Калачовъ*, стр. 165) употреблялось для обозначенія движимаго имущества: но, по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ XVI вѣка и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о наслѣдствѣ, ему придается и болѣе широкое значеніе, напримѣръ: „отступились есмя земли..., отца своего статка, а своего владѣнія“... (Отступная 7067 года въ А. Ю., № 23). Въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды, въ статьѣ „о посѣченіи борти“, прибавлено: „а въ смерди 2 гривны“ (Рус. Пр., Рост. 30; Тат.—Пог. 29; см. *Н. Калачовъ*, стр. 195).

лѣтописи повѣствуютъ о томъ, что смерды принимали участіе въ военныхъ походахъ и что они платили дань князьямъ: кромѣ того въ договорахъ Новгородцевъ съ князьями есть статья, въ силу которой „кто смердъ, тотъ потягнетъ въ свой погостъ“ или „потугъ“ [1]).

Подобныя или соотвѣтствующія организаціи, вѣроятно, существовали и въ другихъ мѣстахъ, хотя нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы въ нихъ принимали участіе именно смерды. Въ составъ „сотенъ“, напримѣръ, можетъ быть, входили и крестьяне, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые тянули къ городу: въ 1289 году берестьяне за крамолу противъ князя были обложены разными натуральными сборами „со всякаго ста“, причемъ „горожане“ упомянуты особо и платили деньгами: сотни въ Галицкой Руси отличались, повидимому, такимъ же смѣшаннымъ составомъ: здѣсь онѣ состояли изъ крестьянъ и мѣщанъ и отвѣчали, въ силу круговой поруки, за каждаго своего сочлена. Возможно, что древне-русскія сотни съ сотскими и десятскими во главѣ, подобно берестьянамъ, служили для огульнаго оклада ихъ разными повинностями и сборами и стали даже первообразами сотенъ, удержавшихся въ нѣсколько позднѣйшее время въ Галицкой Руси. Столь же скудны и древнія извѣстія о „верви“, о ея происхожденіи, составѣ, организаціи и пр. Въ источникахъ нѣтъ указаній, состояла-ли вервь изъ нѣсколькихъ деревень, подобно позднѣйшей копѣ, или складывалась какъ-нибудь иначе. Про вервь мы знаемъ только то, что въ ея предѣлахъ можно было розыскивать трупъ убитаго и „по ней искать татя“ и что съ нея въ извѣстныхъ случаяхъ взыскивались уголовные штрафы (дикая вира, продажа): члены „верви“, надо думать, состояли по такимъ дѣламъ въ круговой порукѣ: тотъ, кто не соглашался вмѣстѣ съ остальными членами „верви“ платить „виру“, лишался помощи ихъ и самъ долженъ былъ платить ее [2]). Случайныя упоминанія о „сельскомъ старостѣ“ показываютъ, что въ сельской общинѣ того времени могли быть и свои, вѣроятно, выборныя мірскія власти: во главѣ галицко-русскихъ общинъ XV столѣтія также стоялъ „тіунъ“, выбираемый ея сочленами [3]).

---

[1]) Новгород. лѣт. по синод. сп. 6677 и 6737 гг. (изд. 2, стр. 149 и 230; ср. стр. 129). Лѣт. по Ипат. сп., 6753 г. (изд. 2, 529). Соб. гос. гр. и дог., I, №№ 3, 13, 20. А. Э., т. I, № 87.

[2]) Рус. Пр., Тр., 3, 4, 6, 63.

[3]) Лѣт. по Ипат. сп., изд. 2, стр. 613; ср. А. Э., т. I, № 13 *Н. Любиченко*, Черты изъ исторіи сословій въ Югозападной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., М., 1894 г., стр. 107—118, 166; о копѣ см. *Н. Иванишевъ*, Соб. соч., 247, 262 и др.

Положеніе смердовъ уже въ древнее время было, однако, довольно шаткимъ. Глухіе намеки на то, что сельское населеніе начинало подпадать нѣкоторому давленію сильныхъ людей, можно усмотрѣть въ заботахъ Русской Правды объ участи „ролейныхъ закуповъ". Извѣстія о нихъ довольно скудны. Въ одномъ текстѣ Русской Правды закупъ называется „наймитомъ", а именно въ той статьѣ, гдѣ онъ признается свободнымъ „во всѣхъ кунахъ", если господинъ продастъ его въ полное рабство; но въ западно-русскихъ актахъ XVI-го вѣка словомъ „закупъ" обыкновенно обозначается человѣкъ, отдавшій себя (или отданный тѣмъ, кому онъ подвластенъ) въ личный закладъ кредитору для обезпеченія займа и впредь до его отработки, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до возвращенія долга наличными деньгами. Если считать возможнымъ приравнивать „закупа" Русской Правды къ „закупу" позднѣйшихъ западно-русскихъ актовъ, то легко заключить, что въ основѣ древняго закупничества также лежалъ договоръ займа, осложненный, впрочемъ, и другими отношеніями; но такого заключенія еще нельзя сдѣлать съ полною достовѣрностью. Какъ бы то ни было, можно думать, что ролейный закупъ жилъ и работалъ на чужой землѣ съ хозяйскимъ инвентаремъ, хотя могъ имѣть и собственное движимое имущество; вѣроятно и то, что онъ въ теченіе извѣстнаго срока отрабатывалъ взятыя имъ деньги на землѣ своего господина. Русская Правда различаетъ, однако, закупа отъ рядового холопа; закупъ „въ малой тяжѣ по нужи" призывается на судъ въ качествѣ свидѣтеля; за побои закупа „безъ вины" съ господина взимается пеня; закупу было также предоставлено право собственности на движимое имущество и право иска даже противъ „своего господина [1])". И тѣмъ не менѣе положеніе закупа во многихъ отношеніяхъ зависѣло отъ его гос-

---

[1]) Рус. Пр. Тр., 53, 54, 55. „Продастъ-ли господинъ [закупа] обьль, то (и) наимету свобода въ всѣхъ кунахъ"... (*Н. Калачовъ*, стр. 144); въ 14-ти спискахъ (между ними есть и XV вѣка) вм. „наимету" стоитъ „закупу". „Закупъ Еориш преже оубо продавъ свои законъ, наимитъ бысть" (Григорій Богословъ, XVI слов. съ толк. Никиты Ираклійскаго въ рус. пер. по сп. XIV в. Моск. Синод. библ.: *А. Горскій и К. Невоструевъ*, Оп., II, 2, 86). Въ позднѣйшихъ грамотахъ наймиты иногда упоминаются въ качествѣ работниковъ, взявшихъ плату впередъ; въ жалованной грамотѣ в. кн. Ивана Даниловича объ освобожденіи Печерскихъ сокольниковъ отъ даней и повинностей, 1328—40 гг. мы читаемъ: „наймиты, стражетъ (работаетъ) на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ" (А. Э., т. I, № 3); ср. еще любопытную порядную въ сельскіе наймиты Лазаря Иванова съ товарищами на починокъ Спасской Печенской пристани 1600 года: наемная плата выдается имъ впередъ „на заводъ"; обязанности ихъ на время шестилѣтней льготы дворъ постановить и починокъ распахать, а также отбывать „здѣлье, на кою работу позовутъ", по 2 дня въ году, а по минованіи шести

подина. Въ древности слово „работать“ иногда употреблялось въ смыслѣ „находиться въ рабствѣ“; а закупъ въ извѣстной мѣрѣ работалъ на господина. Само законодательство предоставляло господину право „бить закупа про дѣло“, распоряжаться закупомъ по своему усмотрѣнію за кражу хозяйскаго имущества (за „выводъ“ чего либо) и превращало его за „бѣгство отъ господы“ въ ея обельнаго холопа. Такія постановленія Русской Правды едва-ли можно, однако, признать суровыми нововведеніями, если припомнить, что составители ея предусмотрѣли цѣлый рядъ случаевъ порабощенія закуповъ господами: послѣдніе, очевидно, часто смѣшивали понятіе холопа съ понятіемъ „закупа“ и пользовались такимъ смѣшеніемъ для того, чтобы „работить“ (т. е. порабощать) закупа, отдавать его въ закладъ за деньги тому, у кого они были взяты его господиномъ, и даже продавать закупа „обель“, т. е. въ полное холопство. Русская Правда устанавливаетъ наказанія за совершеніе подобнаго рода дѣяній, но можно сомнѣваться, чтобы ея статьи способны были устранить слагавшуюся практику житейскихъ отношеній [1]).

Между тѣмъ, смердъ могъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, попасть въ ролейные закупы, а изъ нихъ и въ обельные холопы: по свидѣтельству одного изъ нашихъ проповѣдниковъ XIII вѣка, сильные люди „имѣнья не насыщашеся“ и даже „сво-

---

лѣтъ — по 8 дней въ году: см. Русск. Ист. библ., т. XIV, стб. 428—431. Въ городѣ Яранскѣ, сообщалъ депутатъ И. Антоновъ, „находится весьма мало добровольно нанимающихся людей, которые были бы согласны получать заслуженныя ими деньги послѣ, а не впередъ“ (Сб. Рус. Ист. Общ., VIII, 79). О тяжеломъ положеніи „наемныхъ дѣловыхъ людей“ въ вотчинахъ Морозова, см. *И. Забѣлинъ*, Большой боярин и пр. въ В. Е. 1871 г., № 1, стр. 47—49. О закупахъ въ западно-русскихъ актахъ см. Литовскую Метрику, Спб. 1903 г., I, 241—242, 310 и 1487; ср. выраженіе „ни въ закупи не поставити“, употребленное о землѣ въ духовной Ив. Алферьева 1518 г., почти рядомъ съ выраженіемъ: „ни въ наймы не дати“ (А. Ю., № 417); ср. А. Э., т. I, № 87. *М. Ясинскій*, Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права въ Сборникѣ Статей, по св. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К., 1904 г., стр. 430—465.

[1]) Рус. Пр., Тр., 52, 55, 57, 105. Русская Правда не опредѣляетъ, къ какимъ именно закупамъ относятся упоминаемыя ею злоупотребленія господъ, къ дворовымъ или ролейнымъ: въ такихъ случаяхъ легко было смѣшивать дворовыхъ закуповъ съ ролейными. Въ судныхъ дѣлахъ литовской метрики начала XVI-го вѣка встрѣчаются иногда упоминанія о закупахъ: про нѣкоего Родюса Нѣмца, „много лѣтъ служившаго въ малыхъ пѣнязехъ“ у боярина Юрья Богдановича, сказано, что онъ, Родюсъ Нѣмецъ, „есть человѣкъ похожій, нежли былъ въ закупахъ“ (Литовская Метрика, I, Спб. 1903 г., стб. 242—243; любопытное дѣло о томъ, какъ одна мѣщанка бельская „закупку замучила“, причемъ послѣдняя „съ тое муки вмерла“ см. въ Лит. мет., I, 828—830.

бодные сироты порабощаютъ и продаютъ [1])". Во всякомъ случаѣ, Русская Правда вообще слишкомъ мало позаботилась объ опредѣленіи состоянія смерда по закону и уже закрѣпила его приниженное положеніе въ обществѣ: въ ней постановлено взимать съ того, кто „умучитъ смерда", „продажу" вчетверо меньшую чѣмъ за такое же преступленіе по отношенію къ „лучшему мужу" и отбирать выморочное имущество смерда въ пользу князя [2]). Фактическое положеніе смердовъ также, вѣроятно, ухудшалось. Уже въ XI вѣкѣ слово „смердъ" употреблялось иногда въ уничижительномъ смыслѣ: характерные примѣры такого словоупотребленія встрѣчаются и въ памятникахъ позднѣйшаго времени: князьямъ уже въ древности приходилось защищать „худыхъ смердовъ" отъ обидъ „сильныхъ" людей. Само правительство начинало, однако, усваивать себѣ такіе же пріемы. Въ договорѣ Новгорода съ Казиміромъ IV (1470 или 1471 года) послѣдній обязуется смердамъ наравнѣ съ холопами не вѣрить, если они начнутъ „вадити [доносить?] на осподу". Вообще о малой степени обезпеченности смердовъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, можно судить, напримѣръ, по одному разсказу Псковской лѣтописи. Здѣсь подъ 1485—1486 годами встрѣчается одно изъ послѣднихъ извѣстій о нихъ. Содержаніе его даетъ поводъ предполагать, что псковичи хотѣли обязать „смердовъ" какими-то „урочными работами". Попытка „обидныхъ людей" была, очевидно, невыгодна для смердовъ: они воспротивились ея осуществленію, но исходъ усобицы окончился въ пользу смердовъ, только благодаря вмѣшательству московскаго правительства [3]). На основаніи приведеннаго извѣстія нельзя, конечно, заключать о существованіи такого же организованнаго давленія землевладѣльче-

---

[1]) *Пр. Серапіонъ*, Поученіе о мятежи житіа сего въ Прав. Соб. 1858 г., іюль, стр. 481.

[2]) Рус. Пр., ак. 31, Тр., 71 и 85. Смыслъ статьи „а въ смерди и въ хопѣ 5 гривенъ" (ак. 23) остается темнымъ: ср. *В. Сергѣевичъ*, Юр. др., 1², 185.

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., 6604 (изд. 2 с., стр. 222 и 242); Никон. лѣт., 6685. П. С. Р. Л., IV, 266; V, 43—46. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени такое уничижительное значеніе слова „смердъ" выступаетъ еще яснѣе. „Ино чи не боишся ты, смерде, насъ, писалъ в. кн. Витовтъ въ грамотѣ о Пилипкѣ, судникѣ Вязовецкомъ, да чи не бывалъ ты у насъ подъ посохомъ?" (А. Ю. и З. Р. т. II, № 65, 1383 г.). Архіепископъ Геннадій, возражая противъ разрѣшенія, даннаго митрополитомъ Зосимой дьяку двоеженцу „у церкви пѣти", писалъ: „а вѣдь тотъ смердъ еще былъ и не ставленъ дьякъ". (А. И., т. I, № 101, 1490—1494 гг.). См. еще А. Э., т. I, № 87; ср. А. З. Р., т. I. № 39; Лит. Мет., I, 315, 704.—Слѣдуетъ замѣтить, что и холоповъ и крестьянъ иногда называли „сиротами": извѣстія о такомъ словоупотребленіи примѣнительно къ крестьянамъ, и за исключеніемъ развѣ уже приведенной грамоты иг. Антонія (см. выше стр. 5) восходятъ къ XIV-му вѣку: см., напримѣръ, А. Э., т. I, № 5.

скаго класса на сельское населеніе въ древнѣйшій періодъ (до XIV в.): но исторія съ псковскими смердами показываетъ, къ чему могла съ теченіемъ времени привести неопредѣленность общественнаго строя кіевской Руси.

Правда, бывали случаи, когда смерды, благодаря той же неопредѣленности, поднимались и до высшихъ ступеней общественной лѣстницы: въ числѣ бояръ князя Даніила Галицкаго лѣтописецъ упоминаетъ, напримѣръ, Лазаря Домажиреча и Иворя Молибожича, „двухъ беззаконниковъ отъ племени смердья" [1]); но этотъ случай, относящійся ко времени татарскаго погрома, имѣлъ, кажется, довольно исключительный характеръ: именно въ Галицкой Руси боярство съ середины XIII столѣтія усилилось приливомъ служилыхъ князей, лишившихся своихъ удѣловъ и, вѣроятно, даже ранѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ земляхъ, стало пріобрѣтать сословное значеніе.

Такимъ образомъ, уже въ древній періодъ нашей исторіи зарождается тотъ порядокъ общественныхъ отношеній, который получилъ дальнѣйшее развитіе и опредѣлился въ московскомъ государствѣ. Изъ безсословнаго русскаго населенія уже выдѣлились холопы и сталъ выдѣляться низшій слой свободныхъ людей, вѣроятно, сидѣвшихъ частью на своихъ, частью и на чужихъ земляхъ и фактически нѣсколько отличавшихся отъ другихъ слоевъ родомъ своихъ занятій. Между рабствомъ и сельскимъ состояніемъ уже обнаружилось нѣкоторое сближеніе: въ рабствѣ появились градаціи, сглаживавшія различія между нѣкоторыми видами холоповъ и свободными сельскими жителями: а среди послѣднихъ обозначились такіе разряды, какъ рядейные закупы, при извѣстныхъ условіяхъ превращавшіеся въ холоповъ. Сами смерды продолжали еще оставаться свободными и соединялись въ особаго рода организованные союзы, но теряли политическое значеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ права ихъ были слишкомъ мало обезпечены закономъ, закрѣплявшимъ ихъ приниженное положеніе въ обществѣ и имъ уже грозила зависимость отъ землевладѣльцевъ, къ которой начинало привыкать правительство даже въ вольныхъ городскихъ общинахъ. Дальнѣйшее развитіе такого порядка отношеній обнаружилось въ теченіе XV—XVII вв., когда крестьяне стали все болѣе терять прежнюю волю. Въ русскомъ обществѣ того времени этотъ процессъ усилился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго класса и благодаря политикѣ московскаго самодержавнаго правительства, стоявшаго на стражѣ внѣшнихъ интересовъ государства.

II. Крестьяне въ Московскомъ государствѣ XIV—XVII вв.

Съ того времени, когда „крестьяне" стали выдѣляться изъ остальнаго русскаго общества [1]) и приблизительно до 1718—1724 гг., основные классы крестьянъ еще не вполнѣ сложились и между низшимъ и высшимъ слоемъ населенія не было поставлено рѣзкой сословной грани: всѣ служили государству. Напротивъ, съ введеніемъ подушной подати появился прежде всего опредѣленный признакъ, по которому „подлыхъ" людей стали отличать отъ „благородныхъ", въ то время уже называвшихся однимъ общимъ именемъ „шляхетства". Послѣ той же ревизіи 1718—1727 гг. окончательно образовались и основные „роды крестьянства". Указанные процессы, разумѣется, еще болѣе опредѣлили соотношеніе главныхъ классовъ крестьянскаго населенія другъ къ другу, а также обособили крестьянъ и отъ „средняго рода людей", состояніе которыхъ долгое время оставалось мало опредѣленнымъ, и отъ благородныхъ, постепенно превращавшихся въ привилегированное дворянское сословіе. Такимъ образомъ, въ исторіи крестьянъ можно признать время съ XIV-го по XVII-й вѣкъ за отдѣльный періодъ, въ теченіе котораго преимущественно выяснилось тяглое значеніе сельскаго населенія для государства и была подготовлена частная зависимость одного изъ его разрядовъ отъ землевладѣльцевъ, а другого, въ извѣстной мѣрѣ, отъ казны.

Въ XIV-мъ столѣтіи значительная часть южно-русскихъ земель вошла въ составъ территоріи литовскаго, а затѣмъ и польско-литовскаго государства. Хотя такая перемѣна и не измѣнила тотчасъ же быта русскихъ крестьянъ, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ и въ теченіе нѣкотораго времени продолжавшихъ жить по „русскому" праву, однако, сосуществованіе послѣдняго съ многими чужими правами, главнымъ образомъ польскимъ и нѣмецкимъ, должно было существенно отразиться и на положеніи русскихъ крестьянъ; вопреки ихъ явному желанію, они иногда переводились съ русскаго права на чужое, особенно нѣмецкое [2]). Земли, присоединенныя литовскими князьями и польскими королями, были окончательно пріобрѣтены русской державой,

---

[1]) Терминъ „христіане" „крістіане" „крестьяне" для обозначенія сельскихъ классовъ населенія уже употребляется въ граматахъ 1391 года; см., напримѣръ, А. Э., т. I, № 11; А. от. до Ю. Б. т. II, № 134.

[2]) *Н. Ланниченко*, Op. cit., стр. 156, 159, 176, 191, 208.

вмѣстѣ съ другими территоріальными владѣніями только черезъ нѣсколько столѣтій, уже въ періодъ полнаго развитія крѣпостного права.

Съ того же XIV-го столѣтія на сѣверо-востокѣ стало возвышаться московское княженіе: подъ главенствомъ московскихъ князей объединилось московское государство, въ которомъ крестьяне и заняли опредѣленное мѣсто, главнымъ образомъ постольку, поскольку отбывали въ его пользу извѣстныя обязанности, тянули свое тягло. Исторію крестьянъ въ Московскомъ государствѣ (т. е. преимущественно крестьянъ великорусскихъ) можно было бы по нѣкоторымъ признакамъ разбить на два второстепенныхъ періода, приблизительно до середины XVI вѣка и послѣ нея до реформы начала XVIII-го вѣка. Въ самомъ дѣлѣ до середины XVI вѣка крестьянское состояніе въ составныхъ своихъ частяхъ еще не вполнѣ опредѣлилось и не получило самоуправленія, организованнаго правительствомъ въ виду его же собственныхъ цѣлей. Лишь со второй половины XVI вѣка изъ состава черносошныхъ крестьянъ выдѣляются дворцовые, что приближаетъ черносошныхъ крестьянъ къ положенію государственныхъ: лишь со второй половины XVI-го вѣка появляются и указы, опредѣлившіе состояніе кабальнаго холопства, которое сыграло существенную роль въ процессѣ частнаго прикрѣпленія или закрѣпощенія владѣльческихъ крестьянъ: далѣе лишь въ 1555—1556 году произошла извѣстная реформа, перенесшая на крестьянскую общину многія изъ функцій правительственныхъ органовъ мѣстнаго управленія: наконецъ, лишь съ 1590-хъ годовъ начинается рядъ общихъ указовъ касательно государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду главной задачи настоящаго очерка и для того, чтобы чрезмѣрно не дробить изложенія, можетъ быть, удобнѣе будетъ разсмотрѣть исторію крестьянъ въ Московскомъ государствѣ въ иной схемѣ: больше движенія замѣтно въ образованіи важнѣйшихъ классовъ крестьянъ, чѣмъ въ исторіи ихъ общественной организаціи: а исторію ихъ образованія естественно изучать порознь, примѣнительно къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ и на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Въ древне русскомъ обществѣ положеніе крестьянъ еще мало выяснилось, но и тогда уже было, по всей вѣроятности, довольно приниженнымъ: въ послѣдующее время оно продолжаетъ ухудшаться. Довольно нагляднымъ показателемъ такого процесса можно признать размѣры денежнаго штрафа, взимаемаго за „безчестіе“ крестьянина въ Судебникѣ 1550 года. По Русской Правдѣ „за обиду“ княжескаго слуги взимали съ обидчика по 12 гривенъ, а за обиду смерда—3 гривны: въ Судебникѣ 1550 года размѣры безчестія „боярскаго человѣка добраго“ опредѣлены въ пять

рублей [1]). Слѣдовательно, въ Русской Правдѣ величина „продажи", взимаемой за муку смерда, вчетверо меньше величины „продажи" за муку огнищанина, тивуна или мечника. Аналогичная точка зрѣнія на приниженное положеніе сельскаго населенія также весьма замѣтна въ только-что приведенныхъ постановленіяхъ царскаго Судебника, хотя они и касаются иного рода преступленій: здѣсь вознагражденіе за „безчестіе" крестьянина въ пять разъ меньше того, что обидчикъ долженъ былъ платить „за безчестье боярскаго человѣка добраго", не говоря о людяхъ изъ высшихъ слоевъ общества, честь которыхъ, разумѣется, оцѣнена гораздо дороже. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что Судебникъ 1550-го года устанавливаетъ одинаковые размѣры платы за безчестье крестьянина и за безчестье „человѣка молодшаго боярскаго", т. е. человѣка, по всей вѣроятности, обыкновенно несвободнаго: впрочемъ, такова же и оцѣнка чести „чернаго городского человѣка молодчаго". Какъ бы то ни было, содержаніе вышеуказанныхъ статей Судебника 1550-го года о безчестьи крестьянина уже нѣсколько намекаетъ на то направленіе, въ которомъ развивалась исторія сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вв.

Такое обобщеніе нельзя, однако, въ одинаковой мѣрѣ прилагать ко всѣмъ разрядамъ этого населенія. Преимущественно на сѣверѣ въ „поморскихъ" уѣздахъ сложился классъ крестьянъ, сидѣвшихъ на „черныхъ" земляхъ; такъ какъ послѣдними, подъ условіемъ отбыванія тягла, могъ владѣть и посадскій и даже бѣломѣстецъ, то черносошные крестьяне въ изучаемый періодъ не могли еще образовать замкнутыхъ сословныхъ союзовъ; въ составъ ихъ входили тяглецы изъ разныхъ слоевъ общества. Въ центральной области, а также на московской украйнѣ, крестьяне, напротивъ, должны были осѣсть преимущественно на частновладѣльческихъ земляхъ и поэтому рѣзче обособились отъ остальныхъ общественныхъ группъ. Различіе между черносошными и владѣльческими крестьянами, уже довольно замѣтное къ концу XVI вѣка, обнаружилось не только въ соціальномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Въ „черныхъ" земляхъ никто не заслонялъ крестьянъ отъ воздѣйствія правительственной власти, хотя

---

[1]) Судеб. II, 26; ср. Судеб. III, 48, 50. Въ судной грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича крестьянамъ Замосковной Вохонской волости 1561 года между прочимъ повторяется и вышеприведенное постановленіе Судебника II, 26; но „волостные добрые люди" приравнены здѣсь къ посадскимъ, за безчестіе которыхъ взимается 5 руб.: а за безчестіе крестьянина пашеннаго и непашеннаго положено взимать 1 рубль (А. Э., т. I, № 257); такого различія нѣтъ въ Судебникѣ 1550 года, ст. 26-ой.

само правительство иногда и начинало выступать по отношенію къ нимъ въ роли вотчинника; въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ между крестьянами и правительствомъ стали землевладѣльцы и крестьяне мало по малу попали въ зависимость отъ привилегированнаго сословія. Съ теченіемъ времени крестьяне черныхъ волостей оказались государственными крестьянами, а владѣльческіе „крестьяне" превратились въ „крѣпостныхъ". Познакомимся съ важнѣйшими процессами, приведшими къ такимъ результатамъ.

I. Крестьяне, сидѣвшіе на „черныхъ" земляхъ.

До позднѣйшаго времени права черносошныхъ крестьянъ оставались почти безъ всякихъ законодательныхъ опредѣленій, хотя иногда и подразумѣвались законодателемъ. Въ силу судебника 1550 года, они имѣли право искать о безчестіи или объ увѣчьи и прибѣгать къ судебной защитѣ, а также переходить „изъ волости въ волость"; аналогичныя статьи о правахъ черныхъ людей (за исключеніемъ, конечно, постановленій о переходѣ) можно найти и въ Уложеніи. Законъ признавалъ за ними и нѣкоторыя имущественныя права [1]).

Вообще положеніе черносошныхъ крестьянъ въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того взгляда, который сложился у правительства на черныя земли. Возможно, что первоначально черносошные крестьяне смотрѣли на нихъ иначе, чѣмъ московское правительство. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне иногда продолжали еще сидѣть на своихъ земляхъ: въ новгородскихъ владѣніяхъ, напримѣръ, въ числѣ „своеземцевъ", среди которыхъ упоминаются лица весьма разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, были и крестьяне. Съ теченіемъ времени такіе мелкіе землевладѣльцы изъ крестьянъ, вѣроятно, частью слились съ массою поселянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ, частью вовсе лишились своихъ земель и даже стали владѣльческими. Завоеваніе новгородскихъ владѣній великимъ княземъ Иваномъ III и подчиненіе ихъ новымъ московскимъ порядкамъ должны были, конечно, отразиться на судьбѣ „своеземцевъ", въ томъ числѣ и крестьянъ-землевладѣльцевъ. „Были деревни своеземцевъ, а нынѣ за государемъ" — лаконически замѣчаетъ одинъ изъ

---

[1]) Судеб. I, 36, 57. Судеб. II, 26, 72, 84 и 88; ср. и проектъ Судеб. III, 129; статья 52-я проекта 1589 г., въ которой постановлено взимать за безчестье „добраго крестьянина", или крестьянина, котораго назовутъ добрымъ человѣкомъ въ волости, — три рубля, а за безчестье жены его — вдвое, — новая, но она, повидимому, не была введена въ дѣйствіе. Ср. еще ib., ст. 73, 150, и пред. прим. Уложеніе, X, 94, 159, 162; XVIII, 38; см. еще ниже стр. 30.

писцовъ, описывавшихъ эти земли въ 1581 году [1]). Своеземческая старина едва-ли могла, однако, исчезнуть сразу, безъ всякихъ слѣдовъ. Сами крестьяне иногда называли земли, на которыхъ они сидѣли, своими („наши" и т. д.); но иногда они говорили только о „земляхъ великаго князя, а своего владѣнія". И тѣмъ не менѣе крестьяне черныхъ волостей передавали свои участки по наслѣдству, вкладывали ихъ въ монастыри и въ церкви или закладывали и продавали свои земли или свои „доли", „жеребья, что̀ достанутся по дѣду" и т. п. разнымъ лицамъ, даже бѣломѣстцамъ, а выборные и приказные судьи утверждали подобнаго рода сдѣлки [2]).

Происхожденіе того строя поземельныхъ отношеній, который нѣсколько извѣстенъ намъ въ черныхъ волостяхъ главнымъ образомъ по документамъ XVI—XVII вв., до сихъ поръ остается темнымъ. Въ числѣ крестьянъ землевладѣльцевъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего о цѣлыхъ крестьянскихъ семьяхъ, иногда достигавшихъ довольно крупныхъ размѣровъ и часто селившихся отдѣльными деревнями. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда между членами семьи происходилъ раздѣлъ, часть ихъ имущества могла оставаться въ общемъ владѣніи. Изъ одной „дѣльной" 1530—1531 годовъ мы узнаемъ, напримѣръ, что семья, въ которой перечислено 16 человѣкъ поименно, подѣлила свои дворы, дворища и $^3/_4$ црѣпа, по „третямъ", причемъ въ каждой трети оказалось по четыре человѣка изъ вышеназванныхъ; раздѣливши кромѣ того почти все движимое имущество, они, однако, оставили безъ раздѣла „деревню" да двѣ „полутони", да часть движимаго имущества (въ томъ числѣ „ладью съ якоремъ"), да „кабалы вобчія". Свойственники иногда заключали даже особаго рода договоръ о томъ, чтобы „жить вмѣстѣ и пити и ясти вмѣстѣ" [3]). Такое же условіе встрѣчается

---

[1]) Въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1565—1566 гг. земли своеземцевъ еще значатся, но въ ничтожномъ количествѣ. (*Н. Рожковъ*, Сельское хозяйство Московской Руси М. 1899 г. Стр. 385).

[2]) Крестьяне частно-владѣльческихъ имѣній, вѣроятно образовавшихся изъ черныхъ земель, едва-ли сразу перестали вступать между собою въ подобнаго рода сдѣлки: приказные люди устюжскаго архіепископа имѣли въ виду фактическую возможность ихъ совершенія, когда еще въ 1680-хъ годахъ разъясняли, что „во всякихъ вотчинахъ продать что или заложить повольность имѣетъ вотчинникъ", а не крестьяне.

[3]) А. Ю., № 23. Рус. Истор. Библ., XIV, 219, 344. См. еще третій (печатаемый) томъ тѣхъ же актовъ, № 208. Ср. *А. Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни, М., 1884 г., стр. 222; авторъ замѣчаетъ, что обычай такихъ „складныхъ семей" и въ старину, вѣроятно, не былъ распространенъ.

и въ одной „складной грамотѣ“, писанной до 1612 года: она возникла по слѣдующему поводу: въ Шетогорской волости жили крестьяне Артемій да Емельянъ Кузнецовы; по смерти Артемія, Емельянъ, должно быть, подѣлился съ его дѣтьми, съ Трофимомъ да съ Ѳедорою Артемьевыми: Трофимъ Артемьевъ заложилъ свою часть другому крестьянину той же волости Никитѣ Некрасову, а Ѳедора Артемьева вошла съ нимъ, вѣроятно, касательно своей части наслѣдства, въ особаго рода сдѣлку; о ней мы узнаемъ изъ закладной Никиты Некрасова, данной на ту же землю Моисею Кононову: „а заложилъ есми ту свою землю, писалъ закладчикъ, по закладной грамотѣ Трофима Артемьева да по другому путю, по складной грамотѣ, что язъ складывался съ Ѳедорою съ Ортемьевою дочерью вмѣсто [вмѣстѣ?] жити“. Въ другой волости, Троицкой, жили „складники“; ихъ было четверо: Ѳедоръ Ивановъ съ племянникомъ своимъ Третьякомъ Исаковымъ, да Прокопій и Семенъ Тимофѣевы, надо думать, также состоявшіе въ родствѣ между собою. Въ извѣстныхъ намъ актахъ троицкихъ складниковъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, владѣли ли они какими-нибудь землями „безъ дѣлу“, хотя указанія на владѣніе подобнаго рода встрѣчаются въ другихъ документахъ. Во всякомъ случаѣ изъ явокъ троицкихъ складниковъ видно, что каждый изъ нихъ считалъ себя вправѣ „по своей долѣ“ получить соотвѣтствующія полосы въ горней (пашенной) и луговой землѣ ихъ деревни и что при „дѣлѣ“ надо было соблюдать такое соотвѣтствіе. Послѣднее, вѣроятно, часто нарушалось и по разнымъ причинамъ: можно думать, что для его возстановленія складники прибѣгали къ передѣлу и повторяли его въ случаѣ надобности. Какіе то „дѣлы“ происходили и у троицкихъ складниковъ Кононовской деревни. „Въ прошломъ во 138-мъ (1630) году уложили и излюбили мы, писали они, въ Кононовской деревнѣ горнюю землю и луговую, орамую и пожни верьвити и жеребьевати по долемъ: и въ прошломъ 138 лѣтѣ тое деревни на горѣ, что по верхнюю сторону дворовъ, то поле раздѣлили и разжеребьевали и по новому дѣлу въ томъ полѣ осенесь и рожь у насъ сіяна къ сему году; а что въ нижнемъ замостномъ полѣ въ прошломъ 138 лѣтѣ рожь была сіяна, и въ томъ полѣ складники... [кромѣ одного, на котораго и подана была жалоба сотскому тѣмъ изъ складниковъ, которому по „новому дѣлу“ досталась его неоранная полоса] осенесь по старому дѣлу подъ зебель [яровое] всѣ орали. И то поле... сія весны всѣ складники раздѣлили и разжеребьевали же по прежнему излюбу“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствіе между „долей“ и размѣрами полосъ нарушалось, оно, надо полагать, возстановлялось „ровнею“: у кого земли было „по его долѣ мало, не сполна“, тотъ считалъ себя вправѣ требовать, чтобы ему при-

бавили изъ земель тѣхъ его складниковъ, у которыхъ оказались лишки. Дѣло подобнаго рода возникло между складниками той же Копоновской деревни: потерпѣвшій подалъ явку сотскому, а сотскій, взявши съ собою „людей добрыхъ", явился въ деревню досматривать и мѣрить землю. Итакъ, складниковъ никакъ нельзя считать только складниками въ тяглѣ, хотя бы „складствомъ" и называли „положеніе" нѣсколькихъ плательщиковъ „въ одну податную единицу для исчисленія государева тягла"; складники, разумѣется, могли, а пожалуй, и принуждены были складываться вмѣстѣ для его уплаты [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи вышеприведенныхъ и аналогичныхъ фактовъ, нельзя еще придти къ заключенію, что въ складническихъ союзахъ не могло обнаруживаться никакихъ проявленій общинной жизни.

Исторія складническихъ союзовъ, часто ограниченныхъ, надо полагать, предѣлами одной деревни, еще очень мало выяснена: пока трудно сказать съ достовѣрностью, въ какой мѣрѣ эти союзы были распространены на русскомъ сѣверѣ и насколько они успѣли развиться. Нѣкоторыя обстоятельства могли повліять на ихъ разложеніе: таковы, напримѣръ, ростъ населенія въ данной мѣстности при ограниченности земли удобной или даже необходимой для цѣлой группы поселковъ, а не только для одного изъ нихъ; наличность среди складниковъ хозяевъ, стоявшихъ ниже обычнаго уровня или выдѣлявшихся изъ него по своей иниціативѣ, интенсивной культурѣ своихъ полосъ и т. п. Во всякомъ случаѣ значительное большинство документовъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы узнаемъ о складникахъ, оказываются „явками"; естественно, что въ нихъ собрано много извѣстій о ссорахъ и столкновеніяхъ, возникавшихъ между складниками. Такія отношенія, можетъ быть, объясняются и болѣе спеціальными причинами. Складничество было преимущественно поземельнымъ союзомъ: члены его имѣли, однако, возможность распоряжаться своими участками или даже своими долями, смотря по тому, состояла ли земля „въ дѣлу" или нѣтъ. Правда, судя по нѣкоторымъ актамъ, за складниками обыкновенно признавалось право преимущественной покупки отчуждаемаго, почему отчужденіе и производилось „съ объявленіемъ складникамъ"; но „за скудностью" своею они едва ли всегда

---

[1]) Акты троицкихъ складниковъ см. въ статьѣ *П. Иванова*: Сябры-помѣщики въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1903 г., № 12; см. еще *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 227, 299. *В. Клочковъ*, Къ вопросу о складникахъ, ib., 1901 г., № 11, стр. 29—52. *П. Ивановъ*, Позем. союзы и пр. въ Тр. Археогр. Ком. Имп. Моск. Археол. Общ. т. II, вып. 2, М., 1902 г., стр. 193—278. Ср. *П. Виноградовъ*, О родовомъ строѣ уэльскихъ кельтовъ въ Сборникѣ М. Влад.-Буд., стр. 145.

пользовались своимъ преимуществомъ и въ такихъ случаяхъ земля переходила въ чужія руки. Слѣдовательно, въ составъ складническаго союза, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, могли входить и, по всей вѣроятности, входили лица разныхъ общественныхъ положеній: въ одно и то же складничество вступали, напримѣръ, монастырскій старецъ, или подъячій, или посадскій человѣкъ и крестьяне; такой составъ союза, члены котораго иногда владѣли „орамой землей въ раздѣлѣ и за межами", а разными угодьями „съ складниками вмѣстѣ не въ раздѣлѣ", очевидно, мало благопріятствовалъ его прочности. Далѣе сами складники, нарушавшіе обычаи складнической организаціи, не подчинялись общему рѣшенію, а подавали явки властямъ [1]). Наконецъ, и московское правительство едва ли интересовалось столь мелкими организаціями: ему было удобнѣе имѣть дѣло съ болѣе крупными дѣленіями, а послѣдней цѣли больше всего удовлетворяли тяглыя волости или станы. При такихъ условіяхъ и особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ съ ними приходилось всего болѣе считаться (напр. въ Кевролъскомъ уѣздѣ) въ XVII вѣкѣ, повидимому, уже преобладаетъ подворно-участковое владѣніе „горнею" землей; тѣмъ не менѣе, луговыя земли, пасотина и прочія угодья, кажется, нерѣдко состояли въ общемъ владѣніи или отдѣльныхъ складничествъ, или цѣлыхъ группъ деревень, приходовъ или волостокъ. Въ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ намъ, случаяхъ послѣднія и оказывались тѣми поземельными союзами, изъ которыхъ съ теченіемъ времени возникли деревенскія общины позднѣйшаго типа. „Труфаногорская волостка, состоявшая въ 1623 году изъ 6 деревень съ 15 дворами, напримѣръ, къ настоящему времени превратилась въ одну деревенскую общину" [2]). Нѣсколько волостокъ образовывали волость, на которую и падало государево тягло; и такія волости, конечно, могли сообща владѣть нѣкоторыми угодьями, но значеніе ихъ было преимущественно тяглое: подъ вліяніемъ тягла главнымъ образомъ и сложилась ихъ организація. Поскольку тягло ложилось на пашенную землю, оно, разумѣется, оказывало вліяніе на порядокъ поземельныхъ отношеній и въ болѣе мелкихъ союзахъ: группы складническихъ союзовъ, напримѣръ, рѣшали „веревкою ровниться по потугу": доля въ принадлежностяхъ

---

[1]) Рус. Ист. Библ. XIV, 85, 570—572. А. от. до Ю. Б., т. II, № 147. XXX. и др. *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 293—307, 308, 359. *В. Ключковъ*, Op. cit., ib., стр. 41, 43—48. *П. Ивановъ*, Op. cit., Др. II, 2, 254; ср. выше стр. 19. Складники могли жить и въ разныхъ деревняхъ.

[2]) Судеб. III, 174 *П. Ивановъ*, Op. cit., Др., II, 2, стр. 223, 224, 230, 246—247, 275—276.

пашни (въ разныхъ угодьяхъ) опредѣлялась „по тяглой землѣ“ тѣмъ не менѣе можно сказать, что вліяніе тягла ярче всего выразилось въ волостной организаціи [1]).

Черносошные крестьяне не могли, однако, упрочить за собою полнаго права собственности на землю. Можно думать, что нѣкоторыя мѣстныя особенности сѣверной природы и быта, а также общественной жизни ослабляли развитіе своеземческой и общинной земельной собственности. Крестьянамъ трудно было довольствоваться своими участками; многіе изъ нихъ могли пользоваться землею на сторонѣ или были принуждены почти бросать земледѣльческія занятія и добывать себѣ средства къ жизни отхожими промыслами. При такихъ условіяхъ семейные союзы теряли устойчивость и прибѣгали къ семейнымъ раздѣламъ, что, конечно, способствовало и зарожденію индивидуальной собственности; но вмѣстѣ съ раздѣлами мельчали и участки владѣльцевъ. Уже въ двинскихъ грамотахъ XV вѣка замѣтно сильное дробленіе поземельныхъ участковъ: то же явленіе можно указать, напримѣръ, и въ трехъ волостяхъ Кевролъскаго уѣзда (Кевроля, Чаколѣ и Марьинской Горѣ): здѣсь, судя по писцовымъ книгамъ 1623 года, относительно наибольшее число дворовъ (изъ 649 ихъ 133) владѣетъ участками дворовой пашни величиной въ 2—2½ четвертей (т. е. полудесятинъ), каждый; тоже видно и изъ писцовыхъ книгъ 1686 г.: хотя % такихъ владѣльцевъ понизился (съ 20,5% на 18,8%), но все же ихъ больше остальныхъ (изъ 627 ихъ 119). Измельчаніе и разбросанность дробныхъ участковъ, вѣроятно, облегчали отчужденіе ихъ: даже въ тѣхъ поморскихъ уѣздахъ, гдѣ, помимо крестьянъ, почти вовсе не числилось землевладѣльцевъ, въ XVII вѣкѣ замѣтна мобилизація крестьянскихъ земель; она, повидимому, усиливалась благодаря существованію обращенія ихъ между тяглецами одной и той же волости [2]). Частая смѣна владѣльцевъ одного и того же участка, вмѣстѣ съ вышеуказанными обстоятельствами едва-ли могла содѣйствовать развитію земельной собственности у большинства черносошныхъ.

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что „волостками“ и „волостями“ писцы, описывавшіе новгородскія земли, обыкновенно называли территоріальныя владѣнія частныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ; описаніе велось изрѣдка по волостямъ, а чаще всего по погостамъ; послѣдніе были, вѣроятно, древняго происхожденія и имѣли бытовое значеніе: они служили, можетъ быть, податными округами и въ такомъ смыслѣ уже извѣстны были въ предшествующемъ періодѣ. Ср. выше стр. 7.

[2]) А. Ю., №№ 23, 175, II и др. II. С. З., т. I, № 112. *П. Ивановъ*, Op. cit., Др., I, 3, Спб., 431—433, 435: расчетъ произведенъ авторомъ помимо „наѣзжихъ“ земель.

Малая степень устойчивости и слабость складническихъ союзовъ, вѣроятно, также не благопріятствовали и образованію коллективной собственности. При такихъ условіяхъ московскому правительству легче становилось примѣнять свой взглядъ на черносошныхъ вообще, какъ на владѣльцевъ черной земли, лишенныхъ права свободно распоряжаться своими участками.

Впрочемъ, московскіе князья едва ли сознательно стремились къ полному стѣсненію правъ черныхъ людей на землю; московское правительство ограничивало ихъ, главнымъ образомъ, настолько, насколько пользованіе ими вредило казнѣ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, московскіе князья смотрѣли, кажется, на черныя земли преимущественно какъ на источникъ казенныхъ доходовъ; отчасти съ такой точки зрѣнія они, можетъ быть, различали свои родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія отъ „волостей"; съ той же точки зрѣнія они позднѣе могли различать земли, приписанныя къ дворцу, отъ черныхъ волостей, доходы съ которыхъ поступали, главнымъ образомъ, въ московскія „четверти" [2]).

Черныя земли получали, однако, извѣстную цѣнность лишь тогда, когда на нихъ сидѣли люди, способные тянуть съ нихъ тягло. Отсюда заботы московскихъ князей о соблюденіи черныхъ людей, а не однѣхъ только черныхъ земель. Хотя до Уложенія не было издано общаго закона о прикрѣпленіи черныхъ людей, но московскіе князья давно уже прибѣгали къ частнымъ мѣрамъ, стѣснявшимъ свободу ихъ передвиженія на земли владѣльцевъ, получавшихъ льготы: великій князь Иванъ Калита въ своей жалованной грамотѣ новгородскому Юрьеву монастырю, напримѣръ, запретилъ его архимандриту принимать „тяглыхъ людей волоцкихъ" и „людей изъ его великокняжеской отчины, Москвы"; та-

---

[1]) До сихъ поръ изслѣдователи нашей старины не пришли къ соглашенію относительно того значенія, какое слѣдуетъ придавать этимъ землямъ: одни полагаютъ, что черныя волости были государственными имуществами (*П. Бѣляевъ*, О позем. владѣніи въ Моск. госуд. во Врем., XI, стр. 3, 4, отчасти *В. Ключевскій*, Бояр. дума, 3 изд., стр. 111 и др.); другіе отрицаютъ различіе между „частнымъ княжескимъ владѣніемъ и государственнымъ", причемъ указываютъ на сліяніе черныхъ волостей, за исключеніемъ уѣздовъ поморскихъ городовъ, съ дворцовыми имѣніями (*Б. Чичеринъ*, Оп., стр. 38—41, 130—133, 136, 256) и даже приходятъ къ заключенію, что въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственныя (*В. Сергѣевичъ*, Древ., III, 23); наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, собственникомъ черныхъ земель была волость, а не великій князь (*М. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, изд. 3, стр. 144).

[2]) Впрочемъ различіе между доходами московскаго государя—вотчинника и государственными повинностями едва ли строго проводилось; см. *М. Дьяконовъ*, Критическая статья на соч. г. Сергѣевича о Древностяхъ русскаго права въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7, стр. 176—179.

кія же запрещенія повторялись московскими князьями въ то время, когда уже наступило политическое объединеніе сѣверо-восточной Руси и нечего было договариваться съ удѣльными князьями о томъ, чтобы они къ себѣ не принимали черныхъ людей, тянувшихъ къ сотскому. Въ XV вѣкѣ въ граматѣ тверскихъ князей Отрочу монастырю (писанной до 1461 года) встрѣчается и санкція подобнаго рода запрещеній: если архимандритъ приметъ волостныхъ людей изъ княжеской отчины, то они будутъ взяты назадъ: а если кого приметъ „прикащикъ архимандричь, ино его казнити“; къ аналогичнымъ мѣрамъ иногда прибѣгали и московскіе князья въ извѣстныхъ намъ граматахъ позднѣйшаго времени (1530 г. и др.). Бывали даже случаи, когда московскіе государи предоставляли самимъ „волостнымъ людямъ“ (важскимъ въ 1552: ср. торопецкую гр. 1590—1591 гг.) изъ-за монастырей старыхъ (или старинныхъ) своихъ тяглецовъ крестьянъ выводить безсрочно и безпошлинно и сажати ихъ по старымъ деревнямъ“. Слѣдуетъ замѣтить, что въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о тяглецахъ вообще, а о „старинныхъ“ тяглецахъ [1]). Впрочемъ, общаго запрещенія касательно перехода черныхъ людей на частновладѣльческія земли долгое время не появлялось, можетъ быть потому, что этого настоятельно не требовали интересы казны: при ухудшавшемся положеніи большинства владѣльческихъ крестьянъ и постепенномъ ограниченіи привилегій, данныхъ землевладѣльцамъ (особенно духовенству), переходы черныхъ людей становились, вѣроятно, или менѣе выгодными для нихъ или менѣе убыточными для казны государевой. Въ писцовыхъ наказахъ 1645 года тотемскимъ и сольвычегодскимъ писцамъ уже велѣно было выводить волостныхъ людей за государя на старые ихъ жеребьи. Вслѣдъ за тѣмъ въ Уложеніи постановлено крестьянъ государевыхъ, выбѣжавшихъ изъ черныхъ волостей и жившихъ за всякими вотчинниками и помѣщиками, „свозить“ вмѣстѣ съ женами и съ дѣтьми и со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ по писцовымъ книгамъ въ черныя волости на старые ихъ жеребьи. Эти мѣры оказали вліяніе, между прочимъ, и на развитіе крестьянской общины, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ административномъ ея значеніи: въ предѣлахъ общины приростъ населенія,

---

[1]) А. Э., т. I, №№ 4, 17, 20, 34, 45, 60, 102, 234; Соб. Гос. Гр. и Дог., ч. I, №№ 35 (договоръ вел. кн. Василія Дмитріевича съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1389 года), 60. Доп. къ А. И., т. I, № 26 и др.; Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 24 и др. ср. *М. Дьяконовъ*, Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, Спб., 1893 г., стр. 14—22. *Его-же*, Заповѣдныя лѣта и пр. въ Сбор. статей въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К., 1904 г., стр. 110—111. Ср. еще А. Э., т. II, № 20.

а значитъ и земельное утѣсненіе, мало-по-малу стали болѣе чувствительны и административно-финансовая роль ея пріобрѣла болѣе существенное и опредѣленное значеніе. Впрочемъ, и послѣ 1649 г. черносошный крестьянинъ могъ покидать землю, на которой онъ сидѣлъ, но только не впустѣ, а посадивши на нее новаго „садока" — плательщика податей, и, слѣдовательно, могъ переходить, по крайней мѣрѣ, „изъ волости въ волость" [1]).

Параллельно съ вышеуказанными мѣрами московскіе князья заботились и о томъ, чтобы черныя земли не попадали въ руки людей привилегированныхъ, свободныхъ отъ податей, иначе какъ при сохраненіи за ними ихъ тяглаго характера. Уже въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ включено, напримѣръ, условіе о томъ, что если самъ князь Владиміръ Андреевичъ, или его родственникъ, или бояринъ купятъ въ великомъ княженіи землю черныхъ людей, то послѣдніе могутъ выкупить ее обратно: если же они не будутъ въ состояніи выкупить эти земли, то новые владѣльцы обязаны тянуть съ нихъ тягло вмѣстѣ съ другими, а не захотятъ они тянуть съ нихъ тягла, то земли, пріобрѣтенныя ими, будутъ отданы чернымъ людямъ даромъ [2]). Хотя въ приведенномъ условіи договора 1388 года еще нѣтъ прямого запрещенія чернымъ людямъ распоряжаться своими участками, однако, обращеніе этихъ земель между ними и тѣми лицами изъ посторонняго княженія, которыя пожелали бы купить у нихъ земли, стѣсняется. По мѣрѣ того, какъ московское правительство утверждалось во взглядѣ на крестьянъ, занимавшихъ черныя земли, какъ на тяглецовъ по преимуществу, положеніе послѣднихъ должно было измѣниться: уже въ статьѣ судебника 1497 года, устанавливающей срокъ для иска чернаго человѣка о завладѣніи его землею на черномъ же человѣкѣ или помѣщикѣ и обратно, черная земля упоминается на ряду съ помѣстной [3]). И, дѣйствительно, черные люди становились владѣльцами черной земли въ сущности лишь постольку, поскольку оказывались исправными тяглецами, подобно тому, какъ помѣщики владѣли государевой землей подъ условіемъ службы. Этотъ взглядъ московскаго правительства довольно ясно выразился въ одномъ дѣлѣ, возникшемъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Здѣсь оказались такіе крестьяне „вотчичи", которые раньше владѣли участками; но потомъ „отъ бѣдности" стали бродить по міру; во время отсутствія ихъ, эти участки были

---

[1]) Уложеніе, XI, 1, ср. ниже, стр. 27—28; А. Ю., № 127. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 12—16 и 146—151. *И. Дебольскій*, Op. cit., стр. 136—140. Ср. ниже стр. 31.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 33. *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 12.

[3]) Судеб. I, 63; тоже въ Судеб. II, 84; ср. Судеб. III, 150.

розданы воеводами, земскими судьями и старостами „инымъ крестьянамъ“; вернувшись на прежнія мѣста, старинные вотчичи просили дозорщиковъ отдать имъ прежнія ихъ деревни и жеребьи „по старымъ писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ“ или указать взыскать деньги съ тѣхъ, которые теперь владѣютъ ихъ землями; но правительство отказало челобитчикамъ на томъ основаніи, что тогда какъ они „бѣгали по инымъ городамъ, не хотя платить податей“, новые владѣльцы „пустыя деревни строили и подати платили“, а „тѣмъ бродящимъ и бѣглымъ крестьянамъ велѣно селиться въ иныхъ деревняхъ или на иныхъ жеребьяхъ“ [1]).

Съ такой же точки зрѣнія правительство стало подвергать контролю и мобилизацію черныхъ земель: обращеніе ихъ между черносошными крестьянами сравнительно мало затрогивало казенный интересъ [2]): гораздо важнѣе было въ этомъ отношеніи отчужденіе черныхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ; на него правительство и обратило преимущественное вниманіе. Съ XIV-го вѣка московскіе князья старались привлечь бѣломѣстцевъ къ отбыванію тягла, поскольку они владѣли черными землями (см. выше) и продолжали прибѣгать къ подобнаго рода мѣрамъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ: таковы, напримѣръ, указы 1614 и 1623 годовъ. Въ теченіе XVII-го вѣка въ правительственной политикѣ касательно черныхъ земель замѣтно, однако, характерное колебаніе. Вмѣсто того, чтобы придерживаться прежней безсословной точки зрѣнія, въ силу которой всякій, кто владѣлъ черной землей, долженъ былъ тянуть тягло, къ какому бы общественному слою онъ ни принадлежалъ, правительство начинаетъ запрещать чернымъ людямъ отчуждать свою землю бѣломѣстцамъ: частная попытка подобнаго рода, относительно тяглыхъ людей черныхъ сотенъ и слободъ, извѣстна намъ уже изъ одного указа 1621 года; то же направленіе ясно обнаружилось въ статьѣ Уложенія 1649 г., вообще запрещающей чернымъ людямъ закладывать или продавать свои дворы бѣлымъ людямъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ. Иногда появлялись и отдѣльные указы, запрещавшіе крестьянамъ нѣкоторыхъ волостей закладывать или продавать свои участки: таковъ указъ 1649 года относительно крестьянъ заонеж-

---

[1]) Рус. Ист. Библ., XII, 214—217.

[2]) Ср. Судеб. I, 62 и Судеб. II, 87 и Судеб. III, 172 и 173: за нарушеніе межъ, если таковое произойдетъ у „христіанъ промежу себя, въ одной волости или селѣ“, законъ вовсе не подвергаетъ виновнаго уголовному наказанію (кнутомъ), которое грозитъ ему, если онъ нарушитъ межи „земли великаго князя“ и частныхъ собственниковъ, и устанавливаетъ денежный штрафъ почти въ 17 разъ меньше того, который полагается за нарушеніе межъ и земли великаго князя или частной собственности.

скихъ погостовъ; аналогичное запрещеніе отчуждать свои участки было сдѣлано и относительно крестьянъ другихъ уѣздовъ, гдѣ находились государевы „тяглыя волости и всякія угодья". Тѣмъ не менѣе и послѣ Уложенія правительство снова возвращалось къ привлеченію бѣломѣстцевъ въ составъ тяглыхъ черныхъ волостей: окончательное обособленіе ихъ совершилось лишь въ XVIII-мъ вѣкѣ [1]). Эти мѣры оказали вліяніе и на дальнѣйшее развитіе главнымъ образомъ административно-финансовыхъ функцій волости.

Правительственная точка зрѣнія на черносошныхъ крестьянъ, какъ на владѣльцевъ земли, зависѣвшихъ отъ воли „царя и великаго князя", проводилась, однако, гораздо рѣзче въ тѣхъ случаяхъ, когда великій князь московскій распоряжался черными волостями по своему усмотрѣнію. Ни личныя, ни имущественныя права черныхъ людей не были въ полной мѣрѣ обезпечены закономъ; простого распоряженія великаго князя было достаточно для того, чтобы превратить черную волость въ частновладѣльческую вотчину. Такой участи подверглись, конечно, въ особенности черныя волости центральной области: великіе князья московскіе частью обратили ихъ въ дворцовыя имѣнія, частью роздали ихъ духовнымъ, и свѣтскимъ лицамъ, частью помѣнялись ими съ частными владѣльцами [2]). Лишь въ Кевролѣ, да на Мезени черныя волости остались почти въ исключительномъ владѣніи черносошныхъ крестьянъ. Хотя въ XVI вѣкѣ черныя земли еще числились и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ центральной области (напримѣръ, въ Тверскомъ и Владимірскомъ), но къ XVII-му вѣку онѣ уже быстро убываютъ. Такимъ образомъ, во многихъ изъ бывшихъ черныхъ волостей прежніе крестьяне-собственники стали съемщиками чужой земли. Пока они пользовались правомъ перехода, имъ открывалась возможность оставить того владѣльца, къ которому ихъ земля перешла въ частную собственность и искать лучшихъ условій существованія на сторонѣ, но съ прикрѣ-

---

[1]) А. И., т. III, № 92, стр. 95; эти указы, кажется, относились, къ одной только Москвѣ; ср. ib. стр. 105 и указъ 1627 г. въ П. С. З., т. II, № 1157. Уложеніе, XIX, 39; эта статья относится къ главѣ о посадскихъ людяхъ; но подъ понятіе черныхъ людей въ то время еще могли подойти и черносошные крестьяне, и посадскіе. П. С. З., т. I, №№ 10 и 112. Въ своей работѣ о „мостовыхъ и рѣшеточныхъ деньгахъ", разсуждая объ этой политикѣ только примѣнительно къ XVII вѣку, я назвалъ возвращеніе къ прежнему принципу, уже высказанному въ договорѣ 1388 года, новой точкой зрѣнія лишь сравнительно съ приведенной здѣсь статьей Уложенія. *П. Ивановъ*, Op. cit., Др., I, стр. 424 и его-же статья „Поземельные союзы" и проч. въ Др., II, 2, стр. 221.

[2]) *Б Чичеринъ*, Оп. 88—91. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 147. *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 75.

пленіемъ крестьянъ и выходъ изъ имѣнія частнаго владѣльца сталъ разсматриваться, какъ злоупотребленіе, запрещенное закономъ.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что правительство, ограничивая права черносошныхъ крестьянъ на свободу и на землю, не имѣло повода уничтожать тѣ зародыши общинной организаціи, которые были указаны выше, но и не покровительствовало ихъ развитію: мелкіе союзы, да и приходы, были слишкомъ мало пригодны для его цѣлей; послѣднимъ гораздо болѣе соотвѣтствовала та московская волостная организація, которая возникла, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ тягла и получила административно-полицейскій, преимущественно финансовый характеръ.

Древнѣйшая исторія крестьянской общины слишкомъ мало извѣстна для того, чтобы можно было съ достовѣрностью приписывать ея происхожденіе вліянію одного тягла: по молчанію случайно дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ трудно заключать и объ отсутствіи самихъ явленій; да и въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы различать то значеніе, какое имѣло тягло, надавшее на какую нибудь бытовую земскую единицу, отъ сознательнаго вмѣшательства московскаго правительства во внутреннюю жизнь общины [1]); наконецъ, даже крестьянскую общину въ административно-полицейскомъ смыслѣ слѣдовало бы, можетъ быть, отличать отъ тѣхъ формъ ея, которыя сложились подъ преобладающимъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій того-же московскаго правительства.

Во всякомъ случаѣ, съ послѣдней, тяглой, точки зрѣнія понятно, почему прикрѣпленіе крестьянъ даже усилило развитіе ея: прикрѣпленіе давало волости такую власть надъ своими членами, которой она раньше не имѣла. Съ той же точки зрѣнія легко объяснить и безсословный, смѣшанный составъ волости и ея дѣятельность, поскольку послѣдняя признавалась и поощрялась правительствомъ, и ея зависимость отъ приказныхъ властей. Въ волостномъ союзѣ могъ участвовать всякій, кто готовъ былъ, тянуть тягло съ пріобрѣтеннаго имъ участка волостной земли, а въ той мѣрѣ, въ какой дѣла волости затрогивали казенный

---

[1]) Всѣ большія волости Чаронской округи, напримѣръ, дѣлились на приходы; каждый отдѣльный приходъ имѣлъ отдѣльнаго старосту; общаго волостнаго старосты не было въ такихъ волостяхъ (*Н. Оглоблинъ*, Обозрѣніе документовъ Чаронской земской избы 1662—1663 гг., Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г., апрѣль, стр. 272); о сравнительно второстепенномъ значеніи административнаго давленія на развитіе преимущественно современной крестьянской общины, и о вліяніи его главнымъ образомъ на ускореніе такого развитія см. въ статьѣ *А. Кауфмана*: Документы и живая исторія русской общины въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 9, стр. 67—109

интересъ, она была надѣлена извѣстными полномочіями отъ правительства, что, разумѣется, нисколько не устраняло его вмѣшательства во внутреннюю жизнь общины. Волостная община не только занималась раскладкой и взиманіемъ государственныхъ повинностей и сборовъ, назначаемыхъ огуломъ, и ручалась за своихъ членовъ въ исправномъ отбываніи падавшихъ на нее обязанностей, но могла завѣдывать и многими другими дѣлами, преимущественно связанными съ тягломъ: она „сажала крестьянъ себѣ въ тягло на пустые участки", т. е. раздавала участки волостной земли новоселамъ, наблюдала за тѣмъ, чтобы земля изъ тягла не выходила, отдавала свою землю въ наймы, мѣнялась ею, получала иногда разрѣшеніе выкупить ее у новаго ея владѣльца и покупала землю: община защищала судомъ приписанную къ ней землю: та-же община, кажется, имѣла въ общемъ пользованіи нѣкоторыя угодья: сохранились извѣстія, что она нанимала пустыя деревни или занимала деньги и т. п. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскія функціи волости особенно разрослись, когда къ нѣкоторымъ волостямъ временно были пріурочены и губныя учрежденія [2]). Возможно, что въ такихъ случаяхъ волость не всегда дѣйствовала въ качествѣ одного только казеннаго органа управленія. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что волость вѣроятно, была надѣлена и судебною властью; она, могла, иногда даже наказывать своихъ членовъ. На Мезени, напримѣръ, кто по вызову десятскаго не ходилъ городить мірской лугъ, съ того взыскивалась „поденьщина по одной гривнѣ въ день безпенно", а за вторичное ослушаніе бралась застава по $2^1/_2$ рубля въ казну государеву, да по $2^1/_2$ рубля въ пользу міра [3]).

Впрочемъ нельзя, конечно, преувеличивать значеніе вышеуказанныхъ волостныхъ функцій. Слабость волости извѣстна изъ многихъ свидѣтельствъ. Волощане могли распоряжаться, напримѣръ, данными имъ участками помимо волостной общины, если только соблюдали условія, ограждавшія казенный интересъ. Въ извѣстныхъ намъ отступныхъ на черныя земли, форма которыхъ, повидимому, выработалась только въ XVI в., продавецъ заявляетъ, что онъ за опредѣленное вознагражденіе „отступается" отъ „земли великаго князя, а своего владѣнія", не „измогши съ той земли

---

[1]) *Н. Дебольскій*, Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в., Спб., 1903 г., стр. 299—306, 393 и др. *М. Владимірскій-Будановъ*, Op. cit., стр. 546—558.

[2]) А. Э., т. I, №№ 187, 224, 281 и др. Доп. къ А. И., т. I, № 31; ср. *С. Шумаковъ*. Губныя и земскія грамоты, М., 1895 г., стр. 41, 118—119, 155—156.

[3]) *И. Ивановъ*, Op. cit. въ Др., т. II, в. 2. стр. 271.

службы великаго князя служити и хлѣба его сыпного въ житницы сыпати и давать всякихъ разрубовъ земскихъ" и т. п., при чемъ переноситъ эти податныя обязанности на покупателя, обозначая иногда даже срокъ, съ котораго послѣдній долженъ будетъ отбывать ихъ. Однако, и такія отступныя въ извѣстныхъ намъ случаяхъ совершались обыкновенно частнымъ порядкомъ, безъ участія правительственной власти. Сдѣлки, въ силу которыхъ плохой тяглецъ (за извѣстное вознагражденіе) отказывался отъ своего участка въ пользу новаго владѣльца, принимавшаго на себя отбываніе повинностей и уплату податей прежняго плательщика, оказывались выгодными для волости: будучи уже, очевидно, согласованы съ фискальными интересами московскаго правительства, онѣ въ значительной мѣрѣ вызывались его политикой. Наконецъ, само оно иногда разрѣшало служилымъ людямъ покупать волостныя земли, даже помимо вѣдома волости [1]).

Несмотря на слабость волости, извѣстны, однако, случаи, когда нѣсколько волостей соединялись въ цѣлую округу; дѣла ея, въ числѣ которыхъ могли быть и не одни „разводы" и сборы податей, обсуждались и рѣшались волостными старостами и выборными отъ волостей на земскихъ съѣздахъ; такъ было на Чарондѣ; свѣдѣнія о дѣятельности чарондскаго земскаго съѣзда сохранились въ документахъ 1662—1663 годовъ [2]).

Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что до средины XVII в. черносошные крестьяне далеко еще не вполнѣ обособились отъ остальныхъ слоевъ русскаго общества. Въ положеніи черныхъ волостныхъ и черныхъ посадскихъ людей было много общаго: посадскіе люди владѣли черной землей и, такимъ образомъ, входили иногда помимо желанія крестьянской общины въ составъ ея тяглецовъ, а волостные люди занимались промыслами и даже торговлей на посадѣ, чѣмъ порождали неудовольствіе посадскихъ людей. Вообще изъ многихъ документовъ того же времени видно, что между ними происходила глухая борьба, перешедшая и въ XVIII вѣкъ. Волостная организація, вѣроятно, нѣсколько пригодилась черносошнымъ крестьянамъ въ этой борьбѣ ихъ съ посадскими людьми, владѣвшими черною землею и уклонявшимися отъ крестьянскаго тягла: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ составъ „чарондской крестьянской общины" (новгородской губ.),

---

[1]) А. Ю., №№ 9 и 23; въ этомъ дѣлѣ напечатано нѣсколько отступныхъ; № 136. *Д. Мейчикъ*, Грамоты XIV и XV вв. и пр. М., 1883 г., стр. 72—73; въ двухъ отступныхъ XV в., условія, приводимаго въ нашемъ текстѣ, еще нѣтъ; въ отступныхъ позднѣйшаго времени—оно обыкновенно встрѣчается.

[2]) *Н. Ольоблинъ*, Op. cit. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г., апрѣль.

судя по документамъ 1662—1663 гг., входили, повидимому, вмѣстѣ съ сельскими жителями одни только „пашенные крестьяне посада“, а не посадскіе люди; кое гдѣ появились особыя волостныя избы и всеуѣздные старосты, помимо посадскихъ. И тѣмъ не менѣе, насколько намъ извѣстно, до 1649 года правительство не издало ни одного общаго закона, въ силу котораго права волостныхъ людей были бы отграничены отъ правъ посадскихъ... Только въ Уложеніи обозначилось стремленіе правительства провести нѣкоторую грань между волостными и посадскими людьми путемъ прикрѣпленія ихъ къ тяглу: но оно едва ли существеннымъ образомъ отозвалось на судьбѣ черносошныхъ крестьянъ. Подобно дворцовымъ крестьянамъ, они могли сдать свои тягла и жить въ городахъ съ тѣмъ, чтобы здѣсь платить подати вмѣстѣ съ посадскими людьми; въ качествѣ „государевыхъ тяглыхъ людей“, черносошные крестьяне могли владѣть лавками въ городахъ и брать на откупъ „таможни, кабаки и иные всякіе откупы“ [1]). Естественно, что при такихъ условіяхъ и послѣ появленія Уложенія населеніе поморскихъ уѣздовъ и городовъ смѣшивалось и противупоставлялось остальнымъ слоямъ его, преимущественно постольку, поскольку послѣдніе не отправляли возложенныхъ на нихъ обязанностей. Извѣстный указъ 1681 года о стрѣлецкой подати и бурмистерскія установленія 1699 года свидѣтельствуютъ о такой связи между „уѣздными“ и посадскими людьми: ихъ вѣдали сперва воеводы, а потомъ бургомистры: только съ учрежденіемъ магистратовъ поморскіе уѣзды были отдѣлены отъ городовъ [2]).

То же самое, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать и объ отношеніяхъ черныхъ людей къ „бѣломѣстцамъ“: духовенству и служилымъ людямъ. Въ виду поземельнаго характера волостной общины и бѣломѣстцы должны были входить въ составъ ея, если они владѣли черною землей и не были освобождены отъ тягла: такъ какъ послѣднее въ сущности ложилось на владѣльческихъ крестьянъ, то и они еще принуждены были по требованію волости „тянуть въ волостные разрубы и разметы“. Только съ теченіемъ времени, когда число бѣломѣстцевъ, путемъ ли привилегій или частныхъ злоупотребленій освободившихся отъ исполненія подобнаго рода обязанностей, значительно возрасло,

---

[1]) Уложеніе, XVIII, 23; XIX, 15—17: въ статьѣ 15-й крестьянамъ запрещается владѣть лавками и т. п. заведеніями: но здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, только о владѣльческихъ крестьянахъ: ср. Доп. къ А. И., т. IV, № 101. П. С. З., т. I, № 307; т. II, № 1123; т. VII, № 4194. *А. Лаппо-Данилевскій*, Орг., 173—176. *Н. Дебольскій*, Op. cit., стр. 201—203.

[2]) А. Э., т. IV, № 250, (ср. впрочемъ ib., стр. 348). А. И. т. V, №№ 77 и 291 П. С. З., т. III, № 1715; т. VI, № 3708, гл. II и XIV и мн. др.

различіе въ положеніи черныхъ людей и бѣломѣстцевъ стало яснѣе прежняго: лишь со времени изданія Уложенія оно окончательно установилось и еще рѣзче выступило съ введеніемъ подушной подати, которую должны были платить одни только тяглецы, а не „благородные“.

2. *Крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ.*

Въ иномъ положеніи оказались крестьяне, сидѣвшіе на частновладѣльческихъ земляхъ: они съ теченіемъ времени попали въ личную и имущественную зависимость отъ своихъ господъ-землевладѣльцевъ и благодаря ей стали рѣзко обособляться отъ остальныхъ слоевъ свободнаго русскаго населенія.

Образованіе класса крестьянъ, лишенныхъ „своей“ земли, объясняется весьма разнообразными причинами. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

На первыхъ порахъ вольные люди, вѣроятно, садились на чужую землю, по своей охотѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ ея надѣленъ былъ извѣстными привилегіями. Крестьянину выгодно было сидѣть за сильнымъ землевладѣльцемъ, вотчина котораго часто освобождалась отъ разныхъ сборовъ и повинностей и который защищалъ его отъ произвола и насилій со стороны сосѣдей и мѣстныхъ властей: не даромъ князь предоставлялъ монастырю, а иногда и владѣльцу изъ мірянъ, разныя льготы, обыкновенно лишь подъ условіемъ, чтобы льготчикъ не принималъ „тутошныхъ волостныхъ“ или „тяглыхъ“ людей; иногда правительство прямо требовало, чтобы льготчикъ „съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу крестьянъ не называлъ“. Даже въ позднѣйшее время вольные люди иногда охотно записывались въ крестьяне для того, чтобы имъ, „скитаяся межъ разныхъ вотчинъ, не погибнуть напрасно“ [1]). Изъ случаевъ подобнаго рода видно, однако, что не одна только охота, но и нужда часто заставляла вольныхъ людей садиться на чужую землю. Такимъ же образомъ поступали и крестьяне-своеземцы: они бросали свои зе-

---

[1]) *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 272, 277, 278, 307 - 313. *М. Дьяконовъ*, Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, Спб., 1893 г., стр. 21, пр. и Op. cit., стр. 180—187. *П. Ивановъ*, Op. cit. въ Др. т. I, вып. 3, стр. 413—440. *А. Лаппо-Данилевскій*, Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1900 г., стр. 13—15 и др. Любопытно, что частные владѣльцы прибѣгали къ такимъ же мѣрамъ: Василій Своеземцевъ, жертвуя земли Важскому Богословскому монастырю, обязалъ игумена не принимать къ себѣ „его, Васильевыхъ, половниковъ, ни отхожихъ людей“ (*А. Ефименко*, Op. cit., стр. 195).

мельные участки или переуступали ихъ новымъ владѣльцамъ. Случаи послѣдняго рода были сложнѣе остальныхъ, а потому и нуждаются въ особомъ разсмотрѣніи.

Судя по нѣсколько позднѣйшимъ даннымъ XVI—XVIII вв., касающимся, главнымъ образомъ, поморскихъ уѣздовъ, крестьяне уступали свои земельные участки въ чужія руки, вѣроятно, частью подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ оказывалось крестьянское хозяйство, частью благодаря религіозному настроенію вкладчиковъ. Скудныя средства и беззащитность мелкихъ владѣльцевъ, хозяйства которыхъ были обложены тяжелыми государственными податями и повинностями, принуждали ихъ иногда отказываться отъ той земли, въ которой они всего болѣе нуждались. Не имѣя чѣмъ „прокормиться“ и „не измогши государевой дани давати“, бѣднѣйшіе крестьяне прибѣгали къ „земляной продажѣ или закладу“ и переуступали свои участки ближайшимъ своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ; изъ сдѣлокъ подобнаго рода видно, что послѣдніе иногда оказывались ихъ кредиторами. Такую же роль „собирателей“ земельныхъ участковъ играли, вѣроятно, и другія лица, напримѣръ, посадскіе, владѣвшіе землею въ уѣздѣ, и монастыри. „Разъ успѣвъ захватить, хотя бы $^1/_{16}$ долю деревни, землевладѣлецъ, чаще всего монастырь, медленно, но твердо вытѣснялъ прочихъ складниковъ деревни, постепенно завладѣвая расчищенной ими землей“ и превращая „скудныхъ“, но все же „волостныхъ бывшихъ крестьянъ“ въ лицъ, „живущихъ за нимъ и работающихъ на него вмѣсто рабовъ“. Указанный путь обезземеленія былъ не единственнымъ: къ тому же результату приводила и добровольная уступка земли въ церкви и монастыри путемъ вкладовъ, вызванныхъ не только хозяйственными расчетами, но и религіозными побужденіями. Бывали, конечно, и такіе случаи, когда при переуступкѣ земли крестьянами лицамъ иного общественнаго положенія оба мотива могли взаимно встрѣчаться, что видно, напримѣръ, изъ одного дѣла 1657—1658 гг. Благодаря вышеуказаннымъ условіямъ, крестьяне легко превращались въ земледѣльцевъ, лишенныхъ поземельной собственности; она переходила въ чужія руки, вѣроятно, не безъ злоупотребленій со стороны „сильныхъ“ людей [1]). Впрочемъ, крестьяне, переуступившіе свои земельные участки новымъ владѣльцамъ, продолжали иногда сохранять связь съ землею, но не въ качествѣ своеземцевъ, а только въ качествѣ крестьянъ порядчиковъ или

---

[1]) Ср. статью Судебника 1550 года, опредѣлявшую шестилѣтній срокъ для исковъ черныхъ людей о землѣ, захваченной боярами и монастырями; этотъ срокъ вдвое больше обыкновеннаго (Судебникъ II, 84).

половниковъ: къ этому они особенно стремились въ имѣніяхъ тѣхъ вліятельныхъ владѣльцевъ, за которыми сидѣть было выгодно. Можно думать, что въ предѣлахъ владѣній одного и того же лица, крестьянинъ, на первыхъ порахъ, даже продолжалъ иногда распоряжаться своимъ участкомъ, напримѣръ, могъ „продавать его, „тоя-жъ вотчины“ крестьянину. Само собою разумѣется, что землевладѣльцы старались поставить въ зависимость отъ себя совершеніе подобнаго рода сдѣлокъ и стали требовать „явки“ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянинъ, осѣдавшій на прежнемъ своемъ участкѣ въ качествѣ порядчика или половника, принималъ на себя и исполненіе соотвѣтствующихъ обязанностей. Приведемъ два примѣра. Въ одной изъ древнѣйшихъ „порядныхъ“, извѣстныхъ въ печати (1544 г.), уже встрѣчается такое именно условіе: Елизарій Турбинъ уступилъ Тимофею и Барсану Селивестровымъ свой участокъ и порядился на него же (вмѣстѣ съ другимъ участкомъ), причемъ обязался „сѣяти на Семиверстовыхъ шесть пузовъ жита урокомъ“; въ 1593 году крестьянинъ Денисій Ефремовъ „положилъ“ свою землю въ церковь Введенія (Ростовской вол. Холмогорской епархіи), подъ условіемъ, чтобы церковный староста отдавалъ ее „пахати ему изъ жеребья“. Въ другихъ случаяхъ связь между прежнимъ собственникомъ и его поземельнымъ участкомъ утрачивалась: онъ „бродилъ по міру“ и часто становился арендаторомъ чужой земли или простымъ сельскимъ рабочимъ, легко терявшимъ и прежнюю волю [1]).

Само правительство иногда способствовало пополненію того же класса владѣльческихъ крестьянъ: многія изъ черныхъ волостей были не только превращены въ дворцовыя села, но розданы и въ частныя вотчины или помѣстья; черносошные крестьяне, сидѣвшіе на этихъ земляхъ, оказывались частно-владѣльческими: правда, до полнаго прикрѣпленія они имѣли право выхода въ сроки, установленные обычаемъ или закономъ, но постепенно возраставшая зависимость ихъ отъ землевладѣльцевъ все болѣе стѣсняла возможность для нихъ пользоваться своимъ правомъ. А по отмѣнѣ „урочныхъ лѣтъ“ они, конечно, должны были подвергнуться той участи, которая постигла и остальныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Судебники столь же мало содержатъ постановленій о вла-

---

[1]) А. Ю., № 23, стр. 55—56. Случай, приводимый въ текстѣ, не единственный изъ извѣстныхъ намъ: въ 1576 году, напримѣръ, поморецъ Каргопольскаго уѣзда Иванъ Строевъ продалъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю свою „деревню“ на р. Лямцѣ, причемъ порядился на ней „пахати орамыя земли и пожни“, а также платить съ нея оброкъ и дани и всякія подати государскія (Сборникъ граматъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ Библ. Спб. Дух. Акад., А., 11, 48, л. 87); ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 37. *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 274—275.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

дѣльческихъ крестьянахъ, какъ и о крестьянахъ черносошныхъ; въ нашихъ памятникахъ законодательства 1497 и 1550 гг. владѣльческіе крестьяне обыкновенно приравниваются въ своихъ правахъ къ черносошнымъ [1]), хотя, разумѣется, отличаются отъ нихъ, поскольку сидятъ на чужой землѣ. Это обстоятельство имѣло самое рѣшительное значеніе для послѣдующей судьбы владѣльческихъ крестьянъ.

Впрочемъ, владѣльческій крестьянинъ въ то время все еще признавался человѣкомъ свободнымъ, имѣвшимъ право перехода въ извѣстные сроки: онъ сидѣлъ на чужой арендуемой имъ землѣ: онъ устраивался на ней въ силу обычая самостоятельнымъ дворомъ и пользовался особымъ участкомъ пашни, а также соотвѣтствующими угодьями [2]): онъ заключалъ договоръ съ землевладѣльцемъ въ формѣ порядной. Всѣ условія поряда едва ли, однако, перечислялись въ порядной: въ нее обыкновенно включалось условіе объ арендѣ земли: въ той же записи преимущественно опредѣлялись тѣ обязанности, которыя крестьянинъ „по своему приговору" принималъ на себя относительно господина, когда онъ рядился на участокъ его земли, и упоминалось о тяглѣ, которое онъ долженъ былъ тянуть вмѣстѣ съ другими крестьянами въ пользу государства [3]).

Величина участковъ, снимаемыхъ крестьянами, была чрезвычайно разнообразна. Нѣсколько болѣе однообразныя извѣстія можно собрать лишь относительно размѣровъ крестьянской запашки. Въ концѣ XV-го вѣка Новгородцы опредѣляли обжу слѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 16, пр. 1.

[2]) Судебникъ 1550 г., устанавливая вниманіе пожилого „съ воротъ", кажется, имѣлъ въ виду именно дворъ крестьянина, а не его домъ (ст. 88). Крестьяне — по преимуществу люди „пашенные": ср. П. С. Р. Л., IV, 209. Хотя въ документахъ того времени, въ писцовыхъ книгахъ и даже въ Судебникѣ 1550 г. (ст. 26) упоминаются „крестьяне непашенные", но, по крайней мѣрѣ въ то время, они составляли сравнительно малый процентъ сельскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходное съ ними положеніе занимали и бобыли; но на выясненіи его было бы слишкомъ долго останавливаться здѣсь: см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 206—242 и его же рецензію на книгу г. Сергѣевича (Древности рус. пр., т. III) въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7, стр. 187—196.

[3]) Иск. Суд. гр., ст. 85 уже упоминаетъ „запись" о покрутѣ; одна изъ древнѣйшихъ порядныхъ, напечатанныхъ въ А. Ю., относится къ 1544 году (А. Ю., № 23, стр. 55—56): Рус. Ист. Библ., т. XIV стр. 37. Перечисленіе порядныхъ, напечатанныхъ до 1895 года, а также цѣлый рядъ новыхъ см. въ Актахъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, собр. М. Дьяконовымъ, Юрьевъ, вып. I; нѣсколько новыхъ порядныхъ см. въ соч. *Н. Дебольскаго*. Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в., Спб. 1903 г., стр. 433—440. Здѣсь нѣтъ возможности упоминать о всѣхъ условіяхъ, включаемыхъ въ порядныя записи; о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, подмогѣ, ссудѣ и пр. см. ниже стр. 35—36 и 51—52.

дующимъ образомъ: „обжа—одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ“: позднѣе писцы часто писали на обжу, въ качествѣ земельной мѣры, по 5 дес. въ полѣ: но въ дѣйствительности размѣры запашки новгородскихъ крестьянъ колебались въ зависимости отъ мѣстныхъ условій: до XVI-го вѣка въ пятинахъ приходилось на крестьянское хозяйство, напримѣръ, по $1^1/_2$—4 дес. въ полѣ. Въ центральной области дворцовая выть (за вычетомъ десятины на „посошный“ хлѣбъ) соотвѣтствовала обжѣ: но реальные размѣры крестьянской запашки въ нѣкоторыхъ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, судя по писцовымъ книгамъ 1570-хъ и позднѣйшихъ годовъ, уже довольно малы: въ тверскихъ владѣніяхъ в. кн. Симеона Бекбулатовича въ 1580—1581 гг., напримѣръ, числилось 2060 дворовъ, а крестьянской пашни вмѣстѣ съ льготной 6972,4 дес. во всѣхъ трехъ поляхъ, что составитъ лишь около 1,1 дес. запашки или 3,3 дес. во всѣхъ трехъ поляхъ на крестьянскій дворъ. Въ имѣніяхъ Морозова (XVII в.) осьмакъ земли (отъ $^3/_4$ до $1^3/_4$ дес. смотря по качеству почвы) также служилъ обычною нормою пахотного тягла на каждое крестьянское хозяйство. На южной украйнѣ, благодаря обилію земли, пригодной для обработки, величина запашки, приходившейся на дворъ, была еще большею частью довольно высока: въ оболенскихъ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, за 92 дворами было описано до 533,5 четвертей пашни, т. е. до 5,8 четвертей (или 2,9 дес.) пашни на дворъ. Развитіе барщины въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ позднѣйшаго времени, конечно, не способствовало увеличенію крестьянской запашки, а ея размѣрами, (за исключеніемъ развѣ сѣвера), въ большинствѣ случаевъ, опредѣлялось и благосостояніе крестьянскаго двора: значитъ, можно предполагать, что оно понизилось уже до смутнаго времени: послѣднее только способствовало дальнѣйшему его пониженію [1]).

Обязанности, исполненіе которыхъ крестьянинъ принималъ на себя въ силу поряда, были различной сложности, смотря по тому, поступалъ-ли онъ въ готовый дворъ и садился-ли на разработанный участокъ пашни, или долженъ былъ обзаводиться новымъ хозяйствомъ. Судя по извѣстнымъ намъ порядным, случаи послѣдняго рода часто повторялись. Для того, однако, чтобы обзавестись хозяйствомъ и пользоваться землею, нужно было имѣть кое-какія средства; крестьянинъ далеко не всегда располагалъ ими: въ такихъ случаяхъ, кромѣ льготы отъ уплаты податей,

[1]) *П. Соколовскій*, Ист. сельск. общ. 24—32. *А. Никитскій*, Ист. эк. быта Вел. Новгорода, стр. 53—57. *П. Лаппо*, Тверской уѣздъ въ XVII в., стр. 204 и 205. *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 146—153, 185, 195—201 и мн. др. Исторія удѣловъ, т. II, стр. 12 и примѣч. ст. 4—5. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 1, стр. 24—25.

напримѣръ, на одинъ, два года и болѣе, онъ обыкновенно бралъ отъ господина еще „подмогу". Хотя „подмога" въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, пожалуй, имѣла разныя значенія, но въ XVI и началѣ XVII вѣка великорусскій крестьянинъ получалъ ее въ качествѣ пособія деньгами, хлѣбомъ и разными другими принадлежностями хозяйства на всякій „крестьянскій заводъ". За подмогу онъ, кажется, долженъ былъ привести снятый имъ участокъ въ состояніе, пригодное для веденія на немъ хозяйства: по крайней мѣрѣ, въ силу порядныхъ того времени, крестьянинъ „за льготу и за подмогу" обязывался починить старыя постройки или поставить новыя, „деревню распахать, поля огородить" и т. п.: въ противномъ случаѣ онъ иногда прямо включалъ въ условія порядной обязательство вернуть подмогу землевладѣльцу: сохранились указанія на возвращеніе подмоги крестьяниномъ и въ томъ случаѣ, когда онъ „выходилъ" изъ имѣнія.

Впрочемъ, на какую бы землю „пашенный крестьянинъ" ни садился, онъ рано или поздно долженъ былъ приняться за исполненіе обязанностей, обусловливавшее пользованіе снятымъ имъ участкомъ господской земли. Нормы ихъ могли въ извѣстной мѣрѣ зависѣть отъ особенностей данной мѣстности и устанавливаться обычаемъ: порядчикъ долженъ былъ пахать свой участокъ, не запереложить его, чистить луга и т. п., а также вообще работать и платить господину, „какъ прочіе крестьяне" или „какъ въ людяхъ ведется": но въ порядныхъ эти нормы лишь подразумѣваются, а не указываются. Такимъ образомъ, при постоянныхъ колебаніяхъ величины земельныхъ участковъ, снимаемыхъ крестьянами, и въ виду отсутствія какихъ-либо точно установленныхъ нормъ, опредѣленіе обязанностей съемщика въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ частнаго соглашенія его съ землевладѣльцемъ. Отсюда въ дѣйствительности проистекали два послѣдствія: большое разнообразіе и большая неравномѣрность крестьянскихъ повинностей и платежей. Разнообразіе ихъ замѣтно въ пестрой смѣси различныхъ обязанностей, падавшихъ на одного и того же порядчика: неравномѣрность—въ постоянныхъ колебаніяхъ тяжести крестьянскаго издѣлья и высоты оброка, составлявшаго „доходъ" землевладѣльца, не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но даже въ одномъ и томъ же имѣніи и, приблизительно, въ одинъ и тотъ-же періодъ времени.

Разнообразіе издѣльныхъ повинностей крестьянъ обнаруживается уже въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ граматахъ, опредѣлявшихъ нормы ихъ для цѣлыхъ имѣній. Главнѣйшія изъ этихъ повинностей можно, кажется, разбить на слѣдующія группы 1) дѣло на господскомъ дворѣ (дворъ подѣлывать, хоромы ста-

вить, сады оплетать и пр.): 2) полевая страда, главнымъ образомъ, на пашнѣ и сѣнокосѣ землевладѣльца: 3) остальныя работы, предназначенныя для доставленія или пополненія барскаго „запаса“ и другія болѣе мелкія „издѣлья“: 4) наконецъ, „повозъ“, т. е. обязанность доставлять на крестьянскихъ же подводахъ всякіе сборы и продукты хозяйства на барскій дворъ, а иногда даже въ столицу. Въ такой группировкѣ представляются намъ, напр., издѣльныя повинности крестьянъ Константиновскаго монастыря: онѣ перечислены въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана, данной этому монастырю въ 1391 году. „Сироты монастырскіе били въ то время челомъ митрополиту Кипріану на игумена Ефрема, говоря, что онъ „наряжаетъ имъ дѣло не по пошлинѣ“ (т. е. не по тому, какъ пошло изъ старины). Митрополитъ обратился за справкою къ самому игумену Ефрему, а послѣдній сослался на прежняго игумена Константиновскаго монастыря, по имени Царка, въ то время прожувавшаго въ Москвѣ. На вопросъ о томъ, „какова пошлина въ Святомъ Константинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлати?“, Царко отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ. „При моемъ игуменствѣ такъ было въ Святомъ Константинѣ: большіе люди изъ монастырскихъ селъ церковь наряжали, монастырь и дворъ тынили, хоромы ставили, игумновъ жребій весь рольи (пашни) орали взгономъ, и сѣяли, и жали и возили, сѣно косили десятинами и въ дворъ ввозили, ѣзъ били и вешній, и зимній, сады оплетали, на неводъ и на бобры въ осенинѣ ходили, пруды прудили, и истоки забивали... а пѣшеходцы изъ селъ къ празднику рожь мололи и хлѣбы пекли, солодъ мололи, пиво варили и на сѣмя рожь молотили: а если игуменъ ленъ давалъ, они его пряли, сѣжи и дѣли неводныя наряжали“... Кромѣ только что перечисленныхъ издѣльныхъ повинностей, монастырскіе крестьяне „на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену, что у кого въ рукахъ“, а также „давали на праздникъ яловицу: а въ которое село пріѣзжалъ игуменъ въ братчину и сыпци давали по зобнѣ овса копемъ игуменовымъ“. На основаніи приведеннаго показанія Царка о монастырской пошлинѣ и согласныхъ съ нимъ показаній другихъ лицъ („въ Володимери“), митрополитъ „такъ рекъ игумену Ефрему и христіанамъ монастырскимъ: ходите же вси по моей грамотѣ: игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте: а хотя кто будетъ иный игуменъ по семъ игуменѣ и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ“. Такимъ образомъ, въ силу этой граматы, крестьяне Константиновскаго монастыря должны были по прежней его пошлинѣ и послѣ 1391 года отбывать въ его пользу цѣлый рядъ издѣльныхъ повинностей и кромѣ того платили ему „мелкій доходъ“, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей оставшійся безъ даль-

нѣйшаго опредѣленія. Аналогичныя группы повинностей встрѣчаются и въ монастырскихъ уставныхъ грамотахъ XVI-го вѣка, хотя, разумѣется, содержаніе каждой изъ такихъ группъ (особенно послѣдней) измѣнялось въ зависимости отъ мѣста и времени. Крестьяне Соловецкаго монастыря въ Бѣжецкой его вотчинѣ, судя по уставной грамотѣ 1561 г., „дворъ монастырскій и гумно подѣлывали“: далѣе, они сѣяли и пахали пашню на монастырь, по четверти ржи, да по двѣ четверти овса (или другого хлѣба) съ выти, также „повозъ“ возили и кромѣ того, привозили на монастырскій дворъ дрова, по нѣсколько возовъ съ выти: сверхъ всѣхъ этихъ урочныхъ работъ, которыя крестьянамъ приходилось начинать подъ страхомъ денежнаго штрафа, „на солнечномъ восходѣ, какъ десятской вѣсть подастъ“, они должны были монастырское дѣло дѣлать, „въ честь“, когда приказчикъ ихъ позоветъ, „и кто придетъ и приказчику тѣхъ людей кормить монастырскимъ хлѣбомъ“ [1]). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что крестьянская барщина, по крайней мѣрѣ до XVI вѣка, едва-ли была сильно развита: въ древнее время ее исполняла скорѣе сельская челядь (холопы), чѣмъ крестьяне: въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV—XVI вв. извѣстія о крестьянской барщинѣ встрѣчаются довольно рѣдко, да и размѣры ея еще очень малы: у одного изъ крупныхъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, Ивана Овинова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ полѣ своей запашки было, повидимому, только 7—10 дес. Судя потому, какъ московскіе помѣщики хозяйничали въ своихъ новгородскихъ владѣніяхъ, да и на основаніи другихъ показаній, можно думать, что до середины XVI в. и въ другихъ мѣстностяхъ барщина была еще мало развита: въ имѣніяхъ лучшихъ хозяевъ того времени она начинаетъ играть замѣтную роль только къ концу XVI столѣтія; даже въ то время не только бѣдные, но и самые богатые землевладѣльцы продолжали въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ сдавать почти всю свою землю крестьянамъ: у Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ волости Черемхѣ и Закоторскомъ станѣ было 979 четвертей пашенной земли (въ одномъ полѣ): изъ нихъ всего 20 четвертей отведено было подъ собственное монастырское хозяйство: остальные числились за крестьянами [2]). Изъ примѣровъ подобнаго рода

---

[1]) А. Э., т. I, № 11: ср. уставную грамоту Соловецкаго монастыря Бѣжецкаго верха, села Пузырева, крестьянамъ 1561 г. (А. Э., т. I, № 257: выдержки изъ нея приводятся и въ дальнѣйшемъ изложеніи) и уставную грамоту патріарха Іова Новинскому монастырю 1590 г. (Временникъ Моск. Общ. Ист. и др., т. II, Смѣсь, стр. 17—21).

[2]) Пис. кн., изд. подъ ред. Н. Калачова, I, 2, стр. 1—8; въ писцовой книгѣ Звенигородскаго уѣзда 1592—1593 гг. мнѣ встрѣтился слѣдующій случай: царь

нельзя заключать объ однообразіи крестьянскихъ повинностей: даже если полагать, что размѣры барщины въ XVI вѣкѣ были довольно постоянны (1—1½ десятины съ выти), все же слѣдуетъ имѣть въ виду, что издѣльныя повинности до позднѣйшаго времени часто комбинировались съ уплатою „дохода“ землевладѣльцу и что ближайшіе крестьяне, приписанные къ его „селу“, уже отбывали барщину въ то время, когда болѣе отдаленные крестьянскіе дворы, подвластные ему, облагались другими повинностями и платежами.

Тоже разнообразіе и въ особенности неравномѣрность замѣтны въ тѣхъ крестьянскихъ платежахъ, изъ которыхъ слагался „доходъ“ землевладѣльца.

Для уплаты главнаго дохода (его слѣдуетъ отличать отъ мелкаго) крестьянамъ приходилось или отдавать часть урожая землевладѣльцу или платить ему оброкъ, размѣры котораго опредѣлялись какъ нибудь иначе: даже въ позднѣйшее время землевладѣлецъ иногда предоставлялъ своимъ крестьянамъ „сѣять на себя исполу или изъ оброка“.

Въ Московскомъ государствѣ половничество, по крайней мѣрѣ до XVII-го вѣка, было довольно распространенною формою хозяйства. Псковская судная грамота въ одной изъ своихъ статей упоминаетъ о такихъ изорникахъ, которые давали землевладѣльцу четвертую часть своихъ полевыхъ произведеній: но доля продукта въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время бывала, конечно, различна: иногда крестьяне обязывались давать землевладѣльцу только „пятый снопъ во всякомъ хлѣбѣ, да пятую копну изъ сѣнокосу“, напримѣръ въ тѣхъ случаяхъ, когда принимали на себя еще исполненіе другихъ работъ; иногда та же часть доходила до одной четверти, до одной трети или даже до половины. Бывали случаи, когда одинъ и тотъ же крестьянинъ поряжался въ половники на разныхъ условіяхъ у одного и того же владѣльца: такъ напримѣръ, въ имѣніи Нѣнежскаго Черногорскаго монастыря Шелутковъ порядился въ половники на участокъ не распаханной земли; послѣ восьмилѣтней льготы, онъ долженъ былъ, въ теченіе десяти лѣтъ, отдѣлять въ пользу монастыря четверть, а черезъ восемнадцать лѣтъ одну треть сбора.

Впрочемъ часто попадаются случаи, когда при относительно малой долѣ урожая, выплачиваемаго господину, полов-

---

Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ Троицѣ-Сергіеву монастырю с. Кляново изъ дворцовыхъ селъ: въ немъ, надо полагать, была и дворцовая пашня; но въ писцовой книгѣ 1592—1593 гг. записано: „пашни паханые, монастырскіе сер. земли 40 чети, и та пашня роздана крестьянамъ“ (Писц. кн., I, 1, стр. 688). *В. Сергѣевичъ*. Op. cit., III, 95.

ники сверхъ того платили ему и натуральный или денежный оброкъ. Условія о взносѣ половины сбора, притомъ за вычетомъ „хозяйскихъ сѣмянъ", встрѣчаются и въ старѣйшихъ извѣстіяхъ (конца XV вѣка), и въ позднѣйшихъ порядныхъ XVII-го вѣка, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ опредѣляется въ размѣрѣ $^2/_3$ „приполоннаго хлѣба": но даже и такія обязанности комбинируются съ другими [1]).

Одно изъ существенныхъ отличій оброчной системы отъ половничества состояло, конечно, въ томъ, что оброкъ былъ точно опредѣленной „податью", величина которой прямо не зависѣла отъ степени урожая даннаго года. Такой оброкъ могъ быть или натуральнымъ или денежнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно наблюдать, какъ хозяйство постепенно проходило вышеуказанныя формы. Судя по переписной книгѣ Вотской пятины, 1500 года, напримѣръ, землевладѣльцы обыкновенно получали доходъ съ крестьянъ долею продукта: къ концу того же вѣка слѣдовъ половничества здѣсь не замѣтно: взамѣнъ „трети изъ хлѣба" крестьяне той же мѣстности, сверхъ издѣлья, уже въ 1568 году, повидимому, чаще прежняго взносили хлѣбъ „поспольѣ", т. е. въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ, напримѣръ, съ каждой обжи по 1 коробьѣ ржи, 1 четверткѣ жита, 1 четверткѣ пшеницы и $^1/_2$ коробьи овса, не считая небольшого денежнаго сбора, или платили прямо денежный оброкъ, обычный размѣръ котораго по книгѣ 1 рубль съ обжи.

Въ XVI вѣкѣ землевладѣльческій оброкъ слагался обыкновенно изъ натуральнаго и денежнаго. Впрочемъ, извѣстны случаи, когда крестьяне облагались однимъ изъ этихъ видовъ оброка безъ другого: бѣжецкіе крестьяне села Пузырева, напримѣръ, платили оброкъ монастырю только хлѣбомъ: но съ теченіемъ времени чаще замѣтно исключительное примѣненіе денежнаго оброка (см. ниже).

Высота оброка зависѣла, повидимому, отъ многихъ условій, въ томъ числѣ отъ качества почвы и отъ льготы: льгота могла имѣть разныя степени: какъ въ вышеприведенномъ случаѣ съ

---

[1]) Пск. Суд. гр., ст. 42, 63. А. Ю., № 176; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 341—342 и Акты, I, №№ 15, 72 и др.; тамъ же списокъ порядныхъ въ половничество: въ рѣдкихъ случаяхъ „шестой снопъ" (А. Ю., №№ 177 и 184). *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 31—37. Такъ какъ половничество было въ сущности особою формою хозяйственной эксплоатаціи земли, то на сѣверѣ встрѣчались крестьяне, владѣвшіе земельными участками, но сверхъ того снимавшіе исполу чужую землю: см. *П. Ивановъ*. Op. cit., Др. I, в. 3, стр. 437; въ большинствѣ случаевъ, однако, хозяйственное положеніе половниковъ было, вѣроятно, хуже крестьянскаго.

половникомъ Шелутковымъ, такъ и при уплатѣ землевладѣльческаго оброка, послѣдній повышался постепенно: „а монастырскаго оброку, писали, напримѣръ, порядчики въ одной порядной 1585 года, дати въ два годы—на годъ по рублю, а въ третій годъ дати намъ оброку—два рубля“ [1]). Размѣры оброка, вѣроятно, зависѣли кромѣ того и отъ той комбинаціи, въ которой землевладѣлецъ соединялъ свой доходъ съ издѣльемъ. Бѣжецкіе крестьяне села Пузырева Соловецкаго монастыря, напримѣръ, при довольно значительномъ количествѣ возложенныхъ на нихъ повинностей, давали ему только по 4 четверти ржи да по 4 четверти овса съ выти, что составляло, примѣрно, по цѣнамъ того времени едва ли больше 1 рубл. 60 коп. (1561 г.): между тѣмъ костромскіе крестьяне села Ѳедоровскаго Троицы-Сергіева монастыря, не пахавшіе на него пашни, платили ему по 2 рубля съ выти (1592—1593 гг.) [2]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что мелкій доходъ могъ также имѣть нѣкоторое значеніе для установленія размѣровъ оброка. Одно и то же условіе (напр. качество почвы), по всей вѣроятности, могло разно вліять на колебанія разныхъ видовъ оброка, а одинаково равномѣрное возрастаніе или убываніе обоихъ вмѣстѣ, надо полагать, чаще замѣнялось повышеніемъ одного изъ нихъ на счетъ другого: слѣдовательно, есть основаніе предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оба вида оброка комбинировались, совокупная цѣнность ихъ подвергалась, меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ ея слагаемыя, порознь взятыя. Тѣмъ не менѣе и сумму денежнаго оброка вмѣстѣ съ натуральнымъ, въ переводѣ послѣдняго на деньги, едва ли можно признать постоянной величиной: въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы не въ состояніи усмотрѣть разницы въ прочихъ условіяхъ и все же наблюдаемъ большую разницу въ размѣрахъ платы за землю. Такіе случаи встрѣчаются въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, напримѣръ, въ описаніи Вышневолоцкаго уѣзда: здѣсь одна деревня въ 1 дворъ съ 1 обжи, на которой было посѣяно 3 коробьи хлѣба, платила (въ переводѣ на тогдашнія деньги) помѣщику—8 денегъ, а другая деревня съ такимъ же хозяйствомъ другому помѣщику — $27^1/_2$ денегъ: или обратно, въ одномъ и томъ же имѣніи двѣ деревни, изъ которыхъ одна въ 1 дворъ и

---

[1]) Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются такія указанія о новоселахъ: „сѣлъ ново, пашни нѣтъ“, „старого дохода не было, сѣли ново“ (Писц. кн. новгород., II, 95 и др.). А. Ю., № 183. Рус. Ист. Библ., XII, 129; XIV, 37, 61, 96, 97, 100. Ср. выше стр. 39 и ниже стр. 43.

[2]) Здѣсь и въ послѣдующихъ указаніяхъ на цѣны, онѣ не переводятся на современныя: попытки выяснить цѣнность старпннаго рубля въ разное время см. въ слѣд. соч.: *Р. Ключевскій*, Русскій рубль XVI—XVIII вв., М., 1884 г. *Н. Рожковъ*, Op. cit., гл. III и Исторія Удѣловъ, Спб., 1902 г., т. II, ч. 1, прим. 13.

сѣяла 4 коробьи, была положена въ 1 обжу, а другая въ 3 двора и сѣяла 8 коробей, была положена въ 2 обжи, платили владѣльцу „стараго дохода“ только деньгами по $2^1/_2$ гривны [1]). Нѣчто подобное, вѣроятно, происходило и въ другихъ мѣстностяхъ Московскаго государства: по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне платили исключительно денежный оброкъ, величина его даже въ одной и той же мѣстности и въ одно и то же время часто колебалась: въ имѣніяхъ Троицы-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ Нерехотской волости, крестьяне сельца Солтонова да сельца Козлищева пашни не пахали, а платили съ выти по 1 рублю: крестьяне же приселка Жарова съ деревнями, также не пахавшіе пашни, платили, однако, съ выти по 2 рубля [2]).

Итакъ, въ крестьянскихъ повинностяхъ и платежахъ XVI-го вѣка замѣтны и разнообразіе и неравномѣрность. Можно думать, что такое явленіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что виды и размѣры ихъ зависѣли не только отъ мѣстныхъ условій, но и отъ усмотрѣнія землевладѣльца: иногда самъ порядчикъ обязывался всякую страду господина „со крестьяны страдати“, какъ онъ ему „прикажетъ“, или платить денежный оброкъ, „чѣмъ онъ (его) изоброчитъ“. Такимъ образомъ, вотчинники и помѣщики „свои подати клали на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого взяти“ [3]).

Впрочемъ, съ теченіемъ времени, изъ смѣси разнообразныхъ обязанностей, которыя крестьяне исполняли въ пользу землевладѣльца, стали выдѣляться преимущественно двѣ, а именно: барщина и денежный оброкъ.

Развитіе барщины зависѣло отъ различныхъ условій, напримѣръ: отъ качества почвы и отъ того, проживалъ ли землевладѣлецъ въ данномъ имѣніи. Въ памятникахъ встрѣчаются указанія на размѣры барской запашки, по которымъ можно судить и о развитіи барщины. Въ концѣ XVI-го вѣка уже встрѣчаются случаи поглощенія всѣхъ остальныхъ обязанностей крестьянъ въ

---

[1]) Пис. кн. новг., I, 11—12, 90; III, 115 (сверхъ того сѣна по 10 и 20 кк.) ср. *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 234—258; ср. *В. Сергѣевичъ*, Op. cit., III, 110—111.

[2]) А. Э., т. I, № 307. Пис. кн., подъ ред. Н. Калачева, I, 2, стр. 896.

[3]) А. Ю. № 196, I. (1630 года). Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, в. I № 5 (1627 года), и др. Въ монастырскихъ грамотахъ, указанныхъ выше, напримѣръ въ извѣстной грамотѣ 1561 г., иногда говорится, что онѣ выданы по челобитью крестьянъ, но объ условіи между ними и землевладѣльцемъ рѣчи нѣтъ: составители грамотъ часто называютъ ихъ не уставными, а только „жалованными“ или „жалованными несудимыми“ (А. Э., т. I, № 201); впрочемъ грамота 1560 г. Троицы-Сергіева монастыря называется „уставною“ (А. Э. т. I, № 255); ср. выраженію „семя уложили“ и пр. въ А. Э., т. I, № 268. *Г. Котошихинъ*, XI, 3.

пользу землевладѣльца—одною барщиной: въ 1590 году кишкинскіе крестьяне Троицы-Сергіева монастыря должны были, взамѣнъ отправленія разнообразныхъ повинностей и „за всякіе монастырскіе доходы“ „пашню пахать на монастырь, по пяти десятинъ съ выти“. При научной оцѣнкѣ извѣстій о собственной запашкѣ землевладѣльцевъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, конечно, что она часто производилась при помощи ихъ „людей“ (т. е. холоповъ), а не только крестьянъ: но возрастаніе барской запашки, наблюдаемое къ концу XVI вѣка, едва-ли можно объяснить однимъ только увеличеніемъ числа дворовыхъ людей или наймомъ рабочихъ. Хотя ростъ холопскаго населенія XVII-го вѣка въ такихъ уѣздахъ, напримѣръ, какъ Калужскій и Тульскій, а въ особенности въ Веневскомъ и Орловскомъ, весьма замѣтенъ, однако, писцовыя книги свидѣтельствуютъ о томъ, что и крестьяне работали на барской пашнѣ. Наемные дѣловые люди (вѣроятно въ рѣдкихъ случаяхъ, у богатыхъ вотчинниковъ) также исполняли иногда работы подобнаго рода, напримѣръ, въ вотчинахъ боярина Морозова: однако въ имѣніяхъ того же боярина крестьяне не только привлекались къ отбыванію барщины среднимъ числомъ по боярской десятинѣ въ полѣ съ 6—8 дворовъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ сѣнокоса, но (въ низовыхъ его вотчинахъ) должны были постоянно увеличивать, въ качествѣ тягловаго издѣлья, прежнія пашни и сѣнокосы новыми росчистями, съ десяти вытей по десятинѣ [1]). Итакъ, можно думать, что увеличеніе барской запашки отчасти указываетъ и на развитіе крестьянской барщины. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно къ концу XVI вѣка, барская запашка уже получаетъ довольно видное мѣсто. Въ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, въ трехъ станахъ Юрьево-Польскаго уѣзда, судя по писцовой книгѣ 1592—1594 гг., числилось до 1799 четвертей доброй и середней земли; изъ нихъ до 531 было отведено подъ монастырскую пашню, что составляетъ до 29,5% пашенной земли описанныхъ имѣній. Такое же явленіе можно наблюдать и въ вотчинахъ свѣтскихъ лицъ въ прикамской области: въ великопермскихъ владѣніяхъ С. и М. Строгановыхъ (т. е. въ Чусовой, Сылмѣ и Яйвѣ) барская запашка достигала довольно крупныхъ размѣровъ и, во всякомъ случаѣ, имѣла не менѣе существенное значеніе въ ихъ хозяй-

---

[1]) *П. Забѣлинъ*. Большой бояринъ и пр. въ В. Е. 1871 г., № 1, стр. 27, 47; № 2, стр. 465, 468: боярская десятина была величиною въ 80 саж. длиннику и 80 саж. поперечнику. При наемномъ трудѣ расходы вотчинника въ нѣкоторыхъ случаяхъ были довольно значительны; см. *П. Ивановъ*, Документы Крестнаго Онежскаго монастыря въ Др., I, 3, стр. 518. Ср. Уложеніе, XVI, 38.

ствѣ [1]). Судя по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ, довольно сильное развитіе барской запашки замѣтно даже въ центральныхъ уѣздахъ, напримѣръ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ, а также въ южныхъ уѣздахъ,—напримѣръ, въ Воротынскомъ и въ Карачевскомъ. [2]). Извѣстія того времени о числѣ дней, въ теченіе которыхъ крестьянинъ долженъ былъ „боярское здѣлье дѣлати" на господина, встрѣчаются, однако, довольно рѣдко: въ нѣсколькихъ порядныхъ XVII-го вѣка оно опредѣляется въ размѣрѣ двухъ дней въ недѣлю, причемъ каждый порядчикъ обязывался работать съ „лошадью". Въ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка эта повинность колебалась въ предѣлахъ 2—4 десятинъ на выть крестьянской земли [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что установленіе размѣровъ издѣльныхъ повинностей уже въ то время допускало со стороны землевладѣльца больше произвола, чѣмъ оброкъ, особенно съ того времени, когда крестьяне потеряли право перехода и, слѣдовательно, утратили одно изъ самыхъ существенныхъ средствъ противъ такого произвола. Въ вотчинахъ боярина Морозова провинившіеся крѣпостные (въ томъ числѣ и крестьяне) сѣкли лѣсъ подъ пашню и сѣнокосъ, подъ особымъ надзоромъ прикащика: „посланъ къ тебѣ, писалъ ему однажды бояринъ, будникъ Ѳедька (приготовлявшій поташъ) и тебѣ его принять и посадить въ кандалы и отдать въ работу къ дѣловымъ и беречь крѣпко, чтобы не ушелъ, а желѣза ножныя, которыя на немъ, прислать къ Москвѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя изъ издѣльныхъ повинностей принимали болѣе изощренныя формы: въ вотчинахъ Морозова крестьяне обязаны были, напримѣръ, заниматься приготовленіемъ поташа, который бояринъ сбывалъ съ большими выгодами на европейскіе рынки: для этого онъ не стѣснялся „сильно" (т. е. насильно) отдавать „добрыхъ и умныхъ крестьянъ" въ будное ученіе: а между тѣмъ будное дѣло можно было сдѣлать тяжелою повинностью: когда бояринъ указалъ бурцовскимъ крестьянамъ своей курмышской вотчины жечь золу и дрова ставить на лысковскіе майданы противъ лысковскихъ кре-

---

[1]) А. Э., т. I, № 348. И. Писц. кн., изд. Н. Калачевымъ, I, 1, стр. 851—856. *Н. Устряловъ*, Строгановы, Спб., 1842 г., 37—41: точность цифровыхъ показаній, приведенныхъ въ грамотѣ 1692 г. изъ книгъ И. Яхонтова, вызываетъ сомнѣнія.

[2]) Писцовыя книги 1620-хъ годовъ далеко не всѣ содержатъ свѣдѣнія порознь о количествѣ барской и крестьянской пашни.

[3]) *И. Бѣляевъ*, Op. cit., 158—159. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 238. Въ одной бобыльской порядной 1648 года бобыль также обязуется, чтобы ему „всякое здѣлье дѣлать на своего государя", но „пѣшему", т. е., вѣроятно, безъ лошади.

стьянъ—на выть дровъ давать по 12 сажень, а золы жечь на выть по 120 четвертей, то крестьяне „гораздо ужаснулись“ [1]).

Впрочемъ, развитіе барщины и изощренныхъ формъ издѣлья въ однѣхъ мѣстностяхъ не исключало, конечно, развитія въ другихъ денежнаго оброка, уплатою котораго замѣнялись прочія повинности порядчика; на ряду съ крестьянами барщинными все чаще появляются и крестьяне оброчные, особенно въ имѣніяхъ, гдѣ земля была похуже, или гдѣ владѣльцы сами не проживали. Уже въ XVI вѣкѣ можно указать довольно много примѣровъ уплаты оброка деньгами: въ нѣкоторыхъ вотчинахъ крестьяне платили денежный оброкъ землевладѣльцу и за издѣлье, включая въ него иногда полевую страду. Крестьяне предпочитали барщинѣ оброчную систему: однажды крестьяне Крестнаго монастыря (въ 1673 году) пришли въ монастырь и говорили „недобре вѣжливо“ монастырскимъ властямъ, чтобы имъ монастырской страды не страдать и за всякіе взносы и сдѣлья платить по 2 рубля, вмѣсто прежнихъ 10 [2]). Въ данномъ случаѣ, однако, ясно обнаружилась и оборотная сторона дѣла: крестьяне высказали свое предпочтеніе денежному оброку, но не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требовалъ его землевладѣлецъ: послѣднему, при оброчной системѣ, труднѣе было вмѣшиваться во внутреннюю жизнь крестьянской общины, за то легко было повышать размѣръ самого оклада. Въ самомъ дѣлѣ ростъ такого оклада можно наблюдать въ XVI вѣкѣ. Московскіе помѣщики, хозяйничавшіе на новгородскихъ земляхъ, уже охотно содѣйствовали этому росту: они иногда значительно увеличивали прежній денежный окладъ, которымъ были обложены крестьяне. И позднѣе, сравнивая показанія писцовыхъ книгъ 1540-хъ и 1580-хъ годовъ, легко замѣтить перемѣну въ размѣрахъ оброка: помѣщики Бѣжецкой пятины, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляя прежній денежный оброкъ, въ видѣ прибавки взимали со своихъ крестьянъ еще новый: натуральный; въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ Вотской пятинѣ, за то-же время повысились размѣры денежнаго оброка [3]). Въ настоящее время трудно сказать, находился ли въ связи такой ростъ съ повышеніемъ реальной цѣнности оклада или исключительно стоялъ въ зависимости отъ обезцѣненія рубля. Если принять во вниманіе, что въ Бѣжецкой пятинѣ въ 1580-хъ годахъ

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit. ib., стр. 468, 483.

[2]) Писц. кн., изд. подъ ред. Н. Калачева, I, 1, стр. 68, 284, 744, 777 и др. *И. Ивановъ*, Op. cit., ib., стр. 530.

[3]) *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 237, 254 и др.; ср. выше и ниже замѣчанія на стр. 38 (о дѣланіи дѣла сверхъ урочнаго дѣла) и на стр. 48 (о „дарахъ“).

сборы съ крестьянъ возрасли въ видѣ добавочнаго натуральнаго (а не денежнаго) оброка, что одна и та же денежная сумма могла имѣть въ доходѣ крестьянина и въ доходѣ землевладѣльца разныя значенія и что послѣднему трудно было воздержаться отъ стремленія повысить реальную цѣнность оброка, то едва-ли удастся свести увеличеніе послѣдняго къ перемѣнамъ въ одной только номинальной его стоимости; притомъ можно даже сомнѣваться, чтобы въ колебаніяхъ величины оброка и цѣнности рубля того времени, особенно въ 1540—1580 гг., существовало полное соотвѣтствіе. Какъ бы то ни было, въ XVII-мъ вѣкѣ встрѣчаются случаи, когда денежный оброкъ сбирался въ размѣрѣ около 1 рубля съ двора: въ нижегородскихъ имѣніяхъ Морозова „средняя или постоянная цифра тяглового денежнаго сбора" составляла 15 рублей съ выти (въ 12—16 дворовъ?); но бывали оклады и по 6 и по 24 рубля съ выти. Съ потерей права свободнаго перехода, крестьяне потеряли и возможность существеннымъ образомъ реагировать противъ такихъ произвольныхъ повышеній оклада денежнаго оброка со стороны землевладѣльцевъ. Хотя, разумѣется, они и должны были сообразоваться съ общими условіями данной мѣстности и даннаго времени, но все же эти повышенія бывали иногда довольно значительны: крестьяне богатаго приволжскаго села Лыскова, пока они были въ дворцовомъ вѣдомствѣ, платили по 7 р. 50 к., съ выти; по пожалованіи Лыскова Морозову, положеніе ихъ измѣнилось: Морозовъ (въ 1646 г.) увеличилъ число вытей въ Лысковѣ съ 126 на 132, но назначилъ взимать по 20 р. съ выти въ самомъ селѣ и по 15 р. съ выти въ приселкахъ и деревняхъ; такимъ образомъ, новый владѣлецъ счелъ возможнымъ приблизительно вдвое повысить размѣры денежнаго оброка, взимаемаго съ крестьянъ [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что крестьянинъ обязанъ былъ платить землевладѣльцу не только главный, но и „мелкій" доходъ или „столовые обиходы" (запасы): уплата „мелкаго" дохода еще болѣе осложняла сборы, падавшіе на крестьянъ, а съ переводомъ его на деньги, превратилась въ уплату добавочнаго денежнаго оброка, иногда сливавшагося съ главнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, судя, напримѣръ, по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, крестьяне были обязаны поставлять землевладѣльцу сельско-хозяйственные продукты, образовывавшіе его „мелкій доходъ", чаще всего: сыръ

---

[1]) *Н. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 1, стр. 10, 25, 28—30. Лысковцы, правда, были освобождены за такой оброкъ отъ всѣхъ издѣльныхъ повинностей и уплаты столовыхъ запасовъ; но это условіе было тотчасъ же нарушено; впрочемъ, бояринъ сбавилъ оброкъ съ своихъ покровскихъ крестьянъ, попавшихъ въ аналогичное положеніе и просившихъ его объ облегченіи.

и масло, барановъ и овчины: куръ и яйца, а также ленъ: крестьяне Соловецкаго монастыря, на основаніи уставной грамоты 1561 г., должны были давать съ выти на „Оспожинъ день“ по сыру по сухому, а нелюбъ сыръ и за сыръ двѣ деньги; да въ осень на Покровъ св. Богородицы по 50 яицъ, да по хлѣбу, да по калачу. Нижегородскіе крестьяне Морозова были обязаны платить ему съ выти (въ 12—16 дворовъ): 2 пуда свиного мяса, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста или, взамѣнъ холста, 10 гривенокъ (фунтовъ) шерсти на войлоки и епанчи. Въ иныхъ вотчинахъ того же владѣльца крестьяне сверхъ того давали еще съ выти же: 1 утку, 8 куръ или 8 гривенокъ коровья масла, 100 или 50 яицъ, осьмину, полуосьмину или четверикъ орѣховъ или вмѣсто орѣховъ четверть хмѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ особо съ дыма или съ каждаго двора взималось по одной курицѣ, гривенкѣ масла и 3 яйца: также по гривнѣ шерсти, если шерсть не была положена съ выти. Трудно перечислить всѣ разнообразные „столовые запасы“, которые крестьянамъ приходилось поставлять на барскій дворъ: они мѣнялись въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Вотчинникъ не пропускалъ безъ вниманія и побора никакой мелочи ни въ производительности почвы и ея разныхъ угодьевъ, ни въ крестьянскихъ промыслахъ: бывали случаи, когда въ виду внезапной прихоти боярина, его вотчины единовременно облагались какимъ нибудь особымъ сборомъ: зимою 1659 года, напримѣръ, Морозову понадобились охотничьи скворцы и онъ велѣлъ прикащикамъ со всѣхъ своихъ вотчинъ „собрать скворцовъ и къ нему прислать“. Такимъ образомъ, главный доходъ вотчинника различно комбинировался съ его же мелкимъ доходомъ: это еще болѣе осложняло сборы, взимаемые съ крестьянъ, что, разумѣется, усиливало вышеуказанныя послѣдствія подобнаго рода явленій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мелкій доходъ переводился на деньги, его легко было слить съ денежнымъ оброкомъ: въ переписной книгѣ деревской пятины 1495 г. можно уже встрѣтить, напримѣръ, случай въ родѣ слѣдующаго: за помѣщикомъ Ляхомъ Дюковымъ съ дѣтьми была, между прочимъ, записана деревня-одноодворка, въ которой жилъ Селиваникъ Ѳедковъ: деревня положена была въ обжу: онъ платилъ съ нея стараго дохода 10 денегъ, сыръ и горсть льну: „а новаго дохода за все 16 денегъ“: въ той же книгѣ есть упоминаніе о томъ, что уже „старый доходъ“ уплачивался „за все“ [1]). Въ случаѣ такого перевода мелкихъ сборовъ на деньги, часто повторявшихся

---

[1]) Писц. кн. нов., II, 519 и др. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 25—26, 33, 35 и сл., 39, 47.

во второй половинѣ XVI вѣка, денежный оброкъ возрасталъ на счетъ „мелкаго дохода", а о послѣдствіяхъ его распространенія было уже сказано выше.

Кромѣ обычнаго дохода, а иногда и „даровъ", вымогаемыхъ вотчинниками у крестьянъ, послѣдніе должны были выплачивать имъ разныя свадебныя, торговыя или судебныя пошлины, а также явки, пени и т. п. сборы: крестьяне села Пузырева, напр., были обязаны, между прочимъ, за промѣнъ или продажу между собою земельныхъ участковъ (что могло состояться только съ разрѣшенія приказчика) давать явки „полполтины съ обѣихъ половинъ"; они платили заповѣдь за вырубку лѣса безъ доклада приказчику въ полевыхъ рощицахъ: въ томъ же имѣніи взималось пожилое или похоронное съ крестьянина, уходящаго изъ него, и порядное съ покупщика, который, съ разрѣшенія приказчика, пріобрѣталъ тамъ земельный участокъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, что, сверхъ повинностей и платежей въ пользу землевладѣльца, его крестьяне отправляли еще нѣкоторыя повинности и облагались особаго рода сборами въ пользу „посельскаго" (посельника), приказчика или старосты, доводчика и т. п. Такъ напримѣръ, крестьяне, судя по грамотѣ селу Пузыреву, „волостью" мололи въ пользу приказчика, слуги и доводчика „рожь на хлѣбы и солодъ на квасы"; въ другихъ грамотахъ упоминаются платежи хлѣбомъ и деньгами въ пользу приказчика (напр., по алтыну съ выти): приказчикъ, кромѣ того, получалъ цѣлый рядъ доходовъ съ явокъ, или въ видѣ свадебныхъ, торговыхъ, судебныхъ пошлинъ и т. п., уступаемыхъ ему землевладѣльцемъ. Доводчикъ пользовался доходомъ съ тѣхъ же вытей, а именно: „праздничными кормами" и другими сборами (напр., по гривнѣ съ выти) и пошлинами за отправленіе своей должности (напр., за „хоженое" или „ѣздъ" и т. п.) [1]). Эти обязанности, одно перечисленіе которыхъ заняло бы много мѣста, разумѣется, еще болѣе усиливали послѣдствія, проистекавшія изъ разнообразія, неравномѣрности и постепеннаго возрастанія бремени крестьянскихъ повинностей и платежей, особенно если принять во вниманіе, что „съ однихъ и тѣхъ же лицъ доходы шли въ различныя руки" и что сами владѣльцы,

---

[1]) См. выше стр. 30 пр. 1: А. Э. т. I, № 348, I и др.; другой примѣръ: въ 14 порядныхъ 1573—1590 гг. на деревни церкви Спаса Преображенія Куропольскаго посада Двинскаго уѣзда порядчики обыкновенно обязывались платить старостѣ церковному или приказчику „боранъ, а не любъ боранъ, ино за борана по два алтына", рѣже по 10 денегъ или по гривнѣ (Рус. Ист. Библ., т. XIV, 91—115). Кромѣ того, приказчикъ получалъ отъ землевладѣльца землю для пашни и сѣнокоса: по крайней мѣрѣ такъ было въ вотчинахъ Морозова; см. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 22—23.

по словамъ современника, предоставляли своимъ приказнымъ людямъ брать „всякіе поборы со своихъ крестьянъ, чѣмъ бы имъ (приказнымъ людямъ) поживиться“ [1]).

Вмѣстѣ со всѣми перечисленными повинностями крестьянъ слѣдуетъ имѣть въ виду и всю тяжесть разнообразныхъ тяглъ, падавшихъ на тѣхъ же „сиротъ“: крестьяне въ вотчинахъ и помѣстьяхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, правда, платили меньше монастырскихъ, но при значительныхъ размѣрахъ повинностей и платежей въ пользу землевладѣльцевъ, и они, вѣроятно, также чувствовали бремя государственныхъ налоговъ.

Организація сельской общины, сидѣвшей на частно-владѣльческихъ земляхъ, должна была въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ черная волость, зависѣть отъ возраставшаго давленія подобнаго рода повинностей и сборовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они падали огуломъ на цѣлое имѣніе (пахать или платить всей волостью) или равномѣрно на выти: въ выборѣ одного сельскаго старосты и цѣловальника прямо сказано, что они избираются къ господскому всякому хлѣбу, ржаному и яровому, къ посѣву и къ ужинѣ и къ умолоту и къ мірскимъ всякимъ денежнымъ сборамъ. Судя по нѣсколько позднѣйшимъ даннымъ, сельскій міръ, подобно волостной общинѣ, вѣроятно, заботился о мірскомъ хозяйствѣ и могъ вступать въ договоры, возникавшіе главнымъ образомъ на почвѣ тѣхъ же интересовъ: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда сельскіе старосты „рядили“ людей на городовое дѣло или занимали деньги „на мірскія нужды“ [2]). Въ большинствѣ случаевъ, однако, такія функціи, если не зарождались, то, по крайней мѣрѣ, складывались подъ вліяніемъ землевладѣльца. Такъ, напримѣръ, землевладѣльцу выгодно было возможно лучше устроить и обезпечить раскладку и взиманіе разныхъ повинностей и сборовъ, а благодаря такому воздѣйствію, хотя, можетъ быть, и не исключительно ему одному, владѣльческіе крестьяне иногда начинали переходить къ усовершенствованію способовъ ихъ раскладки и взиманія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ концѣ XV-го или въ самомъ началѣ XVI-го вѣка архимандритъ Константино-Еленскаго монастыря билъ челомъ митрополиту Симону о томъ, что монастырскіе крестьяне, Сураломцы и Добросельцы, пашутъ пашни на себя много, а монастырскія-де пашни— мало: тогда митрополитъ велѣлъ архимандриту (вмѣстѣ съ посланнымъ къ нему лицомъ) перемѣрить землю во всѣхъ трехъ поляхъ

---

[1]) *Г. Котошихинъ*, XIII, 16; ср. *Н. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 14—16, 42.

[2]) Доп. къ А. И., т. VI, № 10, II (1670 г.). *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 212 (1707 г.). См. о владѣніи у крестьянъ разными угодьями „вопче“—*П. Соколовскій*, Op. cit., стр. 73—75.

да дать крестьянамъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь указать имъ пахать шестую десятину: „а будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣе того и онъ бы по тому же пахалъ и монастырскую пашню—шестой жеребей: а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы по тому пахалъ и монастырскую пашню“; такимъ образомъ, митрополичьимъ распоряженіемъ предполагалось установить однообразную пропорцію между величиной пашеннаго участка, который крестьянинъ пахалъ на себя, и размѣрами запашки, которую онъ долженъ былъ производить на землевладѣльца. Или, въ 1564 году промежъ крестьянъ Сумской волости возникло „смущеніе великое о волостныхъ розрубѣхъ и о всякихъ тяглѣхъ“; тогда соловецкій игуменъ Филиппъ, въ имѣніи котораго сидѣли крестьяне, „посовѣтовавъ съ братьею, написалъ имъ указъ о всякихъ розрубѣхъ и о тяглѣхъ“: въ своемъ „указѣ“ онъ предписалъ крестьянамъ для раскладки выбирать „всею волостью“ особыхъ окладчиковъ: въ случаѣ кто-либо изъ выборныхъ не захочетъ идти въ окладчики, то брать на него монастырскаго доводчика и отдавать ослушника на поруки съ обязательствомъ въ извѣстный срокъ стать къ отвѣту передъ монастырскими властями...; въ случаѣ же если кто нибудь изъ „земскихъ людей и казаковъ ослушается и откажется платить, то старостѣ съ крестьянами просить у тіуна доводчика и велѣть доправливать на ослушникѣ безсрочно то, чѣмъ его обложатъ“. Вышеприведенные примѣры наглядно показываютъ, какимъ образомъ внутренніе распорядки общинъ иногда складывались подъ вліяніемъ землевладѣльца: изъ послѣдняго извѣстія и нѣкоторыхъ другихъ видно, что онъ иногда провѣрялъ, дѣйствительно ли мірскія рѣшенія, предложенныя на его утвержденіе, составлены „по полюбовному межъ собою договору и условкѣ“ крестьянъ, а иногда просто вмѣшивался въ ихъ дѣла и подвергалъ ослушниковъ суду. Впрочемъ, прикрѣпленіе крестьянъ и тягло оказывали и помимо землевладѣльца вліяніе на эволюцію крестьянской общины, аналогичное съ тѣмъ, которое уже было указано выше. Съ теченіемъ времени въ ней стало развиваться и уравнительное распредѣленіе земельныхъ участковъ. Землевладѣлецъ способствовалъ также организаціи сельскаго суда: желая, вѣроятно, подчинить дѣйствія своего приказчика контролю, онъ иногда постановлялъ, чтобы „съ приказчикомъ быть въ судѣ священнику, да крестьянамъ пятма или шестьмя добрымъ и середнимъ“ или „старостѣ и лучшимъ людемъ“ [1]).

---

[1]) А. Э., т. I. №№ 201 и 258: т. III, № 217. Ср. Стоглавъ, гл. 68 и ниже стр. 51, 73.

Слѣдуетъ замѣтить, что крестьянскій міръ, повидимому, стремился нѣсколько оградить своихъ членовъ отъ произвола землевладѣльца. Въ уставной грамотѣ Новинскаго монастыря, напримѣръ, встрѣчается условіе, въ силу котораго „выть“ крестьянина, вышедшаго за волость по сроку съ отказомъ, отдавалась пахать „крестьянамъ того села.... а игумену въ ту выть не вступатися“ [1]). Отъ конца XVII-го вѣка сохранилась челобитная старосты, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ Зосимпинской пустыни, въ которой они просили монастырскихъ властей убавить число требуемыхъ съ нихъ работниковъ; просьба монастырскихъ сиротъ была услышана: власти сочли возможнымъ облегчить ихъ повинности. Бывали случаи однако, когда крестьяне предпочитали иной порядокъ и даже сами обращались къ своему владѣльцу съ ходатайствомъ, чтобы онъ вступился въ дѣло, съ которымъ міръ былъ не въ силахъ справиться. Само собою разумѣется, что такое вмѣшательство землевладѣльца, особенно по мѣрѣ возрастанія его власти, въ свою очередь обезсиливало крестьянскій міръ. Иногда самъ землевладѣлецъ, напримѣръ, распредѣлялъ тягло, падавшее на его вотчину, между волостями; власть его начинала оказывать давленіе не только на крестьянскія права, но и на крестьянскія учрежденія, а вліяніе на нихъ приказныхъ властей соотвѣтственно ослаблялось [2]).

Разныя случайности примитивнаго и слишкомъ мало обезпеченнаго хозяйства, благосостояніе котораго чуть ли не понизилось къ концу XVI вѣка, и необходимость давать иной разъ денежный оброкъ землевладѣльцу, а съ половины XVI вѣка выплачивать вмѣстѣ съ нѣкоторыми прежними налогами, но и нѣсколько „новыхъ“ также денежныхъ податей, ставили крестьянъ въ затруднительное положеніе; послѣднее еще ухудшалось ростомъ крестьянскихъ повинностей и увеличеніемъ бремени государственныхъ налоговъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ, крестьянинъ прибѣгалъ къ займу, обыкновенно у своего же землевладѣльца. Послѣдній ссужалъ его хлѣбомъ или деньгами; заемъ подобнаго рода производился, когда крестьянинъ поряжался на свой участокъ, или въ другое время и могъ, конечно, повторяться; заемъ заключался или безкабально, т. е. безъ совершенія особаго рода актовъ, или подъ кабалы, „хлѣбныя и денежныя“. Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы такіе займы были всегда процентными; напротивъ, краткосрочныя ссуды, можетъ

---

[1]) Врем. М. О. И. и Д., т. II, смѣсь, стр. 19. *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 212—214.

[2]) А. Ю., № 281. А. Э., т. I, № 268 и др. *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 225—227. *П. Ивановъ*, Документы крестнаго монастыря въ Др., т. I, в. 3, Спб., 356. Исторія удѣловъ, II, 15—17 и др.

быть, только по просрочкѣ долга становились процентными займами; деньги, занятыя подъ проценты, кажется, назывались „издѣльнымъ“ и „ростовымъ серебромъ“. „Издѣльное и ростовое серебро“ уже упоминается въ граматахъ XV-го вѣка. Объ „издѣльномъ серебрѣ“ сохранилось слишкомъ мало опредѣленныхъ указаній; возможно, что серебро, проценты съ котораго уплачивались работою должника, называлось издѣльнымъ. „Ростовое серебро“ отличалось отъ издѣльнаго тѣмъ, что крестьянинъ выплачивалъ проценты съ него деньгами и, значитъ, юридически не связанъ былъ съ своимъ кредиторомъ „работою“ на него; впрочемъ, фактически это различіе, вѣроятно, часто уступало мѣсто смѣшенію „ростоваго серебра“ съ „издѣльнымъ“ [1]). Въ силу извѣстной статьи Судебника 1497 г. крестьянинъ, при переходѣ „изъ села въ село“, долженъ былъ только уплатить землевладѣльцу „пожилое“ за пользованіе дворомъ, а по Судебнику 1550 г. сверхъ того и деньги за „повозъ“. Должнику, занявшему деньги по ростовой кабалѣ, было даже запрещено служить у кредитора: но, если полагать, что подобное запрещеніе должно было примѣняться и къ задолжавшему крестьянину, Судебнику 1550 г. едва ли удалось достигнуть цѣли. Въ дѣйствительности крестьянину-должнику трудно было оставить владѣльческую землю; въ противномъ случаѣ онъ терпѣлъ большіе убытки и, вѣроятно, притѣсненія со стороны кредитора, который могъ грозить ему искомъ съ его весьма тяжелыми послѣдствіями: правежемъ, „отдачею головой въ заживъ“ и пр.; а такая зависимость, конечно, открывала доступъ къ новымъ злоупотребленіямъ господина; да и самъ Судебникъ 1550 года допускалъ возможность „крестьянину съ пашни продавать себя кому въ полцую въ холопи“ и только заботился о томъ, чтобы при этой продажѣ казенный интересъ былъ соблюденъ и „подать царева“ не убавилась [2]).

---

[1]) А. Ю., №№ 178, 183, 189, 191. Акты, предст. въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ №№ 93, 98 и 102; ср. Уложеніе, XX, 39. *М. Дьяконовъ*, Очерки, приложеніе, № 14. Мнѣнія ученыхъ относительно значенія подмоги и ссуды различны см. напр. *М. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, изд. 3, стр. 152 и *В. Сергѣевичъ*, Юр. Др., I, 216 и сл.; ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 16 -30.

[2]) А. Э., т. I, № 48: въ извѣстной грамотѣ, написанной около 1450 г.; князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлозерскій пожаловалъ Ѳерапонтовъ монастырь, разрѣшилъ владѣльцу Волоцкой волости принимать монастырскихъ серебренниковъ не иначе, какъ по уплатѣ ими денегъ, взятыхъ изъ монастырской казны. Судеб. II, 82 и 88. Слѣдуетъ замѣтить, что, хотя есть документы, повидимому, свидѣтельствующіе о примѣненіи статьи 82-й къ крестьянамъ (А. Э., т. I, № 257), но составители проекта судебника 1589 года слили статьи 81 и 82 Судеб. II, въ одну статью 146, такъ что по проекту 1589 года выходитъ, какъ будто статья 82 относится только къ дѣтямъ боярскимъ; трудно сказать, однако, представляетъ ли статья 146-я проекта 1589 года лишь новую редакцію соот-

Задолженность владѣльческаго крестьянина могла возникнуть не только прямо изъ займа, но и косвенно—изъ нарушенія нѣкоторыхъ условій поряда: если крестьянинъ не исполнялъ принятыхъ на себя обязанностей, онъ долженъ былъ уплатить неустойку землевладѣльцу. Такъ какъ подрядчикъ иногда прямо заявлялъ, что если онъ даже „въ маломъ чемъ не устоитъ", то обязуется уплатою неустойки, а размѣры послѣдней иной разъ бывали очень велики (напр. до 50 рублей въ 1626 г.), то можно думать, что крестьянинъ едва ли всегда былъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ землевладѣльца и, слѣдовательно, становился должникомъ его [1]); а задолженность крестьянина и въ такихъ случаяхъ, разумѣется, приводила къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя уже были указаны выше.

Для того, однако, чтобы оцѣнить всѣ послѣдствія, проистекавшія изъ крестьянской задолженности, слѣдуетъ замѣтить еще, что благодаря ей часть крестьянскаго движимаго имущества оказывалась подмогой или ссудой землевладѣльца: онъ надѣлялъ своего крестьянина „всякимъ крестьянскимъ заводомъ", даже „домовой посудой", не говоря о сѣменахъ, лошадяхъ, коровахъ, „иной мелкой скотинѣ" и т. п. Естественно, что при такихъ условіяхъ и отсутствіи ясныхъ и общихъ опредѣленій въ законѣ, крестьянину-должнику трудно было оградить свое имущество отъ злоупотребленій со стороны кредитора-землевладѣльца: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда участки земли отбирались землевладѣльцемъ, по смерти крестьянина, „со всѣми его статки и животы", несмотря на то, что послѣ него оставалась вдова и только на челобитье ея слѣдовала резолюція господина: „велѣть отдать [ей] половину земли и животовъ" [2]).

Наконецъ, задолженность крестьянъ, надо думать, развивалась не только въ зависимости отъ вышеуказанныхъ общихъ и довольно тяжелыхъ условій крестьянскаго хозяйства, но и благодаря прямому воздѣйствію самихъ землевладѣльцевъ. Во всякомъ случаѣ такое воздѣйствіе обнаруживалось, напримѣръ, при взиманіи пошлинъ за крестьянскій выходъ. Извѣстно, что правильное отбываніе сельскихъ работъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе года,

---

вѣтствующихъ статей Судебника 1550 г. или новый законъ, ограничивающій прежній? Въ послѣднемъ случаѣ статья 146 явно указывала бы на безуспѣшность принятыхъ правительствомъ мѣръ къ разграниченію служилой кабалы отъ ростовой. Ср. также Уложеніе, X, 206 и Новоуказ. статьи, ст. 16 и 22 (П. З. С. т. I., № 441).

[1]) А. Ю., № 194; ср. Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, т. I, №№ 62, 65 и др.

[2]) А. Ю., № 203, II; ср. Пск. суд. гр., ст. 86. *П. Ивановъ*, Документы Крестнаго Онежскаго монастыря въ Др., т. I, в. 3, стр. 525.

было обезпечено землевладѣльцамъ статьями Судебниковъ 1497 и 1550 гг.: въ силу одной изъ нихъ, крестьянинъ имѣлъ право „отказываться изъ села въ село“ только за недѣлю до Юрьева дня осенняго и въ недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ; но при отказѣ онъ долженъ былъ уплатить землевладѣльцу нѣкоторыя „пошлины“: по Судебнику 1497 г.—одно пожилое, т. е. деньги за пользованіе дворомъ, по Судебнику 1550 года пожилое, да еще плату за повозъ, „а опричь того, прибавлено въ томъ же Судебникѣ 1550 г., на немъ пошлинъ нѣтъ“; указомъ же 1601 года велѣно было всюду взимать пожилое по высшей его, полевой нормѣ [1]). Сопоставленіе приведенныхъ статей уже показываетъ, что крестьянину даже по закону труднѣе было выйти въ 1550 году, чѣмъ въ 1497 году и еще труднѣе въ 1601 г., чѣмъ въ 1550 году: наконецъ, въ указѣ 1607 года (если только признавать его достовѣрность) размѣры пожилого еще увеличились: они достигли 3 рублей „на всякій годъ“. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что землевладѣльцы не довольствовались правами, предоставленными имъ закономъ: они старались еще болѣе затруднить крестьянскій выходъ взиманіемъ съ крестьянъ лишнихъ „пошлинъ“: пусторжевскіе крестьяне жаловались, напримѣръ, правительству на разныхъ владѣльцевъ, что они „изъ-за себя ихъ не выпущали, а поймавъ, мучили и грабили и въ желѣза ковали и пожилое съ нихъ имали не по Судебнику, рублей по пяти и по десяти“ [2]).

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ сельское населеніе чувствовало нужду въ денежныхъ средствахъ, землевладѣльцы испытывали потребность въ сельскихъ рабочихъ. Встрѣчу этихъ стремленій, во многихъ случаяхъ приводившую къ задолженности крестьянъ со всѣми ея послѣдствіями, можно, кажется, чаще прежняго наблюдать именно въ XVI вѣкѣ, особенно со времени польско-шведскихъ войнъ, когда благосостояніе крестьянъ (если судить о немъ по размѣрамъ запашки), вѣроятно, понизилось, а величина денежнаго оброка повысилась и имъ, кромѣ того, приходилось выплачивать больше денежныхъ сборовъ, чѣмъ прежде: тогда уже взимались деньги за ямское дѣло и встрѣчаются слу-

---

[1]) Судеб. I, 58 и Судеб. II, 88. За четырехлѣтнее пользованіе дворомъ крестьянинъ долженъ былъ платить при выходѣ довольно крупную по тому времени и по тогдашней цѣнности рубля сумму: по „полтинѣ да по 2 алтына“ въ лѣсистой мѣстности и по 1 рублю да по 2 алтына „въ полехъ, гдѣ 10 лѣтъ до хоромнаго лѣсу“, а за каждый годъ, соотвѣтственно, по расчету $^1/_4$ за одинъ годъ и т. д.; ср. Судеб. III, 177 и 178. А. Э., т. II, № 20. Можно предполагать, что приведенныя статьи были въ дѣйствительности выгоднѣе для землевладѣльцевъ, чѣмъ для ихъ крестьянъ; см. еще *В. Ключевскій*, Пр. кр. права въ Рус. Мысли 1885 г., № 10, стр. 10—11.

[2]) Доп. къ А. И., т. I, № 56 (1555 г.). См. ниже стр. ст. 29 ср. *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 196.

чаи перевода посошной службы на деньги; со второй половины XVI вѣка извѣстны упоминанія о пищальныхъ и емчужныхъ деньгахъ, а также налоги на городовое и засѣчное дѣло. Положеніе крестьянъ представится намъ еще менѣе обезпеченнымъ, если припомнить, что бремя налоговъ постепенно возрастало. Естественно, что при такихъ условіяхъ, крестьяне нуждались въ хлѣбѣ и въ деньгахъ и должали у своихъ господъ, пользовавшихся всѣми тяжелыми послѣдствіями ихъ задолженности. Впрочемъ съ покореніемъ Казани и Астрахани, сельское населеніе легко могло отливать на югъ въ плодородную московскую украйну, отнынѣ гораздо менѣе опасную, а также въ бассейны Камы и Волги, наконецъ, нѣсколько позднѣе и еще далѣе, въ Сибирь. Если сопоставить извѣстія о запустѣніи мѣстности, послужившей, главнымъ образомъ, театромъ польско-шведскихъ войнъ, и центра съ одновременными свѣдѣніями о приростѣ населенія на южной украйнѣ, а также сильное пониженіе размѣровъ дворовой запашки крестьянъ вышеуказанныхъ областей и замѣтное возрастаніе запашекъ на югѣ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Тульскій, то можно, кажется, придти къ заключенію, что это движеніе населенія частью еще болѣе разоряло крестьянъ, оставшихся на прежнихъ мѣстахъ, частью вызывало стремленіе землевладѣльцевъ удержать переселенцевъ. Землевладѣльцы, вѣроятно, прибѣгали къ разнаго рода средствамъ для достиженія своей цѣли и старались, конечно, выдачею ссудъ, а иногда и путемъ насилія фактически затруднять переселенія. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что основаніе многихъ мелкихъ монастырей въ XVI вѣкѣ и ростъ мелкаго служилаго землевладѣнія, особенно замѣтный со второй его половины, способствовали, главнымъ образомъ, распространенію такихъ отношеній. Раздача населенныхъ черныхъ и дворцовыхъ земель служилымъ людямъ ухудшала положеніе крестьянъ и, можетъ быть, иной разъ вызывала ихъ переселенія на украину, гдѣ всякому можно было свободно устроиться на никѣмъ еще не поднятой „нови“: но и здѣсь, съ теченіемъ времени, между крестьянами и землевладѣльцами возникли тѣ отношенія, которыя уже сложились въ изстари заселенныхъ мѣстностяхъ.

Само собою разумѣется, что голодъ, моръ и разореніе, наступившіе въ Смутное время, усилили дѣйствіе многихъ изъ вышеуказанныхъ процессовъ: численность бобылей, т. е. людей обыкновенно менѣе обезпеченныхъ, чѣмъ крестьяне, замѣтно возрасла послѣ Смутнаго времени. Изъ 103 крестьянскихъ и бобыльскихъ договоровъ, помѣщенныхъ въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ позднѣйшаго времени, 86 заключены съ ссудой [1]).

---

[1]) *В. Ключевскій*, Op. cit., Рус. Мысль 1885 г., № 10, стр. 34, ср. Р. И. Б., XII, 963—964.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за превращеніемъ крестьянина своеземца въ „пашеннаго крестьянина", въ положеніи послѣдняго уже подготовлялась новая перемѣна: во многихъ случаяхъ онъ становился должникомъ своего господина, и, отчасти, велъ свое хозяйство на чужія средства. Долговая зависимость крестьянина отъ землевладѣльца фактически стѣсняла его свободу передвиженія и открывала большій просторъ барскому произволу надъ его личностью, и надъ его имуществомъ: а въ случаѣ просрочки долга, крестьянинъ легко попадалъ въ еще худшее положеніе, приближавшее его къ зависимости „крѣпостного" человѣка, т. е. холопа, отъ своего господина. Наконецъ, злоупотребляя распространенностью подобнаго рода отношеній, послѣдній могъ попытаться поставить въ ту же зависимость и крестьянъ, юридически свободныхъ отъ нея.

Въ связи съ только-что указанными явленіями крестьянской жизни, стояли еще два процесса, вѣроятно, оказавшіе вліяніе на дальнѣйшую судьбу крестьянъ, а именно: „застарѣніе" ихъ въ имѣніяхъ, гдѣ они жили, и сближеніе между положеніемъ холоповъ и положеніемъ крестьянъ. Обоимъ процессамъ, кажется, слѣдуетъ придавать значеніе въ развитіи частнаго прикрѣпленія или закрѣпощенія крестьянъ: они подготовили превращеніе крестьянъ въ „крѣпостныхъ людей".

До сихъ поръ понятіе „старины" и ея роль въ бытовой исторіи крестьянства все еще очень мало выяснены [1]). Можно

---

[1]) Мнѣнія ученыхъ касательно значенія „старины" весьма различны: уже проф. Ѳ. И. Леонтовичъ замѣтилъ, что въ юго-западной Руси со второй половины XV в. старожильцы, „въ качествѣ стародавнихъ серебренниковъ стали получать значеніе людей непохожихъ..., потерявшихъ право выхода въ силу своихъ зависимыхъ отношеній къ землевладѣльцамъ" (*Ѳ. Леонтовичъ*, Крестьяне юго-западной Россіи, К., 1863 г., стр. 18—24); проф. В. О. Ключевскій указалъ на значеніе холопской старины и на аналогичную съ нею старину крестьянскую (*В. Ключевскій*, Происх. крѣпостного права въ Рус. Мысли 1885 г., № 8, стр. 21, 26—28 и № 10, стр. 38—44); проф. М. А. Дьяконовъ попытался выяснить нѣкоторые признаки старины, и какимъ образомъ крестьяне-старожильцы потеряли право выхода (*М. Дьяконовъ*, Очерки, стр. 16—30 и 21—51; ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 58—76 и *М. Дьяконовъ*, Заповѣдныя лѣта и старина въ Сборникѣ статей, посв. М. Ф. Владимірскому-Буданову, К., 1904 г., стр. 110—125; проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, уже въ 1886 году обратившій вниманіе на то, что старожильцы не имѣютъ свободы перехода, пришелъ къ заключенію, что „прикрѣпленіе возникаетъ лишь въ силу давности или старожильства крестьянъ на земляхъ извѣстнаго владѣльца" и что „старожильство какъ источникъ прикрѣпленія, существуетъ не на владѣльческихъ только земляхъ, но и на черныхъ волостныхъ" (*М. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, изд. 3, стр. 154 и 155). Въ противоположность всѣмъ вышеприведеннымъ мнѣніямъ проф. В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что смыслъ слова „старожильцы" „совершенно ясенъ: всякій, находящійся уже на мѣстѣ по отношенію къ новику будетъ старожилецъ" и что въ потерѣ крестьянами-старожильцами права перехода „старожильство не причемъ" (*В. Сергѣевичъ*, Др. рус. пр. III, 460 и 461).

думать, что подъ стариной прежде всего разумѣли нѣкоторую давность поселенія или жительства: старожильцами обыкновенно называли людей, жившихъ въ данной мѣстности, въ противоположность людямъ пришлымъ, новоселамъ. Съ такой точки зрѣнія хотя старина и могла, конечно, возникать помимо задолженности крестьянъ, однако, возникала, вѣроятно, чаще по отношенію къ тѣмъ именно крестьянамъ-должникамъ, которые фактически лишены были возможности выйти изъ даннаго имѣнія: но и вышедшіе старинные крестьяне возвращались иногда на „старыя“ ихъ печища или жеребья. Во всякомъ случаѣ, кромѣ давно поселившихся и живущихъ на мѣстѣ крестьянъ, старинными крестьянами называли лицъ, родившихся въ крестьянствѣ. Отдѣльные примѣры, когда дѣти крестьянъ признаются старинными крестьянами, можно привести изъ актовъ, составленныхъ задолго до 1646 года: въ одной изъ вотчинъ Троицкаго монастыря жилъ и пахалъ свой жребій крестьянинъ Лукьянъ Чудиновъ; сынъ его Иванъ Чудиновъ бѣжалъ изъ имѣнія: монастырю удалось вернуть бѣглеца, въ 1623 году: мѣстные крестьяне выдали монастырю поручную запись по этомъ „старинномъ троицкомъ крестьянинѣ“ въ томъ, что онъ, Иванъ Чудиновъ, будетъ по-прежнему „жить въ старинномъ отцовскомъ дворѣ“ и оброкъ платить монастырю. Крестьянъ, уже жившихъ въ томъ имѣніи, которое было пріобрѣтено новымъ его владѣльцемъ, тоже могли называть старинными. Въ 1577 году, напримѣръ, между Спасскимъ монастыремъ и прикащикомъ одного изъ дворцовыхъ селъ въ Ярославскомъ уѣздѣ возникъ споръ: дворцовый прикащикъ собирался выводить монастырскихъ крестьянъ въ царскую вотчину, а архимандритъ билъ челомъ государю, ссылаясь на то, что „крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ — старожильцы и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьянами“. Можно предполагать, что съ такой именно точки зрѣнія, опираясь, вѣроятно, и на писцовую или тяглую старину, землевладѣльцы совершали сдѣлки надъ имѣніями „со крестьяны“. Въ 1566 году, напримѣръ, Нелединскій заложилъ свое бѣжецкое сельцо Годунову подъ условіемъ: „владѣть ему, Годунову, тою вотчиною за ростъ два года со крестьяны“. Подобнаго рода взглядъ, можетъ быть, возникшій или развивавшійся подъ вліяніемъ старины, высказывается, конечно, и въ документахъ позднѣйшаго времени: одинъ землевладѣлецъ, завѣщая женѣ свои вотчины, писалъ, напримѣръ, въ своей духовной 1630 г.: „и тѣ мои вотчины послѣ живота моего женѣ моей съ людьми съ моими съ полными и докладными и со крестьянами и съ лошадьми и со всякою мелкою животною“ [1]).

---

[1]) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 4; в. II, № 27; въ моихъ

Для доказательства того, что данные крестьяне застарѣли, землевладѣльцу, конечно, удобнѣе всего было ссылаться на писцовыя книги; но при записи въ такія книги возникала „писцовая старина“, въ связи съ которой находилась и старина тяглая. Значеніе старины вообще и въ особенности послѣдней ея разновидности, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ одного изъ существенныхъ условій прикрѣпленія, кажется, признано было и правительственной политикой, касательно государственнаго прикрѣпленія крестьянъ (см. ниже).

Итакъ, съ точки зрѣнія „старины“ можно было связывать представленіе о данномъ имѣніи съ представленіемъ о его старожильцахъ, или просто даже о крестьянахъ, жившихъ въ немъ; но отсюда до признанія личной зависимости ихъ отъ господина было, конечно, еще далеко, тѣмъ болѣе, что законъ различалъ холопа отъ крестьянина. Въ жизни такое различіе, однако, стало сглаживаться, благодаря нѣсколькимъ явленіямъ въ исторіи холопства, имѣвшимъ значеніе и для послѣдующей судьбы владѣльческихъ крестьянъ: на ряду съ полнымъ холопствомъ въ XVI вѣкѣ опредѣляется переходное состояніе кабальныхъ холоповъ, а въ слѣдующемъ столѣтіи размножается классъ задворныхъ людей, по своимъ занятіямъ довольно близко стоявшихъ къ крестьянамъ.

Кабальный человѣкъ обязывался до срока займа служить „за ростъ“, „по вся дни“, во дворѣ господина. До появленія указовъ 1586-го и 1597 гг. онъ, по уплатѣ долга „въ срокъ“, имѣлъ право на свободу отъ „службы“ во дворѣ кредитора; но, при вышеуказанныхъ условіяхъ займа, кабальному человѣку было въ высшей степени затруднительно выйти изъ кабальной зависимости; поэтому онъ обыкновенно дѣлалъ въ служилой кабалѣ слѣдующую оговорку: „а полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ за ростъ у государя своего служити по вся дни“. Въ то время, однако, существовалъ обычай господъ, передъ смертью или по духовнымъ завѣщаніямъ, отпускать на волю нѣкоторыхъ изъ своихъ холоповъ, а въ томъ числѣ и кабальныхъ. Указы 1586 и 1597 гг. узаконили такой обычай: кабальный холопъ по своей кабалѣ долженъ былъ съ того времени служить своему господину по смерть его, но затѣмъ могъ сдѣлаться свободнымъ; наслѣдники кредитора не имѣли права даже „по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей деньги имати“. Въ указѣ 1597 года кабальные слуги, какъ видно, прямо называются холопами. Владѣльцы ихъ, вѣроятно, и до указа 1597 года старались про-

---

„разысканіяхъ“ (стр. 74) вкрались опечатки въ годѣ и нумерѣ этого акта; ср. еще А. Ю., № 20. Ср. Уложеніе, XI, 28.

водить такую точку зрѣнія и даже расширить ее: въ XVI вѣкѣ они во многихъ частныхъ случаяхъ обнаруживали стремленіе превратить кабальную зависимость, ограниченную смертью господина, въ наслѣдственную и перенести ее на потомство кабальнаго холопа: вообще они распоряжались, надо полагать, и безъ согласія кабальныхъ холоповъ, не только своими правами на нихъ, но и ихъ „головами“: такія же явленія происходили и въ XVII вѣкѣ [1]). Законъ, запрещавшій крестьянамъ поступать въ кабальные холопы, касался только крестьянъ тяглыхъ: среди тѣхъ „вольныхъ“ людей, которые писали на себя служилыя кабалы, по всей вѣроятности, бывали, однако, (по крайней мѣрѣ до общаго закона о прикрѣпленіи), крестьянскіе братья, дѣти и т. п., не записанные въ тягло, а въ дѣйствительности могли быть и крестьяне тяглые: на это намекаютъ статьи Уложенія 1649 г., запрещавшія землевладѣльцамъ брать (служилыя) кабалы на своихъ крестьянъ и дѣтей ихъ, а воеводамъ и приказнымъ людямъ давать кому бы то ни было кабалы на бѣглыхъ крестьянъ и на дѣтей крестьянскихъ. Такимъ образомъ, часть сельскаго населенія превращалась въ кабальныхъ холоповъ и попадала въ ту непосредственную и постоянную личную зависимость отъ господина, которой не знали крестьяне, жившіе своими дворами и особыми хозяйствами. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что кабальные холопы не всегда служили во дворѣ своихъ господъ: „люди страдные кабальные“ упоминаются уже въ актахъ середины XVI-го вѣка и въ позднѣйшее время [2]).

Подобное же фактическое смѣшеніе между холопами и крестьянами обнаружилось еще сильнѣе съ размноженіемъ людей, жившихъ за дворами своихъ господъ, вѣроятно, особыми хозяйствами, но едва-ли образовывавшихъ юридически обособленную группу населенія. Самый терминъ: „задворные люди“, кажется, складывается въ XVI вѣкѣ; во всякомъ случаѣ число задворныхъ людей, вѣроятно, подъ вліяніемъ развитія барщины, возрасло къ 1670-мъ годамъ: насколько можно судить по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, это возрастаніе особенно замѣтно въ такихъ черноземныхъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, Тульскій и Орлов-

---

[1]) Записныя книги крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв. въ Архивѣ историко-юрид. свѣдѣній, кн. II, пол. 1 и въ Р. И. Б. т. XVI; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 148 и сл. проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* полагаетъ, что кабальное холопство „возникаетъ по особому договору (кабалѣ) независимо отъ договора займа или личнаго найма“; см. Обзоръ, стр. 389 и 390—397. Уложенье называетъ деньги, взятыя кабальнымъ холопомъ у господина „жалованьемъ“ (Уложеніе, XX, 78).

[2]) Уложеніе XI, 32; XIX, 14; XX, 6 и 113; Сборникъ актовъ, собр. Н. Лихачевымъ, № 10; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 267.

скій, гдѣ въ позднѣйшее время преобладала барщина. Само собою разумѣется, что землевладѣльцы по своему усмотрѣнію сажали своихъ дворовыхъ людей въ задворные, образъ жизни которыхъ близко подходилъ къ крестьянскому; но въ число задворныхъ людей попадали и крестьянскія (или бобыльскія) дѣти, вѣроятно, рѣже сами крестьяне: въ Брянскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ деревнѣ Литвиновой, въ переписной книгѣ 1678 года, за смоленскимъ рейтаромъ, Д. Сорневымъ, значился дворъ задворнаго человѣка, который былъ „крѣпокъ ему по отказнымъ книгамъ и написанъ въ отказныхъ книгахъ во крестьянствѣ". Положеніе задворнаго человѣка было лучше положенія двороваго, но, конечно, хуже крестьянскаго: крестьянинъ, сидѣвшій на участкѣ пашни, наличность котораго обезпечивала и его налогоспособность, въ меньшей мѣрѣ зависѣлъ отъ произвола господина. Въ имѣніяхъ духовенства довольно аналогичное положеніе занимали „дѣтеныши" въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ ихъ пополнялся изъ сельскаго крѣпостнаго населенія [1]).

Фактическое положеніе нѣкоторыхъ видовъ холопства настолько мало отличалось отъ крестьянскаго, что землевладѣльцы уже въ XVII вѣкѣ часто брали людей изъ крестьянъ во дворъ и считали возможнымъ принимать къ себѣ людей или въ дворовые, или въ крестьяне послѣдовательно или альтернативно. Сдѣлки подобнаго рода заключались уже, можетъ быть, до Уложенія. Въ 1642 году, напр., къ ярославскому землевладѣльцу Волкову поступилъ въ крестьяне нѣкто Ивановъ: до того времени онъ былъ „человѣкомъ" Волкова (т. е. его холопомъ), затѣмъ взялъ у него ссуду и вмѣстѣ съ женою и дѣтьми обязался жить у него въ крестьянахъ, отправлять издѣлье и платить барскій доходъ, а также государевы подати: но, въ случаѣ выхода Иванова, Волковъ по записи получилъ право „взять на немъ ссуду и крестьянство". Аналогичныя сдѣлки, разумѣется, еще легче было заключать въ позднѣйшее время, когда исчезала разница между задворными людьми и крестьянами въ податномъ отношеніи.

Итакъ, въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка процессъ постепеннаго сближенія между положеніемъ холоповъ и положеніемъ крестьянъ ужъ обнаружился довольно ясно; онъ происходилъ подъ вліяніемъ бытовыхъ условій и помимо закона, но подготовлялъ смѣшеніе дворовыхъ людей съ владѣльческими крестьянами, послѣ нѣкоторыхъ колебаній признанное и закономъ.

Такому смѣшенію благопріятствовали, конечно, и безправное положеніе крестьянъ, и злоупотребленія со стороны ихъ вла-

---

[1]) *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 261—267; и 297—316.

дѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, важнѣйшія права крестьянъ долгое время скорѣе подразумѣвались закономъ, чѣмъ опредѣлялись въ немъ [1]). Благодаря шаткости общественнаго положенія поселянъ и другимъ условіямъ власть землевладѣльца надъ его крестьянами стала развиваться: она слагалась изстари и исподволь, вѣроятно, за долго до образованія крѣпостнаго права. Вотчинное право управленія и суда (обыкновенно за исключеніемъ дѣлъ объ убійствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ), извѣстно намъ по жалованнымъ грамотамъ отдѣльнымъ вотчинникамъ. Московскіе князья уже выдавали ихъ въ XIV вѣкѣ. Надо думать, что когда это право принадлежало „сильнымъ" людямъ, оно могло даже оказаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднымъ населенію, сидѣвшему на ихъ земляхъ: сохранились, однако, извѣстія и иного рода: вотчинники иногда „не пущали людей своихъ и крестьянъ тягатись" передъ судьей великокняжескимъ [2]). Такъ какъ законъ не подчинялъ опредѣленнымъ нормамъ вотчиннаго управленія и суда, то и барскій произволъ легко могъ обнаружиться въ нихъ: нѣкоторые памятники XVI-го вѣка свидѣтельствуютъ уже объ „истязаніяхъ бичемъ христіанъ, братій нашихъ". Итакъ, власть господина надъ его крестьянами могла переходить въ произволъ, который въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, оставался безнаказаннымъ. Если не нравственно-религіозное чувство, то, по крайней мѣрѣ собственный интересъ землевладѣльца могъ, конечно, сдерживать его въ извѣстныхъ границахъ, но установленіе ихъ зависѣло отъ множества случайностей. Впрочемъ, сами крестьяне иногда пытались оградить себя отъ злоупотребленій помѣщиковъ и включали соотвѣтствующія условія въ свои порядныя, или даже брали съ нихъ особыя записи; но число такихъ документовъ, насколько намъ извѣстно, ничтожно и они, разумѣется, не были въ состояніи охранить крестьянскія права, какъ не способна была оградить ихъ и крестьянская община.

---

[1]) *Н. Дебельскій*, Op. cit., стр. 204—205.

[2]) А. Э., т. I, № 46. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 10. *Н. Ланге*, Древнерусскіе смѣсные суды, М., 1882 г., стр. 64—111. Вотчинной юрисдикціи не подлежали, конечно, преступленія противъ вѣры и государственныя, а также иски холоповъ о свободѣ отъ холопства и пр. Въ уставной книгѣ разбойнаго приказа постановлено, однако, слѣдующее: если дворяне, приказные люди и дѣти боярскія приведутъ своихъ людей, крестьянъ или дворниковъ и скажутъ на нихъ разбой, воровство или подводы имянно, а языки на нихъ въ томъ не говорятъ, то распрашивать и пытать ихъ безъ обыска и безъ оговора и чинить указъ, кто до чего доведется (А. И., т. III, № 167, ст. 16). Ср. Уложеніе XXI, 79. *Г. Котошихинъ*, XI, 3 и 5. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., въ В. Е., 1871 г., № 1 стр. 21—22. Ср. выше, стр. 51, пр. 1.

Законъ того времени, однако, различалъ холоповъ отъ крестьянъ и только послѣднихъ признавалъ тяглыми; но правительственныя мѣры, постепенно уничтожившія свободу перехода для крестьянъ и, такимъ образомъ, установившія вѣчность крестьянской крѣпости, а также отсутствіе законодательныхъ нормъ, обезпечивающихъ важнѣйшія изъ остальныхъ крестьянскихъ правъ, способствовали развитію той власти, которая предоставлена была надъ ними землевладѣльцамъ: она отчасти даже получила покровительство закона и поддержку со стороны правительства; а стремленіе сохранить интересы фиска побудили его привлечь къ обложенію и нѣкоторые разряды холоповъ, благодаря чему разница, существовавшая между ними и крестьянами въ податномъ отношеніи, стала также сглаживаться.

Древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ правительственныхъ распоряженій, ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода относятся къ серединѣ XV-го вѣка и имѣютъ частный характеръ [1]). Въ то время бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ пожаловалъ игумена Ферапонтова монастыря и всю братью: „не велѣлъ имъ" отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебрениковъ пускати, а велѣлъ имъ отпускать серебрениковъ за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни"; почти въ то же время (1455—1462) великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицы-Сергіева монастыря: „котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому".

---

[1]) Мнѣнія ученыхъ о прикрѣпленіи различны: одни (Татищевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Бѣляевъ и г. Сергѣевичъ) полагаютъ, что прикрѣпленіе послѣдовало въ силу общаго указа, не дошедшаго до насъ, причемъ относятъ его къ 1591—1592 гг. (см. напримѣръ, *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 223; *И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 304; Лекціи по истор. рус. зак., М., 1879 г., стр. 553) или къ первымъ годамъ царствованія Ѳедора Ивановича (*И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 98; *В. Сергѣевичъ*, Юр. Др., I, 254); другіе думаютъ, что такого указа въ то время вѣроятно не появлялось, что прикрѣпленіе было вызвано цѣлымъ рядомъ общественныхъ условій, основывалось на писцовой старинѣ и т. п.; см. *М. Погодинъ*, Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? въ Рус. Бес., 1858 г., № 12; *I. Engelmann*, Die Leibeigenschaft in Russland, Dorp., 1884, а въ особенности *В. О. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи въ Рус. Мысли 1885 г., №№ 8 и 10 и *М. А. Дьяконовъ*, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1898 г. Работа г. Дьяконова, основанная отчасти на свѣжемъ архивномъ матеріалѣ, по мнѣнію г. Милюкова, „опровергаетъ взглядъ г. Сергѣевича и вноситъ поправки въ теорію проф. Ключевскаго" (*П. Милюковъ*, Крестьяне въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, XXXII, 679); полемика г. Сергѣевича (Юр. Др. I, 267—271 и III, 448—468) уже вызвала замѣчанія со стороны М. А. Дьяконова въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7.

Итакъ, древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ случаевъ ограниченія или даже запрещенія крестьянскаго выхода правительствомъ прямо относятся къ задолжавшимъ крестьянамъ (серебреникамъ) и къ крестьянамъ-старожильцамъ: крестьянская задолженность и старина оказали вліяніе на правительственныя распоряженія. Время, предшествующее Юрьеву дню осеннему и слѣдующее за нимъ, и въ другихъ граматахъ назначалось въ качествѣ срока для отказа крестьянъ, но общее постановленіе о такомъ срокѣ (за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ) появилось только въ Судебникѣ 1497 г. и повторено (съ нѣкоторыми дополненіями) въ Судебникѣ 1550 г. [1]). Съ того времени возникло нѣкоторое различіе между законнымъ выходомъ съ „отказомъ", т.-е. въ срокъ и съ уплатою установленныхъ „пошлинъ" отъ выхода незаконнаго: „бѣглые" крестьяне упоминаются, напримѣръ, въ документахъ 1580-хъ годовъ; но до позднѣйшаго времени само законодательство оставило этотъ терминъ безъ точнаго опредѣленія и даже не налагало на крестьянъ особаго наказанія за нарушеніе вышеуказанныхъ условій выхода.

Впрочемъ, къ концу XVI-го вѣка статья Судебника объ „отказѣ" уже потеряла прежнее значеніе: крестьяне большею частью лишены были возможности пользоваться ею: выходъ сталъ замѣняться „вывозомъ". При описи вотчины кн. Симеона Бекбулатовича, напримѣръ, оказалось, что за нѣсколько лѣтъ изъ 2217 крестьянъ разошлось 306 крестьянъ (13,7%), причемъ наибольшая часть ушедшихъ (188 чел. т.-е. 62%) была вывезена другими владѣльцами, иной разъ и безъ соблюденія условій, предписанныхъ закономъ. Подъ вліяніемъ возраставшей нужды въ рабочихъ, такой вывозъ, вѣроятно, часто производился состоятельными землевладѣльцами, переманивавшими къ себѣ крестьянъ и, разумѣется, долженъ былъ вызывать жалобы и иски со стороны прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Правительство, обремененное множествомъ такихъ исковъ, иногда сильно запаздывавшихъ, попыталось ограничить число ихъ: указомъ отъ 24 ноября 1597 года оно предписало давать судъ по искамъ о тѣхъ крестьянахъ, которые выбѣжали за пять лѣтъ до 7106-го года, т. е. до 1 сентября 1597 года, а по суду и сыску привозить ихъ назадъ, гдѣ кто жилъ; но если крестьянинъ бѣжалъ лѣтъ за шесть и больше до 1 сентября 1597 г., а владѣлецъ не билъ на него челомъ лѣтъ за шесть и больше до того же срока, то онъ терялъ право иска. Указъ 24 ноября 1597 г., кажется, прямо не формулировалъ, однако, правила о пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ на будущее

---

[1]) А. Э., т. I, № 48, 1. А. И., т. I, № 59. Ср. Пск. Суд. гр., см. 63, 76 и др. Судебникъ I, 57 и Судеб. II, 88. Акты и пр., соб. А. Юшковымъ, № 225.

время: но въ указѣ 1606 года, правительство уже ссылалось на „старый приговоръ“ о томъ, чтобы „суда на бѣглыхъ крестьянъ далѣе 5 лѣтъ не давати“ и составители наказа 1646 года толковали его въ такомъ именно смыслѣ [1]). Землевладѣльцы, въ особенности мелкіе, не могли однако, удовлетвориться и этимъ толкованіемъ: вѣдь крупному землевладѣльцу легко было въ теченіе пяти лѣтъ укрыть бѣглаго крестьянина въ какой-нибудь отдаленной вотчинѣ и, такимъ образомъ, прекратить возможность притязаній со стороны прежняго его владѣльца: въ 1645 году дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ били челомъ государю о томъ, что ихъ люди и крестьяне „выходятъ изъ-за нихъ, за сильныхъ людей“, а они де (челобитчики) по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ и въ... урочные годы (т.-е. въ сроки, установленные для давности исковъ) про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ“. Въ данномъ случаѣ служилые люди мѣтко указали и на тотъ аргументъ, который всего болѣе могъ подѣйствовать на московское правительство: со второй половины XVI-го вѣка оно принялось за организацію служилаго сословія и поверстало его землями: но для того, чтобы обезпечить его военную годность, нужно было удержать на его земляхъ и его крестьянъ, платившихъ доходы землевладѣльцамъ и подати казнѣ. Подъ вліяніемъ подобнаго рода соображеній, правительство стало на сторону мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ указѣ 1601 г. царь Борисъ даже явно обнаружилъ желаніе помочь низшимъ разрядамъ своихъ слугъ и разрѣшилъ дворянамъ, служившимъ „по выбору“, жильцамъ, „которые у государя“ и его сына, городовымъ дѣтямъ боярскимъ и другимъ мелкимъ чинамъ „возить межъ себя“ одного, двухъ крестьянъ въ традиціонный срокъ, запретивъ вывозъ ихъ крупнымъ землевладѣльцамъ: исключеніе было сдѣлано только въ пользу Московскаго уѣзда, въ который и изъ котораго отказывать крестьянъ было запрещено: то же предписаніе (впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями) было повторено и въ 1602-мъ году. Хотя указы 1601 и 1602 гг. были вызваны особаго рода условіями и дѣйствіе каждаго изъ нихъ было ограничено годовымъ срокомъ, однако, въ нихъ ясно отразилась та точка зрѣнія, съ которой правительство стало относиться къ прикрѣпленію крестьянъ: оно стремилось обезпечить имъ военную годность мелкихъ служилыхъ людей, по условіямъ быта и службы часто лишенныхъ возможности своевременно заботиться о возвращеніи тѣхъ крестьянъ, которые были записаны за ними: оно дѣлало прикрѣпленіе средствомъ государ-

---

[1]) А. И., т. I, № 221, III А. Э., т. II, № 40; т. IV, № 14. *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., № 10, стр. 3—7.

ственной обороны [1]). Впрочемъ, правительство было заинтересовано въ прикрѣпленіи и съ другой точки зрѣнія: прикрѣпленіе къ тяглу могло обезпечить и бо̀льшую исправность въ уплатѣ податей. Если для военно-служебныхъ цѣлей правительству, въ сущности, было довольно безразлично, кто сидѣлъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, холопы или крестьяне, и съ кѣмъ служилый человѣкъ являлся на войну, со своими ли „людьми" или съ крестьянами, то, во всякомъ случаѣ, такое же смѣшеніе въ финансовомъ отношеніи становилось убыточнымъ для казны: превращеніе крестьянина въ холопа, котораго господинъ могъ и не садить на пашню, вредно отзывалось на ея интересахъ; значитъ, правительству нужно было реагировать противъ частнаго закрѣпощенія. Кромѣ того ему выгодно было прикрѣпить каждаго крестьянина—плательщика къ своему тяглу; но такая точка зрѣнія допускала и отступленія: въ порядныя иногда включалось условіе, въ силу котораго порядчикъ выговаривалъ себѣ свободу выхода, если садилъ за себя новаго „платежнаго жильца" на свой участокъ [2]).

Итакъ, московское правительство, прикрѣпляя крестьянъ, имѣло въ виду, главнымъ образомъ, не сословныя тенденціи землевладѣльцевъ, а государственный интересъ, понимаемый имъ, правда, въ очень узкомъ, казенномъ смыслѣ слова. Крестьяне, лишенные свободы перехода, были обязаны служить землевладѣльцамъ, но и служилый классъ долженъ былъ служить государству. Въ своемъ имѣніи владѣлецъ вѣдалъ и судилъ подвластное ему сельское населеніе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ даже становился отвѣтственнымъ лицомъ передъ правительствомъ: случаи, когда землевладѣльцы принимали на себя уплату податей за своихъ крестьянъ, извѣстны, напримѣръ, изъ граматъ XV и XVI вв.; то же подтверждается и граматами XVII-го вѣка, и нѣкоторыми статьями Уложенія [3]).

---

[1]) А. Э., т. II, №№ 20, 23 и 24. Въ указѣ 7110 г. вступленіе вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія у изслѣдователей: выраженіе — „велѣли крестьянамъ давать выходъ", можетъ быть, только противополагается статьѣ, запрещающій выводъ крестьянъ „за" крупныхъ землевладѣльцевъ и изъ за нихъ въ 7110 г., притомъ срокъ выхода изъ мелкихъ имѣній слегка измѣненъ, сравнительно съ извѣстной статьей Судебника: вмѣсто за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ стоитъ: „возити Юрьевъ день осенняго, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли". Ср. Архивъ Н. Калачова 1859 г., III, кр., 13 и сл.

[2]) А. Ю., № 290, II и IV. *Н. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 156—157, 160. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., Прил., № 12; ср. стр. 12—15. Въ 1591—1594 гг., судя по бѣжецкимъ писцовымъ книгамъ, земля обрабатываемая холопами землевладѣльца, при извѣстныхъ условіяхъ уже обѣлялась; см. *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 266—269.

[3]) Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику отъ 1556-го года велѣно боярамъ, приказнымъ людямъ и дворянамъ накрѣпко приказать въ своихъ селахъ, чтобы ихъ люди и крестьяне въ обыскахъ не лгали; если же они сол-

Таковы главнѣйшіе мотивы и цѣли того прикрѣпленія, къ которому стремилось московское правительство XVII-го вѣка; гораздо менѣе ясно представляются намъ его основанія. До сихъ поръ можно только предполагать, что записка крестьянъ въ писцовыя книги, особенно въ писцовыя книги 1592—93 гг., могла оказать вліяніе и на прикрѣпленіе старинныхъ тяглецовъ; въ указѣ 1607 г. предписано тѣмъ крестьянамъ, которые за 15 лѣтъ до времени появленія указа „въ книгахъ 7101 (1592—93) г. положены, быть за тѣми, за кѣмъ они писаны", но изъ этого правила прямо исключены тѣ бѣглые, о которыхъ по 1 сентября челобитья не было; въ 1614 г. царь велѣлъ воеводамъ возвращать Іосифо-Волоколамскому монастырю тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ, которые по обыску накрѣпко всякими людьми окажутся „старинными той Іосифовы вотчины крестьянами". Судя по нѣсколько позднѣйшимъ свидѣтельствамъ памятниковъ, крестьяне часто возвращаются на прежнія мѣста жительства „по старинѣ и по писцовымъ книгамъ", а не „старинными" называются тѣ крестьяне, которые пришли въ данное имѣніе „послѣ писцовъ". Если признать за писцовыми книгами вышеуказанное значеніе, то и ссылка на нихъ въ документѣ 1607 года можетъ послужить новымъ признакомъ, характеризующимъ государственное прикрѣпленіе: правительство начинаетъ выражать мысль, что крестьянинъ долженъ жить „за" землевладѣльцемъ преимущественно на основаніи писцовыхъ книгъ, т. е. „оффиціальнаго документа общегосударственнаго характера".

Наконецъ, тотъ же оттѣнокъ замѣчается и въ установленіи наказанія за пріемъ бѣглаго; мысль о подобнаго рода санкціи, едва-ли усвоенная нашимъ законодательствомъ XVI-го вѣка, уже ясно выражена въ извѣстномъ документѣ 1607 года: здѣсь побѣгъ крестьянина разсматривается не только какъ гражданское правонарушеніе, преслѣдуемое судомъ по иску потерпѣвшаго, но и какъ нарушеніе общественнаго порядка: бѣглый крестьянинъ „отнынѣ" подлежитъ розыску и возврату и помимо иска со стороны землевладѣльца; исполненіе такихъ функцій поручается органамъ областной администраціи; виновный же, которымъ оказывается не бѣглый крестьянинъ, а принявшій его новый владѣлецъ—долженъ,

---

гутъ, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть въ великой опалѣ, а ихъ людямъ и крестьянамъ быть казненнымъ, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ (А. И. т. I, № 154, V, ст. 10 и 11). Возможно, что редакція вышеприведенной статьи неудачна и что бояре и проч. отвѣчаютъ только въ томъ случаѣ, если не сдѣлаютъ соотвѣтствующихъ приказаній своимъ людямъ и крестьянамъ; ср. А. Э. т. I, № 17 и др. Уложеніе, XI, 6, 10, и 21. *Б. Чичеринъ*, Ор., стр. 222. Случаи взиманія податей съ владѣльческихъ крестьянъ самимъ правительствомъ также извѣстны, см., напр., А. Э., т. III, № 115.

сверхъ вознагражденія потерпѣвшему, уплатить еще значительный денежный штрафъ въ пользу казны [1]).

Итакъ, документъ 1607 года содержитъ ясныя указанія на тѣ начала, которыя были положены въ основу государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Почти всѣ эти начала выражены и въ Уложеніи 1649 года: главная новость его (да и то, можетъ быть, не столько въ дѣйствительности, сколько въ исторіи законодательства) состояла въ распространеніи прикрѣпленія на всѣхъ поселянъ, „съ племянемъ вмѣстѣ". Въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ опредѣленіи срока давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, вообще постепенно возраставшаго, правительство, частью подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ мотивовъ, частью, вѣроятно, и по настоятельнымъ просьбамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „всѣхъ городовъ" рѣшилось отмѣнить „урочныя лѣта". Для этой цѣли должна была служить и перепись всѣхъ крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ, даже тѣхъ, которые выбѣжали изъ-за него въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ: „и по тѣмъ переписнымъ книгамъ (1646—1648 гг.), читаемъ мы въ указѣ о переписи 19 октября 1645 года, крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ". Такимъ образомъ, правительство уже въ 1645 г. выразило намѣреніе обнародовать извѣстную „государеву заповѣдь о томъ, чтобы никому за себя крестьянъ не пріимати"; она окончательно была утверждена въ соборномъ Уложеніи 1649 г.; одна изъ его статей заявляетъ, что „о томъ по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было". Вѣчная крѣпость крестьянская отнынѣ должна была распространяться не только на тяглыхъ крестьянъ и на бобылей, но и на „ихъ братью, дѣтей, и племянниковъ и внучатъ, съ женами и дѣтьми", записанныхъ главнымъ образомъ, въ писцовыя и переписныя книги [2]). Государственный характеръ прикрѣпленія въ

---

[1]) Судебникъ 1550 г. и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г., стр. 134—136; въ томъ же указѣ постановлено: „а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1-е число не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавать". А. Э., т. III, № 41. *В. Ключевскій*. Op. cit., Рус. Мысль 1885 г., № 10, стр. 14—15. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 31, 34—38. Въ пользу предположенія проф. В. О. Ключевскаго о достовѣрности указа 1607 года можно привести еще и то, что постановленія его о денежномъ штрафѣ и проч. встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ грамотъ, писанныхъ послѣ 1607 г. и до 1649 г.; см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 57 и сл. Ср. ниже стр. 80—81.

[2]) Извѣстны случаи, когда и до Уложенія дѣти крестьянъ и бобылей возвращались на старинныя ихъ отцовскія печища: см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 40—45. *С. Соловьевъ* И. Р., IV, 791. Половники на сѣверѣ и послѣ обнародованія Уложенія продолжали заключать порядныя на срокъ и переходить съ мѣста на мѣсто; крестьяне—„порядчики" въ тѣхъ же уѣздахъ обыкновенно заключали свои порядныя также на сроки, но болѣе продолжительные, чѣмъ половники; см. *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 271, 278; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 151—155, 163.

*

Уложеніи обнаружился еще яснѣе, чѣмъ въ указѣ 1607 года. Уложеніе признало значеніе писцовыхъ и переписныхъ книгъ для прикрѣпленія. Помимо порядныхъ, которыя продолжали заключаться и послѣ 1649 года, оно сверхъ того установило и новый способъ поступленія въ крестьяне „для вольныхъ людей"; по предварительномъ распросѣ, дѣйствительно ли они вольные, такіе люди записывались въ помѣстномъ приказѣ, а затѣмъ „отдавались" въ крестьянство новымъ своимъ владѣльцамъ и становились вѣчно крѣпкими имъ. Наконецъ, Уложеніе опредѣлило и цѣлый рядъ наказаній, падающихъ на того, кто приметъ бѣглаго крестьянина и кто будетъ укрывать его отъ законнаго его владѣльца. Государственный характеръ прикрѣпленія выражается и въ томъ, что, уничтожая право выхода, Уложеніе продолжало различать крѣпость холопью отъ крестьянской; оно запретило крестьянамъ давать на себя служилыя кабалы кому-бы то ни было и упоминаетъ о нѣкоторыхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ владѣльческаго крестьянина [1]): оно сохранило за нимъ возможность самому искать или отвѣчать въ дѣлахъ граж-

---

[1]) А. Э., IV, № 14 Уложеніе XI, особенно 1—3, 5, 9, 11, 20, 21, 24; XX, 5 и 113. Казанцы должны были записываться не въ Помѣстномъ приказѣ, а въ Казани; Новгородцы (съ пригородами)—въ Новгородѣ, Псковичи (съ пригородами)—въ Псковѣ. Ср. еще выше, стр. 46 и Уложеніе XX, 27. Г. Дьяконовъ замѣтилъ, что и послѣ изданія Уложенія московское правительство „вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ", но урочные годы, извѣстные намъ изъ отдѣльныхъ указовъ, были уже гораздо менѣе выгодны для землевладѣльцевъ. (Op. cit., стр. 63—66). Уложеніе приняло во вниманіе писцовыя книги 7134 г. (1625—1626 гг.) и 7154—7155 гг. (въ сущности 1646—1648 гг.): бѣглые крестьяне и бобыли, записанные за владѣльцемъ въ писцовыхъ книгахъ 7134 г. „отдавались" имъ по суду и по сыску, по этимъ книгамъ безъ урочныхъ лѣтъ; та же участь постигла крестьянскихъ и бобыльскихъ женъ и дѣтей; послѣднихъ велѣно отдавать на томъ основаніи, что отцы ихъ записаны въ книги 7134 года; такое же значеніе могли имѣть отдѣльныя или отказныя книги, составленныя послѣ писцовыхъ книгъ 7134 года. По переписнымъ книгамъ 7154 и 7155 гг. отдавались тѣ крестьяне и бобыли, отцы которыхъ такъ же, какъ и сами они, еще не были внесены въ списки 7134 г., но уже были упомянуты въ спискахъ 7154—7155 гг.; по книгамъ этихъ же годовъ (7154 и 7155 гг.) отдавались и ихъ „братья, дѣти, племянники и внучата съ женами и съ дѣтьми"... Слѣдовательно, если только не приписывать нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ отличій несовершенствамъ редакціи соотвѣтствующихъ статей Уложенія (XI, 2, 3, 5, 9—11), при прикрѣпленіи переписныя книги дополняли предшествующія (начиная съ писцовыхъ книгъ 7134 г.) свѣдѣніями: 1) касательно крестьянъ и бобылей, записанныхъ только въ 7154 или 7155 гг.; 2) касательно ихъ „братьи, племянниковъ и внучатъ съ женами и дѣтьми".—По Уложенію (XI, 15) бѣглая вдова, вышедшая вторично замужъ въ бѣгахъ за крестьянина или за кабальнаго человѣка, возвращается съ мужемъ прежнему ея владѣльцу на основаніи не только вышеназванныхъ книгъ, но и „выписей и иныхъ какихъ крѣпостей". Въ граматѣ новгородскому воеводѣ кн. И. Рѣпнину 1664 года велѣно отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ

данскихъ и установило плату за его безчестье и увѣчье; оно также признало за нимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право вступать въ имущественныя обязательства даже съ собственнымъ своимъ господиномъ и казною [1]). Нѣкоторыя изъ ограниченій крестьянскихъ правъ, находящіяся въ Уложеніи, были, повидимому, также сдѣланы преимущественно съ казенной точки зрѣнія: сюда можно отнести, напримѣръ, помимо уничтоженія урочныхъ лѣтъ, запрещеніе крестьянамъ, жившимъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, владѣть городскими дворами, а также лавками и совершать сдѣлки на эти имущества: согласно съ началами государственнаго прикрѣпленія, крестьяне были лишены и права вступать въ нѣкоторыя обязательства, а именно давать на себя жилыя и судныя записи и служилыя кабалы [2]).

Одновременно съ вышеприведенными постановленіями, въ Уложеніи, однако, можно усмотрѣть и иное теченіе, благопріятствовавшее послѣдующему развитію крѣпостного права, а не государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Уже нѣсколько замѣтное въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, оно рѣзче обозначилось въ Уложеніи: здѣсь, напримѣръ, нѣтъ статьи, гдѣ опредѣлялась бы юридическая сущность того отношенія, въ которомъ крестьяне должны были находиться къ владѣльцамъ: благодаря такому пробѣлу, они могли развивать свою власть. Личность крестьянина слишкомъ мало обезпечена въ Уложеніи: оно не устанавливаетъ наказанія господину за неумышленное убійство своего крестьянина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть: и, напротивъ, оно прямо признаетъ обычай, въ силу котораго владѣльцы могли въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ искать и отвѣчать за своихъ „пашенныхъ" крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ убійства, разбоя, а также татьбы и, значитъ, въ случаяхъ подобнаго рода, допускаетъ отстраненіе крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе оставляетъ почти безъ всякой нормировки и имущественныя отношенія крестьянина къ владѣльцу, размѣры его земельнаго участка, а также повинностей (за исключеніемъ развѣ постановленія не работать въ воскресные и праздниц-

---

владѣльцамъ „по крѣпостямъ, по переписнымъ книгамъ 161 году" (П. С. З. т. I, № 364). Уложеніе между прочимъ ссылается и на то, что „изъ помѣстей помѣщикамъ крестьянъ (записанныхъ за ними въ „писцовыя книги") на волю отпускать не указано" (Ул., XV, 3). О различіи между холопами и крестьянами по Уложенію см. *К. Побѣдоносцевъ*, Историческія изслѣдованія и статьи, Спб., 1876 г., стр. 47—57. Ср. еще П. С. З., т. VI, № 3743, п. 1.

[1]) Уложеніе, X, 124: ср. 159, 162; XI, 23 и 32: XVII, 23: XIX, 16 и 17. Новоторг. уст., ст. 91 (П. С. З., т. I, № 408); см. еще *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 106, 109—116.

[2]) Уложеніе, XI, 23 и 32; XIX, 45. Ср. А. Э., т. IV, № 39.

ные дни) и платежей въ пользу землевладѣльца; тотъ же сводъ содержитъ статьи, игнорирующія существованіе у крестьянъ своей собственности, и повелѣваетъ, напримѣръ, отдавать по оцѣнкѣ дворы и животы должниковъ, которымъ „откупиться нечѣмъ“, въ истцовъ искъ, или править истцовъ искъ „въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людяхъ ихъ и на крестьянѣхъ“. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что Уложеніе постановляетъ „опричь великихъ дѣлъ (здоровья государя и измѣны) ни въ какихъ дѣлѣхъ“ крестьянамъ-извѣтчикамъ „не вѣрить“, а между тѣмъ, въ числѣ такихъ извѣтовъ могли быть и доносы ихъ на злоупотребленія господъ [1]).

Дѣйствительная жизнь, разумѣется, опережала законъ: землевладѣльцу тѣмъ легче было расширять и усиливать надъ крестьянами власть, сущность которой оставалась безъ опредѣленія въ законѣ, чѣмъ труднѣе становилось его подданному ускользнуть изъ подъ ея давленія. Послѣ отмѣны урочныхъ лѣтъ крестьянинъ-старожилецъ былъ лишенъ права выхода, а крестьянинъ новопорядчикъ въ своей порядной обязывался жить за землевладѣльцемъ „вѣчно“ и „безвыходно“; притомъ онъ часто, взамѣнъ порядной, писалъ „ссудную“, по которой онъ также признавалъ себя вѣчно крѣпкимъ своему господину и въ которой рѣчи нѣтъ объ арендѣ земли [2]); вѣчно ему крѣпкій и по оффиціальнымъ документамъ, онъ былъ лишенъ права разорвать свою крѣпость; онъ могъ только временно отлучаться изъ имѣнія, да и то, вѣроятно, заявивъ объ этомъ владѣльцу [3]). Въ противномъ случаѣ онъ становился „бѣглымъ“; а за пріемъ бѣглаго чужого крестьянина вотчинники и помѣщики подвергались строгимъ наказаніямъ, установленнымъ

---

[1]) А. И., т. III, 92 (стр. 101 и 111—112). Уложеніе, II, 13; X, 94, 141, 126 и 226; XI, 32; XIII, 7; XIX, 17. П. С. З., т. I, № 412, гл. II, ст. 7. Уложеніе предоставляетъ „рабѣ“ право жаловаться на владѣльца лишь въ томъ случаѣ, „когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою“ (XX, 80); надо полагать, что та же статья могла примѣняться и къ крестьянамъ; ср. еще *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 3, 47, 49, 57, 74 *Н. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 470.

[2]) Въ одной порядной 1619 года порядчикъ пишетъ: „а съ Софѣйские вотчины... [мнѣ] никуды за волость не сойти и не сбѣжать, а сойду я изъ Софѣйские вотчины или збегу безъ государева указу и безъ митрополичья вѣдома, и гдѣ меня свѣдаютъ и митрополичьимъ приказнымъ волно меня взяти и вывесть въ Софейскую вотчину“... Аналогичныя условія есть и въ другихъ порядныхъ 1620 годовъ (*Н. Дебольскій*, Op. cit., Прил., стр. 433—440). Въ одной жилецкой записи 1627 г. крестьяне Михѣевы писали, что они „крѣпки“ своему господину, Чиркину, „въ его помѣсьѣ на тое деревнѣ, гдѣ онъ ихъ посадитъ“; такія же выраженія встрѣчаются и во многихъ порядныхъ того времени еще до 1646 г. (Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 22, 25, 26, 28, 31). Уложеніе XI, 32.

[3]) *Н. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 95—100; ср. 101. Судебникъ и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г. стр. 134—136 (указъ 1607 г. марта 9-го).

дѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, важнѣйшія права крестьянъ долгое время скорѣе подразумѣвались закономъ, чѣмъ опредѣлялись имъ [1]). Благодаря шаткости общественнаго положенія поселянъ и другимъ условіямъ власть землевладѣльца надъ его крестьянами стала развиваться: она слагалась изстари и исподволь, вѣроятно, за долго до образованія крѣпостнаго права. Вотчинное право управленія и суда (обыкновенно за исключеніемъ дѣлъ объ убійствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ), извѣстно намъ по жалованнымъ грамотамъ отдѣльнымъ вотчинникамъ. Московскіе князья уже выдавали ихъ въ XIV вѣкѣ. Надо думать, что когда это право принадлежало „сильнымъ" людямъ, оно могло даже оказаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднымъ населенію, сидѣвшему на ихъ земляхъ: сохранились, однако, извѣстія и иного рода: вотчинники иногда „не пущали людей своихъ и крестьянъ тягатись" передъ судьей великокняжескимъ [2]). Такъ какъ законъ не подчинялъ опредѣленнымъ нормамъ вотчиннаго управленія и суда, то и барскій произволъ легко могъ обнаружиться въ нихъ: нѣкоторые памятники XVI-го вѣка свидѣтельствуютъ уже объ „истязаніяхъ бичемъ христіанъ, братій нашихъ". Итакъ, власть господина надъ его крестьянами могла переходить въ произволъ, который въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, оставался безнаказаннымъ. Если не нравственно-религіозное чувство, то, по крайней мѣрѣ собственный интересъ землевладѣльца могъ, конечно, сдерживать его въ извѣстныхъ границахъ, но установленіе ихъ зависѣло отъ множества случайностей. Впрочемъ, сами крестьяне иногда пытались оградить себя отъ злоупотребленій помѣщиковъ и включали соотвѣтствующія условія въ свои порядныя, или даже брали съ нихъ особыя записи; но число такихъ документовъ, насколько намъ извѣстно, ничтожно и они, разумѣется, не были въ состояніи охранить крестьянскія права, какъ не способна была оградить ихъ и крестьянская община.

---

[1]) *Н. Дебельскій*, Op. cit., стр. 204—205.

[2]) А. Э., т. I, № 46. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 10. *Н. Ланге*, Древнерусскіе смѣсные суды, М., 1882 г., стр. 64—111. Вотчинной юрисдикціи не подлежали, конечно, преступленія противъ вѣры и государственныя, а также иски холоповъ о свободѣ отъ холопства и пр. Въ уставной книгѣ разбойнаго приказа постановлено, однако, слѣдующее: если дворяне, приказные люди и дѣти боярскія приведутъ своихъ людей, крестьянъ или дворниковъ и скажутъ на нихъ разбой, воровство или подводы имянно, а языки на нихъ въ томъ не говорятъ, то распрашивать и пытать ихъ безъ обыска и безъ оговора и чинить указъ, кто до чего доведется (А. И., т. III, № 167, ст. 16). Ср. Уложеніе XXI, 79. *Г. Котошихинъ*, XI, 3 и 5. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., въ В. Е., 1871 г., № 1 стр. 21—22. Ср. выше, стр. 51, пр. 1.

Законъ того времени, однако, различалъ холоповъ отъ крестьянъ и только послѣднихъ признавалъ тяглыми; но правительственныя мѣры, постепенно уничтожившія свободу перехода для крестьянъ и, такимъ образомъ, установившія вѣчность крестьянской крѣпости, а также отсутствіе законодательныхъ нормъ, обезпечивающихъ важнѣйшія изъ остальныхъ крестьянскихъ правъ, способствовали развитію той власти, которая предоставлена была надъ ними землевладѣльцамъ: она отчасти даже получила покровительство закона и поддержку со стороны правительства: а стремленіе сохранить интересы фиска побудили его привлечь къ обложенію и нѣкоторые разряды холоповъ, благодаря чему разница, существовавшая между ними и крестьянами въ податномъ отношеніи, стала также сглаживаться.

Древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ правительственныхъ распоряженій, ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода относятся къ серединѣ XV-го вѣка и имѣютъ частный характеръ [1]). Въ то время бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ пожаловалъ игумена Ферапонтова монастыря и всю братью: „не велѣть имъ" отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебренниковъ пускати, а велѣлъ имъ отпускать серебренниковъ за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни"; почти въ то же время (1455—1462) великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицы-Сергіева монастыря: „котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому".

---

[1]) Мнѣнія ученыхъ о прикрѣпленіи различны: одни (Татищевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Бѣляевъ и г. Сергѣевичъ) полагаютъ, что прикрѣпленіе послѣдовало въ силу общаго указа, не дошедшаго до насъ, причемъ относятъ его къ 1591—1592 гг. (см. напримѣръ, *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 223; *И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 304; Лекціи по истор. рус. зак., М., 1879 г., стр. 553) или къ первымъ годамъ царствованія Ѳедора Ивановича (*И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 98; *В. Сергѣевичъ*, Юр. Др., I, 254); другіе думаютъ, что такого указа въ то время вѣроятно не появлялось, что прикрѣпленіе было вызвано цѣлымъ рядомъ общественныхъ условій, основывалось на писцовой старинѣ и т. п.; см. *М. Погодинъ*, Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? въ Рус. Бес., 1858 г., № 12; *I. Engelmann*, Die Leibeigenschaft in Russland, Dorp., 1884, а въ особенности *В. О. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи въ Рус. Мысли 1885 г., №№ 8 и 10 и *М. А. Дьяконовъ*, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1898 г. Работа г. Дьяконова, основанная отчасти на свѣжемъ архивномъ матеріалѣ, по мнѣнію г. Милюкова, „опровергаетъ взглядъ г. Сергѣевича и вноситъ поправки въ теорію проф. Ключевскаго" (*П. Милюковъ*, Крестьяне въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, XXXII, 679); полемика г. Сергѣевича (Юр. Др. I, 267—271 и III, 448—468) уже вызвала замѣчанія со стороны М. А. Дьяконова въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7.

Итакъ, древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ случаевъ ограниченія или даже запрещенія крестьянскаго выхода правительствомъ прямо относятся къ задолжавшимъ крестьянамъ (серебреникамъ) и къ крестьянамъ-старожильцамъ: крестьянская задолженность и старина оказали вліяніе на правительственныя распоряженія. Время, предшествующее Юрьеву дню осеннему и слѣдующее за нимъ, и въ другихъ граматахъ назначалось въ качествѣ срока для отказа крестьянъ, но общее постановленіе о такомъ срокѣ (за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ) появилось только въ Судебникѣ 1497 г. и повторено (съ нѣкоторыми дополненіями) въ Судебникѣ 1550 г. [1]). Съ того времени возникло нѣкоторое различіе между законнымъ выходомъ съ „отказомъ", т.-е. въ срокъ и съ уплатою установленныхъ „пошлинъ" отъ выхода незаконнаго: „бѣглые" крестьяне упоминаются, напримѣръ, въ документахъ 1580-хъ годовъ; но до позднѣйшаго времени само законодательство оставило этотъ терминъ безъ точнаго опредѣленія и даже не налагало на крестьянъ особаго наказанія за нарушеніе вышеуказанныхъ условій выхода.

Впрочемъ, къ концу XVI-го вѣка статья Судебника объ „отказѣ" уже потеряла прежнее значеніе: крестьяне большею частью лишены были возможности пользоваться ею; выходъ сталъ замѣняться „вывозомъ". При описи вотчины кн. Симеона Бекбулатовича, напримѣръ, оказалось, что за нѣсколько лѣтъ изъ 2217 крестьянъ разошлось 306 крестьянъ (13,7%), причемъ наибольшая часть ушедшихъ (188 чел. т.-е. 62%) была вывезена другими владѣльцами, иной разъ и безъ соблюденія условій, предписанныхъ закономъ. Подъ вліяніемъ возраставшей нужды въ рабочихъ, такой вывозъ, вѣроятно, часто производился состоятельными землевладѣльцами, переманивавшими къ себѣ крестьянъ и, разумѣется, долженъ былъ вызывать жалобы и иски со стороны прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Правительство, обремененное множествомъ такихъ исковъ, иногда сильно запаздывавшихъ, попыталось ограничить число ихъ: указомъ отъ 24 ноября 1597 года оно предписало давать судъ по искамъ о тѣхъ крестьянахъ, которые выбѣжали за пять лѣтъ до 7106-го года, т. е. до 1 сентября 1597 года, а по суду и сыску привозить ихъ назадъ, гдѣ кто жилъ; но если крестьянинъ бѣжалъ лѣтъ за шесть и больше до 1 сентября 1597 г., а владѣлецъ не билъ на него челомъ лѣтъ за шесть и больше до того же срока, то онъ терялъ право иска. Указъ 24 ноября 1597 г., кажется, прямо не формулировалъ, однако, правила о пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ на будущее

---

[1]) А. Э., т. I, № 48, 1. А. И., т. I, № 59. Ср. Пск. Суд. гр., см. 63, 76 и др. Судебникъ I, 57 и Судеб. II, 88. Акты и пр., соб. А. Юшковымъ, № 225.

время: но въ указѣ 1606 года, правительство уже ссылалось на „старый приговоръ“ о томъ, чтобы „суда на бѣглыхъ крестьянъ далѣе 5 лѣтъ не давати“ и составители наказа 1646 года толковали его въ такомъ именно смыслѣ [1]). Землевладѣльцы, въ особенности мелкіе, не могли однако, удовлетвориться и этимъ толкованіемъ: вѣдь крупному землевладѣльцу легко было въ теченіе пяти лѣтъ укрыть бѣглаго крестьянина въ какой-нибудь отдаленной вотчинѣ и, такимъ образомъ, прекратить возможность притязаній со стороны прежняго его владѣльца: въ 1645 году дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ били челомъ государю о томъ, что ихъ люди и крестьяне „выходятъ изъ-за нихъ, за сильныхъ людей“, а они де (челобитчики) по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ и въ... урочные годы (т.-е. въ сроки, установленные для давности исковъ) про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ“. Въ данномъ случаѣ служилые люди мѣтко указали и на тотъ аргументъ, который всего болѣе могъ подѣйствовать на московское правительство: со второй половины XVI-го вѣка оно принялось за организацію служилаго сословія и поверстало его землями: но для того, чтобы обезпечить его военную годность, нужно было удержать на его земляхъ и его крестьянъ, платившихъ доходы землевладѣльцамъ и подати казнѣ. Подъ вліяніемъ подобнаго рода соображеній, правительство стало на сторону мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ указѣ 1601 г. царь Борисъ даже явно обнаружилъ желаніе помочь низшимъ разрядамъ своихъ слугъ и разрѣшилъ дворянамъ, служившимъ „по выбору“, жильцамъ, „которые у государя“ и его сына, городовымъ дѣтямъ боярскимъ и другимъ мелкимъ чинамъ „возить межъ себя“ одного, двухъ крестьянъ въ традиціонный срокъ, запретивъ вывозъ ихъ крупнымъ землевладѣльцамъ; исключеніе было сдѣлано только въ пользу Московскаго уѣзда, въ который и изъ котораго отказывать крестьянъ было запрещено: то же предписаніе (впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями) было повторено и въ 1602-мъ году. Хотя указы 1601 и 1602 гг. были вызваны особаго рода условіями и дѣйствіе каждаго изъ нихъ было ограничено годовымъ срокомъ, однако, въ нихъ ясно отразилась та точка зрѣнія, съ которой правительство стало относиться къ прикрѣпленію крестьянъ: оно стремилось обезпечить имъ военную годность мелкихъ служилыхъ людей, по условіямъ быта и службы часто лишенныхъ возможности своевременно заботиться о возвращеніи тѣхъ крестьянъ, которые были записаны за ними; оно дѣлало прикрѣпленіе средствомъ государ-

---

[1]) А. И., т. I, № 221, III А. Э., т. II, № 40; т. IV, № 14. *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., № 10, стр. 3—7.

ственной обороны [1]). Впрочемъ, правительство было заинтересовано въ прикрѣпленіи и съ другой точки зрѣнія: прикрѣпленіе къ тяглу могло обезпечить и бо́льшую исправность въ уплатѣ податей. Если для военно-служебныхъ цѣлей правительству, въ сущности, было довольно безразлично, кто сидѣлъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, холопы или крестьяне, и съ кѣмъ служилый человѣкъ являлся на войну, со своими ли „людьми" или съ крестьянами, то, во всякомъ случаѣ, такое же смѣшеніе въ финансовомъ отношеніи становилось убыточнымъ для казны: превращеніе крестьянина въ холопа, котораго господинъ могъ и не садить на пашню, вредно отзывалось на ея интересахъ; значитъ, правительству нужно было реагировать противъ частнаго закрѣпощенія. Кромѣ того ему выгодно было прикрѣпить каждаго крестьянина—плательщика къ своему тяглу; но такая точка зрѣнія допускала и отступленія: въ порядныя иногда включалось условіе, въ силу котораго порядчикъ выговаривалъ себѣ свободу выхода, если садилъ за себя новаго „платежнаго жильца" на свой участокъ [2]).

Итакъ, московское правительство, прикрѣпляя крестьянъ, имѣло въ виду, главнымъ образомъ, не сословныя тенденціи землевладѣльцевъ, а государственный интересъ, понимаемый имъ, правда, въ очень узкомъ, казенномъ смыслѣ слова. Крестьяне, лишенные свободы перехода, были обязаны служить землевладѣльцамъ, но и служилый классъ долженъ былъ служить государству. Въ своемъ имѣніи владѣлецъ вѣдалъ и судилъ подвластное ему сельское населеніе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ даже становился отвѣтственнымъ лицомъ передъ правительствомъ: случаи, когда землевладѣльцы принимали на себя уплату податей за своихъ крестьянъ, извѣстны, напримѣръ, изъ граматъ XV и XVI вв.: то же подтверждается и граматами XVII-го вѣка, и нѣкоторыми статьями Уложенія [3]).

---

[1]) А. Э., т. II, №№ 20, 23 и 24. Въ указѣ 7110 г. вступленіе вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія у изслѣдователей: выраженіе — „велѣли крестьянамъ давать выходъ", можетъ быть, только противополагается статьѣ, запрещающій выводъ крестьянъ „за" крупныхъ землевладѣльцевъ и изъ за нихъ въ 7110 г., притомъ срокъ выхода изъ мелкихъ имѣній слегка измѣненъ, сравнительно съ извѣстной статьей Судебника: вмѣсто за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ стоитъ: „возити Юрьевъ день осенняго, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли". Ср. Архивъ Н. Калачова 1859 г., III, кр., 13 и сл.

[2]) А. Ю., № 290, II и IV. *Н. Бѣляевъ*. Op. cit., стр. 156—157, 160. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., Прил. № 12; ср. стр. 12—15. Въ 1591—1594 гг., судя по бѣжецкимъ писцовымъ книгамъ, „земля обрабатываемая холопами землевладѣльца, при извѣстныхъ условіяхъ уже обѣлялась; см. *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 266—269.

[3]) Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику отъ 1556-го года велѣно боярамъ, приказнымъ людямъ и дворянамъ накрѣпко приказать въ своихъ селахъ, чтобы ихъ люди и крестьяне въ обыскахъ не лгали; если же они сол-

Таковы главнѣйшіе мотивы и цѣли того прикрѣпленія, къ которому стремилось московское правительство XVII-го вѣка; гораздо менѣе ясно представляются намъ его основанія. До сихъ поръ можно только предполагать, что записка крестьянъ въ писцовыя книги, особенно въ писцовыя книги 1592—93 гг., могла оказать вліяніе и на прикрѣпленіе старинныхъ тяглецовъ; въ указѣ 1607 г. предписано тѣмъ крестьянамъ, которые за 15 лѣтъ до времени появленія указа „въ книгахъ 7101 (1592—93) г. положены, быть за тѣми, за кѣмъ они писаны", но изъ этого правила прямо исключены тѣ бѣглые, о которыхъ по 1 сентября челобитья не было; въ 1614 г. царь велѣлъ воеводамъ возвращать Іосифо-Волоколамскому монастырю тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ, которые по обыску накрѣпко всякими людьми окажутся „старинными той Іосифовы вотчины крестьянами". Судя по нѣсколько позднѣйшимъ свидѣтельствамъ памятниковъ, крестьяне часто возвращаются на прежнія мѣста жительства „по старинѣ и по писцовымъ книгамъ", а не „старинными" называются тѣ крестьяне, которые пришли въ данное имѣніе „послѣ писцовъ". Если признать за писцовыми книгами вышеуказанное значеніе, то и ссылка на нихъ въ документѣ 1607 года можетъ послужить новымъ признакомъ, характеризующимъ государственное прикрѣпленіе: правительство начинаетъ выражать мысль, что крестьянинъ долженъ жить „за" землевладѣльцемъ преимущественно на основаніи писцовыхъ книгъ, т. е. „оффиціальнаго документа общегосударственнаго характера".

Наконецъ, тотъ же оттѣнокъ замѣчается и въ установленіи наказанія за пріемъ бѣглаго; мысль о подобнаго рода санкціи, едва-ли усвоенная нашимъ законодательствомъ XVI-го вѣка, уже ясно выражена въ извѣстномъ документѣ 1607 года: здѣсь побѣгъ крестьянина разсматривается не только какъ гражданское правонарушеніе, преслѣдуемое судомъ по иску потерпѣвшаго, но и какъ нарушеніе общественнаго порядка: бѣглый крестьянинъ „отнынѣ" подлежитъ розыску и возврату и помимо иска со стороны землевладѣльца; исполненіе такихъ функцій поручается органамъ областной администраціи; виновный же, которымъ оказывается не бѣглый крестьянинъ, а принявшій его новый владѣлецъ—долженъ,

---

гутъ, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть въ великой опалѣ, а ихъ людямъ и крестьянамъ быть казненнымъ, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ (А. И. т. I, № 154. V, ст. 10 и 11). Возможно, что редакція вышеприведенной статьи неудачна и что бояре и проч. отвѣчаютъ только въ томъ случаѣ, если не сдѣлаютъ соотвѣтствующихъ приказаній своимъ людямъ и крестьянамъ; ср. А. Э. т. I, № 17 и др. Уложеніе, XI, 6, 10, и 21. *Б. Чичеринъ*, Ор., стр. 222. Случаи взиманія податей съ владѣльческихъ крестьянъ самимъ правительствомъ также извѣстны, см., напр., А. Э., т. III, № 115.

сверхъ вознагражденія потерпѣвшему, уплатить еще значительный денежный штрафъ въ пользу казны [1]).

Итакъ, документъ 1607 года содержитъ ясныя указанія на тѣ начала, которыя были положены въ основу государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Почти всѣ эти начала выражены и въ Уложеніи 1649 года: главная новость его (да и то, можетъ быть, не столько въ дѣйствительности, сколько въ исторіи законодательства) состояла въ распространеніи прикрѣпленія на всѣхъ поселянъ, „съ племянемъ вмѣстѣ". Въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ опредѣленіи срока давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, вообще постепенно возраставшаго, правительство, частью подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ мотивовъ, частью, вѣроятно, и по настоятельнымъ просьбамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „всѣхъ городовъ" рѣшилось отмѣнить „урочныя лѣта". Для этой цѣли должна была служить и перепись всѣхъ крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ, даже тѣхъ, которые выбѣжали изъ-за него въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ: „и по тѣмъ переписнымъ книгамъ (1646—1648 гг.), читаемъ мы въ указѣ о переписи 19 октября 1645 года, крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ". Такимъ образомъ, правительство уже въ 1645 г. выразило намѣреніе обнародовать извѣстную „государеву заповѣдь о томъ, чтобы никому за себя крестьянъ не пріимати"; она окончательно была утверждена въ соборномъ Уложеніи 1649 г.; одна изъ его статей заявляетъ, что „о томъ по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было". Вѣчная крѣпость крестьянская отнынѣ должна была распространяться не только на тяглыхъ крестьянъ и на бобылей, но и на „ихъ братью, дѣтей, и племянниковъ и внучатъ, съ женами и дѣтьми", записанныхъ главнымъ образомъ, въ писцовыя и переписныя книги [2]). Государственный характеръ прикрѣпленія въ

---

[1]) Судебникъ 1550 г. и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г., стр. 134—136: въ томъ же указѣ постановлено: „а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1-е число не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавать". А. Э., т. III, № 41. *В. Ключевскій*. Op. cit., Рус. Мысль 1885 г., № 10, стр. 14—15. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 31, 34—38. Въ пользу предположенія проф. В. О. Ключевскаго о достовѣрности указа 1607 года можно привести еще и то, что постановленія его о денежномъ штрафѣ и проч. встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ грамотъ, писанныхъ послѣ 1607 г. и до 1649 г.: см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 57 и сл. Ср. ниже стр. 80—81.

[2]) Извѣстны случаи, когда и до Уложенія дѣти крестьянъ и бобылей возвращались на старинныя ихъ отцовскія печища: см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 40—45. *С. Соловьевъ* И. Р., IV, 791. Половники на сѣверѣ и послѣ обнародованія Уложенія продолжали заключать порядныя на срокъ и переходить съ мѣста на мѣсто; крестьяне—„порядчики" въ тѣхъ же уѣздахъ обыкновенно заключали свои порядныя также на сроки, но болѣе продолжительные, чѣмъ половники; см. *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 271, 278; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 151—155, 163.

*

Уложеніи обнаружился еще яснѣе, чѣмъ въ указѣ 1607 года. Уложеніе признало значеніе писцовыхъ и переписныхъ книгъ для прикрѣпленія. Помимо порядныхъ, которыя продолжали заключаться и послѣ 1649 года, оно сверхъ того установило и новый способъ поступленія въ крестьяне „для вольныхъ людей"; по предварительномъ распросѣ, дѣйствительно ли они вольные, такіе люди записывались въ помѣстномъ приказѣ, а затѣмъ „отдавались" въ крестьянство новымъ своимъ владѣльцамъ и становились вѣчно крѣпкими имъ. Наконецъ, Уложеніе опредѣлило и цѣлый рядъ наказаній, падающихъ на того, кто приметъ бѣглаго крестьянина и кто будетъ укрывать его отъ законнаго его владѣльца. Государственный характеръ прикрѣпленія выражается и въ томъ, что, уничтожая право выхода, Уложеніе продолжало различать крѣпость холопью отъ крестьянской; оно запретило крестьянамъ давать на себя служилыя кабалы кому-бы то ни было и упоминаетъ о нѣкоторыхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ владѣльческаго крестьянина [1]): оно сохранило за нимъ возможность самому искать или отвѣчать въ дѣлахъ граж-

---

[1]) А. Э., IV, № 14 Уложеніе XI, особенно 1—3, 5, 9, 11, 20, 21, 24; XX, 5 и 113. Казанцы должны были записываться не въ Помѣстномъ приказѣ, а въ Казани; Новгородцы (съ пригородами)—въ Новгородѣ, Псковичи (съ пригородами)—въ Псковѣ. Ср. еще выше, стр. 46 и Уложеніе XX, 27. Г. Дьяконовъ замѣтилъ, что и послѣ изданія Уложенія московское правительство „вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ", но урочные годы, извѣстные намъ изъ отдѣльныхъ указовъ, были уже гораздо менѣе выгодны для землевладѣльцевъ. (Op. cit., стр. 63—66). Уложеніе приняло во вниманіе писцовыя книги 7134 г. (1625—1626 гг.) и 7154—7155 гг. (въ сущности 1646—1648 гг.): бѣглые крестьяне и бобыли, записанные за владѣльцемъ въ писцовыхъ книгахъ 7134 г. „отдавались" имъ по суду и по сыску, по этимъ книгамъ безъ урочныхъ лѣтъ; та же участь постигла крестьянскихъ и бобыльскихъ женъ и дѣтей: послѣднихъ велѣно отдавать на томъ основаніи, что отцы ихъ записаны въ книги 7134 года; такое же значеніе могли имѣть отдѣльныя или отказныя книги, составленныя послѣ писцовыхъ книгъ 7134 года. По переписнымъ книгамъ 7154 и 7155 гг. отдавались тѣ крестьяне и бобыли, отцы которыхъ такъ же, какъ и сами они, еще не были внесены въ списки 7134 г., но уже были упомянуты въ спискахъ 7154—7155 гг.; по книгамъ этихъ же годовъ (7154 и 7155 гг.) отдавались и ихъ „братья, дѣти, племянники и внучата съ женами и съ дѣтьми"... Слѣдовательно, если только не приписывать нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ отличій несовершенствамъ редакціи соотвѣтствующихъ статей Уложенія (XI, 2, 3, 5, 9—11), при прикрѣпленіи переписныя книги дополняли предшествующія (начиная съ писцовыхъ книгъ 7134 г.) свѣдѣніями: 1) касательно крестьянъ и бобылей, записанныхъ только въ 7154 или 7155 гг.; 2) касательно ихъ „братьи, племянниковъ и внучатъ съ женами и дѣтьми".—По Уложенію (XI, 15) бѣглая вдова, вышедшая вторично замужъ въ бѣгахъ за крестьянина или за кабальнаго человѣка, возвращается съ мужемъ прежнему ея владѣльцу на основаніи не только вышеназванныхъ книгъ, но и „выписей и иныхъ какихъ крѣпостей". Въ граматѣ новгородскому воеводѣ кн. И. Рѣпнину 1664 года велѣно отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ

данскихъ и установило плату за его безчестье и увѣчье; оно также признало за нимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право вступать въ имущественныя обязательства даже съ собственнымъ своимъ господиномъ и казною [1]). Нѣкоторыя изъ ограниченій крестьянскихъ правъ, находящіяся въ Уложеніи, были, повидимому, также сдѣланы преимущественно съ казенной точки зрѣнія: сюда можно отнести, напримѣръ, помимо уничтоженія урочныхъ лѣтъ, запрещеніе крестьянамъ, жившимъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, владѣть городскими дворами, а также лавками и совершать сдѣлки на эти имущества: согласно съ началами государственнаго прикрѣпленія, крестьяне были лишены и права вступать въ нѣкоторыя обязательства, а именно давать на себя жилыя и судныя записи и служилыя кабалы [2]).

Одновременно съ вышеприведенными постановленіями, въ Уложеніи, однако, можно усмотрѣть и иное теченіе, благопріятствовавшее послѣдующему развитію крѣпостного права, а не государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Уже нѣсколько замѣтное въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, оно рѣзче обозначилось въ Уложеніи: здѣсь, напримѣръ, нѣтъ статьи, гдѣ опредѣлялась бы юридическая сущность того отношенія, въ которомъ крестьяне должны были находиться къ владѣльцамъ: благодаря такому пробѣлу, они могли развивать свою власть. Личность крестьянина слишкомъ мало обезпечена въ Уложеніи: оно не устанавливаетъ наказанія господину за неумышленное убійство своего крестьянина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть: и, напротивъ, оно прямо признаетъ обычай, въ силу котораго владѣльцы могли въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ искать и отвѣчать за своихъ „пашенныхъ" крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ убійства, разбоя, а также татьбы и, значитъ, въ случаяхъ подобнаго рода, допускаетъ отстраненіе крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе оставляетъ почти безъ всякой нормировки и имущественныя отношенія крестьянина къ владѣльцу, размѣры его земельнаго участка, а также повинностей (за исключеніемъ развѣ постановленія не работать въ воскресные и праздниц-

---

владѣльцамъ „по крѣпостямъ, по переписнымъ книгамъ 161 году" (П. С. З. т. I, № 364). Уложеніе между прочимъ ссылается и на то, что „изъ помѣстей помѣщикамъ крестьянъ (записанныхъ за ними въ „писцовыя книги") на волю отпускать не указано" (Ул., XV, 3). О различіи между холопами и крестьянами по Уложенію см. *К. Побѣдоносцевъ*, Историческія изслѣдованія и статьи, Спб., 1876 г., стр. 47—57. Ср. еще П. С. З., т. VI, № 3743, п. 1.

[1]) Уложеніе, X, 124; ср. 159, 162; XI, 23 и 32; XVII, 23; XIX, 16 и 17. Новоторг. уст., ст. 91 (П. С. З., т. I, № 408); см. еще *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 106, 109—116.

[2]) Уложеніе, XI, 23 и 32; XIX, 45. Ср. А. Э., т. IV, № 39.

ные дни) и платежей въ пользу землевладѣльца; тотъ же сводъ содержитъ статьи, игнорирующія существованіе у крестьянъ своей собственности, и повелѣваетъ, напримѣръ, отдавать по оцѣнкѣ дворы и животы должниковъ, которымъ „откупиться нечѣмъ“; въ истцовъ искъ, или править истцовъ искъ „въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людяхъ ихъ и на крестьянѣхъ“. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что Уложеніе постановляетъ „опричь великихъ дѣлъ (здоровья государя и измѣны) ни въ какихъ дѣлѣхъ“ крестьянамъ-извѣтчикамъ „не вѣрить“, а между тѣмъ, въ числѣ такихъ извѣтовъ могли быть и доносы ихъ на злоупотребленія господъ [1]).

Дѣйствительная жизнь, разумѣется, опережала законъ: землевладѣльцу тѣмъ легче было расширять и усиливать надъ крестьянами власть, сущность которой оставалась безъ опредѣленія въ законѣ, чѣмъ труднѣе становилось его подданному ускользнуть изъ подъ ея давленія. Послѣ отмѣны урочныхъ лѣтъ крестьянинъ-старожилецъ былъ лишенъ права выхода, а крестьянинъ новопорядчикъ въ своей порядной обязывался жить за землевладѣльцемъ „вѣчно“ и „безвыходно“; притомъ онъ часто, взамѣнъ порядной, писалъ „ссудную“, по которой онъ также признавалъ себя вѣчно крѣпкимъ своему господину и въ которой рѣчи нѣтъ объ арендѣ земли [2]); вѣчно ему крѣпкій и по оффиціальнымъ документамъ, онъ былъ лишенъ права разорвать свою крѣпость; онъ могъ только временно отлучаться изъ имѣнія, да и то, вѣроятно, заявивъ объ этомъ владѣльцу [3]). Въ противномъ случаѣ онъ становился „бѣглымъ“; а за пріемъ бѣглаго чужого крестьянина вотчинники и помѣщики подвергались строгимъ наказаніямъ, установленнымъ

---

[1]) А. И., т. III, 92 (стр. 101 и 111—112). Уложеніе, II, 13; X, 94, 141, 126 и 226; XI, 32; XIII, 7; XIX, 17. П. С. З., т. I, № 412, гл. II, ст. 7. Уложеніе предоставляетъ „рабѣ“ право жаловаться на владѣльца лишь въ томъ случаѣ, „когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою“ (XX, 80); надо полагать, что та же статья могла примѣняться и къ крестьянамъ; ср. еще *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 3, 47, 49, 57, 74 *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 470.

[2]) Въ одной порядной 1619 года порядчикъ пишетъ: „а съ Софѣйские вотчины... [мнѣ] никуды за волость не сойти и не сбѣжать, а сойду я изъ Софѣйские вотчины или збегу безъ государева указу и безъ митрополичья вѣдома, и гдѣ меня свѣдаютъ и митрополичьимъ приказнымъ волно меня взяти и вывесть въ Софейскую вотчину“... Аналогичныя условія есть и въ другихъ порядныхъ 1620 годовъ (*Н. Дебольскій*, Op. cit., Прил., стр. 433—440). Въ одной жилецкой записи 1627 г. крестьяне Михѣевы писали, что они „крѣпки“ своему господину, Чиркину, „въ его помѣсьѣ на тое деревнѣ, гдѣ онъ ихъ посадитъ“; такія же выраженія встрѣчаются и во многихъ порядныхъ того времени еще до 1646 г. (Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 22, 25, 26, 28, 31). Уложеніе XI, 32.

[3]) *Н. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 95—100; ср. 101. Судебникъ и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г. стр. 134—136 (указъ 1607 г. марта 9-го).

въ указахъ 1661 и 1664 годовъ [1]). Естественно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльцы пользовались выгодами своего положенія для того, чтобы расширить и усилить свою власть надъ крестьянами. Въ то время они произвольно устраивали браки между своими „подданными", заставляли ихъ насильно ходить въ церковь и т. п. Въ концѣ XVI-го вѣка они уже уступали другъ другу крестьянъ: извѣстна мировая 1597—1598 гг. между старцемъ Гуріемъ изъ Голутвина монастыря въ Коломнѣ и подъячимъ Григорьевымъ, въ силу которой старецъ Гурій „по сыску" поступился Григорьеву нѣсколькими крестьянами съ ихъ женами и дѣтьми, со всѣми животами и статками, но безъ земли. Отъ начала XVII-го вѣка сохранился цѣлый рядъ актовъ, касающихся разнообразныхъ юридическихъ сдѣлокъ на крестьянъ [2]). Съ теченіемъ времени сдѣлки на крестьянъ безъ земли также стали все больше входить въ обычай. Съ 13-го октября 1675 г. крестьянъ начали записывать по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ въ помѣстномъ приказѣ, „безъ подписныхъ челобитенъ". Извѣстны также факты, свидѣтельствующіе, что записка въ крестьяне, уже вскорѣ по изданіи Уложенія, могла производиться и въ холопьемъ приказѣ; такой порядокъ былъ узаконенъ въ указахъ 1681 и 1682 гг.: лицамъ, совершающимъ сдѣлки подобнаго рода, велѣно было бить челомъ о запискѣ ихъ въ приказѣ холопья суда [3]). Если можно было тогда уже распоряжаться личностью крестьянина, отрывать его отъ земли, переводить его съ одного участка на другой или изъ одного имѣнія въ другое, то легко было поступать съ нимъ и какъ съ сельскимъ рабочимъ, лишеннымъ нѣкоторыхъ правъ, а не какъ съ вольнымъ арендаторомъ, и подвергать трудъ его нѣкоторой эксплоатаціи. Въ самомъ дѣлѣ, вышеприведенные примѣры касательно роста крестьянскихъ повинно-

---

[1]) П. С. З., т. I, №№ 307 и 364; въ силу указа 1658 года крестьяне, бѣжавшіе и „разорившіе своихъ господъ", сами подвергались „нещадному наказанію кнутомъ" (ib., т. I, № 220). Ср., впрочемъ, еще *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 215—216.

[2]) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 33. *Н. Дебольскій*, Op. cit. стр. 180—182.

[3]) На основаніи Уложенія, человѣкъ, купившій вотчину, могъ, вмѣсто крестьянъ, написанныхъ въ купчей, но взятыхъ у него и отданныхъ изъ той вотчины истцамъ, по писцовымъ книгамъ, суду и сыску „взять на продавцѣ такихъ же крестьянъ изъ иныхъ его вотчинъ" (XI, 7). Кромѣ того, въ случаѣ неумышленнаго убійства крестьянина одного владѣльца крестьяниномъ другого владѣльца, Уложеніе разрѣшало выдавать убійцу, или другого крестьянина со всею семьею тому владѣльцу, кому принадлежалъ убитый; выборъ былъ предоставленъ потерпѣвшему владѣльцу (XXI, 73); П. С. З., т. II, № 946 О появленіи и размноженіи разнаго рода сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли, а иногда и въ разбивку въ общественной жизни и въ судебной практикѣ XVII вѣка см. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 57—65.

стей, да и другія извѣстія, повидимому, свидѣтельствуютъ въ пользу такого заключенія. Въ наказѣ Корсакова прикащику, управлявшему вотчиной Суздальскаго Покровскаго монастыря, напримѣръ, ему было предписано запрещать монастырскимъ крестьянамъ нанимать земли въ другихъ имѣніяхъ, „чтобъ монастырскія села не пустѣли и пашня не запереложѣла". Одинъ изъ писателей XVII вѣка сообщаетъ, что бывали вотчинники и помѣщики, которые прибѣгали къ слѣдующей мѣрѣ: желая продать своихъ крестьянъ, они „напередъ брали съ нихъ поборы великіе, не противъ силы" съ тѣмъ, чтобы „себя наполнивать для покупки иныхъ вотчинъ". Впрочемъ, правительству было невыгодно допускать крестьянское разореніе: извѣстны случаи, когда оно предписывало даже кнутомъ наказывать служилыхъ людей, запустошившихъ свои имѣнія и лишившихъ себя возможности исправно отбывать службу. Судя по разсказу одного современника, владѣльцу, разорившему своихъ крестьянъ, грозила уплата крестьянамъ тѣхъ излишнихъ поборовъ, которые онъ взималъ съ нихъ черезъ силу и грабежемъ, а также конфискація его помѣстій и жалованныхъ вотчинъ; что же касается купленныхъ его вотчинъ, то онѣ отдавались его родственникамъ: но, даже если признавать достовѣрность приведеннаго извѣстія, въ немъ нѣтъ рѣчи о родовыхъ имѣніяхъ вотчинника; притомъ дѣло начиналось (судя по тому же извѣстію), если крестьяне били челомъ на своего вотчинника или помѣщика, а это, вѣроятно, не всегда удавалось имъ сдѣлать; да и конфискаціи подобнаго рода едва-ли часто повторялись [1]).

Во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкѣ землевладѣльцы успѣли, вѣроятно, усилить зависимость крестьянъ отъ своего произвола и благодаря тому, что они вѣдали и судили своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, „кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ". Въ то время въ помѣщичьихъ дворахъ уже встрѣчаются тюрьмы, кандалы и колодки; битье кнутомъ иногда упоминается въ числѣ тяжкихъ наказаній; битье батогами часто употребляется, напримѣръ, за „огурство", т. е. за уклоненіе отъ обязанностей, налагаемыхъ вотчинникомъ на своихъ крестьянъ; его судебный розыскъ нерѣдко доводитъ людей и до пытки [2]). Приведемъ два примѣра. Въ селѣ Мурашкинѣ, принадлежавшемъ

---

[1]) А. Э., т. III, № 217. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 59. *Г. Котошихинъ* XI, 3. Ср. выше стр. 61 и *С. Соловьевъ*, И. Р., ком. изд., II, 1349—1350.

[2]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19, 49. Даже по дѣламъ, подлежавшимъ губному вѣдомству, Морозовъ велѣлъ обвиняемыхъ подвергать „распросу", а того человѣка, который въ распросѣ начиналъ путаться и оказывался воромъ, сажать въ колоду или желѣза и потомъ уже отсылать съ поличнымъ въ губу.

извѣстному боярину Морозову, въ 1650 году возникло дѣло объ оскорбленіи особы боярина бобылемъ Миронкой: напившись пьянъ въ кабакѣ, Миронко сказалъ скаредныя и бранныя слова про боярина-государя. Прикащикъ вкинулъ виновнаго въ тюрьму и поспѣшилъ извѣстить Морозова о случившемся; злосчастный сирота, отрезвившись въ тюрьмѣ, въ свою очередь послалъ боярину челобитную, въ которой онъ винился передъ своимъ „государемъ“ и просилъ его смиловаться. Морозовъ, однако, не смиловался: онъ велѣлъ прикащику распросить накрѣпко Миронку „въ заводѣ“ и пытать его, „не отъ заводу ль онъ какова такія рѣчи говорилъ“, а затѣмъ „бить Миронка кнутомъ безъ пощады“ и держать въ тюрьмѣ: а „какъ кожа поживетъ, распоряжался бояринъ, и вынявъ, велѣть въ другорядь бить [его] кнутомъ же безъ пощады“ и снова кинуть въ тюрьму, „чтобъ ему плуту, вору впредь воровать и незабытныхъ словъ говорить было неповадно“. И, хотя Миронка и съ пытки винился въ томъ же, что говорилъ онъ тѣ „невѣжливыя слова своею глупостью, хмѣлемъ пьянски“ и что никого съ нимъ въ думѣ не было, однако, распоряженіе боярина было приведено въ исполненіе. Другой примѣръ: въ своей духовной 1627 года одинъ изъ землевладѣльцевъ, кажется, нижегородской губ., винился въ томъ, что „сиротъ своихъ, которые ему служили, въ своей кручинѣ оскорбилъ боемъ по винѣ и не по винѣ ихъ, а вдовъ и женъ ихъ дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ грѣхомъ своимъ и смерти предалъ“...[1]). Впрочемъ (насколько можно заключить по отдѣльнымъ примѣрамъ), по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ поручался прикащику, послѣдній долженъ былъ судить съ старостой, съ цѣловальниками и съ выборными крестьянами. Въ арзамасской вотчинѣ боярина Морозова міръ однажды даже прямо „вступился“ въ жестокій „розыскъ“, производимый прикащикомъ надъ какою-то „женишкой“: по поклепу одного изъ крестьянъ прикащикъ пыталъ и билъ ее кнутомъ, „взвѣся... и робенка изъ нея вымучилъ, да сверхъ тое пытки огнемъ хотѣлъ жечь“; тогда-то міръ и вмѣшался въ дѣло: при мірѣ стали спрашивать истца, который и повинился въ своемъ поклепѣ; любопытно, что бояринъ принялъ во вниманіе новый розыскъ, учиненный міромъ, и даже наказалъ истца [2]). Сомнительно, однако, чтобы такіе случаи вмѣшательства имѣли большое значеніе для огражденія крестьянъ отъ барскаго произвола: хотя факты, подобные вышеуказаннымъ, въ XVII-мъ вѣкѣ все еще, повидимому, довольно рѣдки, однако, они лишній

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 2, стр. 506 и 508. А. о. до Ю. Б., т. I, № 86, 1.

[2]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 17; № 2, стр. 506—507.

разъ и наглядно показываютъ, что многіе элементы крѣпостного быта сложились задолго до признанія закономъ крѣпостного права; крестьянинъ долженъ былъ подчиняться расширившейся власти землевладѣльца и къ концу вѣка начиналъ уже протестовать противъ его произвола [1]).

Тѣмъ не менѣе тягло продолжало оставаться однимъ изъ существенныхъ различій между холопомъ и крестьяниномъ; по старинному правилу: „на холопѣхъ дани не взяти" къ тяглу привлекалось только свободное населеніе. Правительство долго придерживалось такого взгляда; но и это различіе стало утрачивать значеніе въ жизни и въ законодательствѣ позднѣйшаго времени. Въ бытовомъ отношеніи дѣловые люди, жившіе особыми дворами, задворные люди и монастырскіе „дѣтеныши" настолько близко стояли къ пашеннымъ крестьянамъ, что правительство, имѣя въ виду фискальные и военные интересы, рѣшилось, повидимому, обложить ихъ дворы повинностями, которыя падали и на дворы тяглыхъ людей. Послѣ переписи 1677—1678 гг., при производствѣ которой писцамъ велѣно было имѣть въ виду дворы дѣловыхъ и задворныхъ людей, и послѣ приговора 2 сентября 1679 года, задворные люди въ сущности были зачислены въ разрядъ тяглыхъ людей и, дѣйствительно, стали платить, напримѣръ, стрѣлецкій хлѣбъ, ямскія и полоняничныя деньги; нѣсколько позднѣе такими же сборами были обложены и дѣловые люди, жившіе особыми дворами. Можно думать, что нѣчто подобное произошло и съ монастырскими дѣтенышами [2]). Выгоды землевладѣльцевъ, которые пользовались даровымъ трудомъ дѣловыхъ и задворныхъ людей, а также дѣтенышей принесены были въ жертву казнѣ; тягло перестало рѣзко отграничивать ихъ отъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, само правительство способствовало дальнѣйшему сліянію холопства съ крестьянствомъ и подготовляло превращеніе крѣпостного быта въ крѣпостное право.

Со времени Уложенія различіе въ общественномъ положеніи крестьянъ черносошныхъ и владѣльческихъ уже обозначилось рѣзче прежняго. Хотя оба главнѣйшіе разряды сельскаго населенія подверглись прикрѣпленію, однако, оно имѣло разное значеніе для каждаго изъ нихъ. Черносошныхъ велѣно было возвращать въ черныя волости на старые ихъ жеребьи; но передвиженіе въ широкихъ предѣлахъ черныхъ волостей для нихъ все еще было возможно и они оставались свободными отъ землевладѣльческаго гнета; владѣльческіе крестьяне, напротивъ, были „записаны за вотчин-

---

[1]) П. С. З., т. I, № 220. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 31. *П. Ивановъ*, Др., т. I, в. 3, стр. 529—530.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, II и IV и № 66. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 272—282, 316—321.

никами и помѣщиками“ или „отдавались“ имъ; и чѣмъ уже были предѣлы вотчины или помѣстья, тѣмъ возроставшая зависимость ихъ отъ владѣльцевъ чувствовалась сильнѣе. Благодаря такимъ условіямъ, между черносошными, надо полагать, было меньше разрозненности, чѣмъ между крестьянами, принадлежавшими разнымъ владѣльцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ черносошные продолжали подчиняться только органамъ правительства, тогда какъ крестьяне, сидѣвшіе на чужихъ земляхъ, превратились въ подданныхъ своихъ государей-владѣльцевъ, которые стали между ними и государственною властью. Впрочемъ и тѣ и другіе отправляли податныя обязанности въ пользу государства, у тѣхъ и у другихъ еще оставались и общія имъ права, между прочимъ, право подавать челобитныя правительству. Крестьяне обращались съ „мірскими челобитными“ къ воеводамъ или получали возможность сноситься съ Москвою обыкновенно черезъ посредство міра; онъ отправлялъ выборныхъ мірскихъ челобитчиковъ или посыльщиковъ „для мірскихъ бѣдностей“ на общія мірскія средства; иногда такіе посыльщики даже нанимались міромъ: извѣстно, впрочемъ, что Уложеніе запретило челобитчикамъ, не бившимъ челомъ въ приказахъ, подавать свои челобитныя государю; но это правило едва-ли строго соблюдалось на практикѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ и позднѣйшіе указы [1]). По мѣрѣ того, однако, какъ разросталась власть помѣщика, и подача челобитенъ помимо него въ присутственныя мѣста становилась для его крестьянъ все болѣе затруднительной, а съ теченіемъ времени она была запрещена и закономъ. Различіемъ въ бытовыхъ условіяхъ и общественномъ положеніи крестьянъ черносошныхъ и владѣльческихъ объясняется и разное отношеніе, въ какое они были поставлены къ городскому населенію. Московское правительство въ теченіе всего XVII вѣка не порывало связи между черносошными крестьянами и городами въ поморскихъ уѣздахъ; только съ учрежденіемъ магистратовъ поморскіе уѣзды были отдѣлены отъ городовъ [2]). Напротивъ, между владѣльческими крестьянами и посад-

---

[1]) Уложеніе, X, 20; ср. П. С. З., т. III, № 1707 и т. IV, № 1748; т. V, № 2787 и многіе другіе; указанія на нихъ отчасти собраны въ извѣстномъ указѣ отъ 12 іюля 1762 г. въ П. С. З., т. XVI, № 11606. *Н. Оглоблинъ*, Op. cit., Жур. М. Н. Пр., 1898 г., апр., стр. 276, 282, 289, 307, 311—312, 315 и др.

[2]) Въ указѣ 3 ноября 1699 года написано: „Въ поморскихъ городѣхъ уѣздныхъ государевыхъ крестьянъ, опричь тѣхъ, которые вѣдомы во дворцѣ, нигдѣ воеводамъ не вѣдать, а вѣдать во всѣхъ тѣхъ городахъ бурмистрамъ“ (П. С. З., т., III, № 1715; Ср. выше стр. 30); но извѣстно, что по учрежденіи губерній городовыя или земскія избы были подчинены губернаторамъ (1708—1719). Хотя въ указѣ 11 іюня 1718 года есть уже резолюція о томъ, чтобы „учинить „градскіе магистраты“, на основаніи рижскаго и ревельскаго регламента, но воеводская инструкція 1719 года все еще признаетъ города „подчиненными

скими тяглыми людьми оно провело довольно рѣзкую грань: въ силу извѣстныхъ статей Уложенія „боярскіе и иныхъ чиновъ люди и крестьяне“, купившіе тяглые дворы и лавки, и анбары, и погребы каменные и соляныя варницы и торговавшіе всякими товарами въ городахъ, должны были продать тѣ тяглые дворы и торговыя заведенія „тяглымъ торговымъ и посадскимъ людямъ“ и впредь были лишены права вступать съ ними въ сдѣлки подобнаго рода: въ противномъ случаѣ виновнымъ грозило наказаніе: великая опала и торговая казнь; аналогичная мѣра была принята и относительно тяглыхъ дворовъ, лавокъ и проч., взятыхъ крестьянами тѣхъ же разрядовъ въ закладъ до сроку у торговыхъ и посадскихъ людей, если они „просрочатъ“ уплату своихъ долговъ; владѣльческимъ крестьянамъ было запрещено „послѣ срока“ жить въ этихъ тяглыхъ дворахъ или торговать въ этихъ лавкахъ, анбарахъ и погребахъ и варить соль въ этихъ варницахъ подъ опасеніемъ конфискаціи заложеннаго имъ имущества. Слѣдуетъ замѣтить, кромѣ того, что въ статьяхъ, которыя обособляли сельское населеніе, сидѣвшее на частновладѣльческихъ земляхъ, отъ „государевыхъ“ тяглецовъ, законъ уже ставилъ на одну доску „людей боярскихъ и иныхъ чиновъ“ (т. е. холоповъ) и владѣльческихъ крестьянъ и противополагалъ ихъ посадскимъ людямъ: проводя такое различіе, онъ какъ бы признавалъ, что владѣльческіе крестьяне въ данномъ отношеніи ближе стоятъ къ „боярскимъ и иныхъ чиновъ людямъ“, чѣмъ къ государевымъ тяглымъ людямъ [1]).

Наконецъ, различіе между черносошными и владѣльческими крестьянами въ политическомъ отношеніи было особенно замѣтно

воеводѣ“ (П. С. З., V, № 3294). По учрежденіи главнаго магистрата (регламентъ его—16 января 1721 г.), „регулярное гражданство“ обособляется отъ уѣздныхъ людей и отдается въ вѣдѣніе магистратовъ (П. С. З., т. V, № 3208; т. VI, № 3708; т. VII, № 4624); впрочемъ, въ дѣйствительности воеводы продолжали вмѣшиваться и въ дѣла магистратовъ. Вслѣдъ за упраздненіемъ городовыхъ магистратовъ (П. С. З., т. VII, № 5142, 18 янв. 1727 г.) сельское населеніе поморскихъ уѣздовъ опять вмѣстѣ съ городами состояло въ вѣдѣніи правительственныхъ органовъ: въ наказѣ 1728 года „посадскихъ велѣно подчинить губернаторамъ и воеводамъ“ (П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 10, 20, 26 и др.). Тѣмъ не менѣе начала, положенныя въ основу магистратскихъ учрежденій, не вполнѣ утратились въ ратушахъ; а въ 1743 году магистраты были возстановлены и компетенція ихъ была расширена (П. С. З., т. XI, № 8734). О дальнѣйшемъ процессѣ обособленія государственныхъ крестьянъ отъ городского населенія см. ниже.

[1]) Уложеніе, XIX, 15 и 16; ср. XIX, 1 и 9; въ силу статьи 17-й крестьянамъ владѣльческимъ было разрѣшено пріѣзжать въ города и продавать всякіе товары на гостиномъ дворѣ „съ возовъ и струговъ“.

не столько въ области самоуправленія [1]), сколько въ соборномъ представительствѣ. Въ 1612—1613 гг. „уѣздные люди“ вмѣстѣ съ другими были призваны для рѣшенія вопроса о томъ, „кому быть на Московскомъ государствѣ“; уже въ то время, однако, владѣльческимъ крестьянамъ, повидимому, нельзя было засѣдать вмѣстѣ съ своими господами; подъ „уѣздными людьми“, подписавшимися на избирательной граматѣ надо, кажется, разумѣть однихъ „сѣверныхъ крестьянъ“ или даже мелкихъ служилыхъ людей „приборной“ службы. А въ 1682 году, когда на совѣщаніе правительства съ тяглыми людьми тоже были призваны, люди уѣздные, оно уже порознь совѣтовалось съ тяглыми и служилыми людьми: такой порядокъ указывалъ на наступленіе того сословнаго строя, который окончательно выработался въ слѣдующемъ столѣтіи [2]).

III. Крестьяне въ Россійской имперіи XVIII-го вѣка.

Въ XVIII вѣкѣ положеніе крестьянъ ухудшилось и въ бытовомъ, и въ юридическомъ отношеніяхъ: частный характеръ прикрѣпленія сталъ развиваться въ ущербъ тому государственному значенію, которое приписывало ему московское правительство. Въ то время владѣльческіе крестьяне стали почти собственностью сословія, которое владѣло ими не для службы и за службу, а въ силу сословной привилегіи; даже отношенія казны къ крестьянамъ, получившимъ названіе государственныхъ, отчасти строились по тому же образцу, а съ сословной точки зрѣнія и они причислялись къ „послѣднему чину“. Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьяне окончательно выдѣлились въ особое сословіе. Уже Татищевъ замѣтилъ, что помимо „временной разности между чинами“ существуетъ еще другая „пребывающая и наслѣдственная разность“ между опредѣленными группами населенія: „шляхетствомъ, гражданствомъ и подлостью“; нѣсколько позднѣе Щербатовъ высказалъ тотъ же принципъ, требуя, „дабы всѣ сословія въ Россійской имперіи были между собою раздѣлены и чтобы каждое изъ нихъ знаніемъ своихъ правъ содѣйствовало общему благо-

---

[1]) Въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ нужды подробно останавливаться на исторіи губныхъ и земскихъ учрежденій тѣмъ болѣе, что имъ посвящена была недавно статья г. Покровскаго: см. *М. Покровскій*, Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси въ Сб. о мелкой земской единицѣ, т. I, изд: 2, стр. 186—239.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 203. П. С. З., т. II, № 899. А. И., т. V, № 83. *С. Платоновъ*, Очерки по исторіи Смуты, Спб., 1899, стр. 558—561. Соборъ 1613 г. продолжалъ засѣдать и въ 1614-мъ, а можетъ быть и еще дольше. Черносошные крестьяне иногда называются „уѣздными людьми“; см., напр., А. Э., IV, № 250.

получію" [1]). Впрочемъ, сословную точку зрѣнія можно было примѣнить не къ крестьянамъ вообще, а только къ отдѣльнымъ разрядамъ крестьянскаго населенія, главнымъ образомъ къ крѣпостнымъ и государственнымъ крестьянамъ [2]). Въ то время составъ этихъ двухъ классовъ крестьянъ опредѣлился; вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне, въ качествѣ „ревизскихъ душъ" стали противополагаться „благороднымъ" и каждый изъ основныхъ классовъ крестьянъ больше прежняго обособился отъ остальныхъ слоевъ населенія: владѣльческіе крестьяне, превращаясь почти въ полную собственность „вѣковыхъ ихъ владѣльцевъ", тѣмъ самымъ утрачивали прежнюю связь съ другими общественными группами, подвластными „прямому ихъ владѣтелю—всероссійскому самодержцу"; государственные же крестьяне были отдѣлены отъ посадскихъ людей, съ которыми они до того времени смѣшивались въ поморскихъ уѣздахъ. Въ эпоху преобразованій, когда все населеніе призвано было служить государству, эти перемѣны въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ сравнительно еще мало замѣтны, но онѣ ясно обнаружились въ періодъ просвѣщеннаго абсолютизма и сословной монархіи; весь вредъ крѣпостного права, тогда уже окончательно сложившагося, становился тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что нѣкоторые изъ лучшихъ людей того времени начинали указывать на его гибельныя послѣдствія и для общества, и для государства; слѣдовательно, удобнѣе всего обозрѣть исторію помѣщичьихъ крестьянъ изучаемаго періода въ эпоху преобразованій въ связи съ ближайшими ея послѣдствіями и въ „вѣкъ просвѣщенія". Придерживаться такого же дѣленія и въ обозрѣніи исторіи государственныхъ крестьянъ было бы, пожалуй, излишне: въ ней нѣтъ такихъ рѣзкихъ граней.

1. Помѣщичьи крестьяне.

Въ эпоху преобразованій исторія крестьянъ развивалась въ томъ же направленіи, какъ и въ предшествующемъ періодѣ. Правда, еще въ правленіе царевны Софьи просвѣщенный кн. В. В. Голицынъ предполагалъ начать цѣлый рядъ затѣянныхъ имъ реформъ „освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ, съ пользою для царя, за ежегодный оброкъ"; но планъ князя, если таковой и былъ, дѣйствительно, выработанъ имъ, во всякомъ случаѣ остался безъ исполненія.

---

[1]) *В. Татищевъ*, Напомнѣніе и проч. въ сборникѣ „Утро" на 1859 г., стр. 384; „а нѣгдѣ, пишетъ авторъ, четвертое счисляютъ—духовенство". С. Р. И. О., IV, 97, 109; ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Собраніе и сводъ зак. рос. имп., составленные въ царствованіе имп. Екатерины II, Спб., 1898 г. Отд. от., стр. 21—24.

[2]) П. С. З., т. XVIII, № 12859, гл. XIX, ст. 13 и др.

Въ концѣ того же столѣтія, повидимому, была составлена „выписка, какимъ образомъ въ чужестранныхъ разныхъ государствахъ поступаютъ съ служителями и съ крѣпостными людьми“; но указанія на нѣкоторыя преимущества въ современномъ положеніи французскихъ, англійскихъ и голландскихъ крестьянъ также мало повліяли на политику Петра Великаго: онъ слишкомъ нуждался въ военныхъ и денежныхъ средствахъ для того, чтобы мѣнять начала общественнаго строя, установленныя московскимъ правительствомъ; напротивъ, онъ поспѣшилъ воспользоваться ими и еще строже своихъ предшественниковъ постарался примѣнить правило, въ силу котораго все населеніе должно было служить государству. Такая политика, разумѣется, отозвалась и на судьбѣ сельскаго населенія; совѣты Посошкова не могли, конечно, измѣнить ея направленія: въ новомъ названіи, которое стали примѣнять къ владѣльческимъ крестьянамъ, уже можно замѣтить перемѣну, происшедшую въ ихъ положеніи.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ люди, подвластные своему господину, а въ томъ числѣ и владѣльческіе крестьяне, часто носили одно общее наименованіе „крѣпостныхъ“. Въ то время такая терминологія была скорѣе новостью, чѣмъ стариною. „Крѣпости“ въ качествѣ частныхъ актовъ, напримѣръ, полныхъ, докладныхъ, данныхъ, купчихъ и т. п., давно уже отличали отъ оффиціальныхъ документовъ общегосударственнаго характера, въ родѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ; поэтому въ старину „крѣпостными людьми“, т. е. людьми, пріобрѣтенными или владѣемыми по какимъ-либо „крѣпостямъ“, обыкновенно называли холоповъ, а не крестьянъ: Уложеніе въ одномъ случаѣ прямо противополагаетъ „крѣпостную дѣвку“ „дочери крестьянской“ [1]). Тѣмъ не менѣе, сами крестьяне, уже въ одной жилецкой записи 1627 года и во многихъ порядныхъ 1628—1646 гг. иногда признавали себя „крѣпкими“ своимъ господамъ; дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ въ своей сказкѣ, поданной на соборѣ 1642 года, предлагали государю, „кликать, кто похочетъ въ Азовъ“, между прочимъ и „изъ черныхъ людей, окромѣ крѣпостныхъ людей, холопей и крестьянъ“... Уложеніе и послѣдующее законодательство допустило отдачу бѣглыхъ крестьянъ ихъ законнымъ владѣльцамъ „по крѣпостямъ“, а не только по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, челобитья о записке крестьянъ по „сдѣлочнымъ записямъ“ стали приниматься въ приказѣ холопьяго суда (1682 г.) при заключеніи крестьянскихъ крѣпостей такъ же, какъ и холопьихъ, стали взимать „поголовныя“ пошлины

---

[1]) Уложеніе, X, 245—247, 250, 253; XX, 27, 29, 31, 32, 34, 79. П. С. З., т. I, № 364 (1664 г.); ср. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 52.

(1688 г.), а отпускныя крестьянскимъ дѣтямъ, „взятымъ во дворъ", велѣно было выдавать изъ того же приказа холопьяго суда, изъ котораго выдавались и отпускныя дворовымъ, кабальнымъ и „полоннымъ" людямъ (1690 г.). При такихъ условіяхъ легко было подвести подъ терминъ „крѣпостные" и владѣльческихъ крестьянъ; новое значеніе термина указываетъ и на усиленіе частнаго характера прикрѣпленія.

Нельзя сказать, однако, чтобы въ то время крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, уже вполнѣ превратились въ „крѣпостныхъ людей" своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, въ положеніи владѣльческаго крестьянина наканунѣ реформы было еще много противоположностей: онъ могъ имѣть своихъ крѣпостныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ становился крѣпостнымъ своего владѣльца, свободно распоряжавшагося имъ; онъ могъ искать и отвѣчать за себя въ судѣ, и тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ подлежалъ вотчинному или помѣщичьему суду; онъ могъ имѣть свою собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался чуть ли не полною собственностью своего господина: наконецъ, онъ могъ заключать договоры съ посторонними лицами и съ казною, а между тѣмъ имущество его не было обезпечено отъ барскаго произвола [2]). Съ развитіемъ крѣпостного права большинство этихъ противоположностей стало сглаживаться: крестьянинъ продолжалъ совершать разныя сдѣлки, но можно думать, что онъ совершалъ ихъ въ зависимости отъ согласія или разрѣшенія владѣльца и до тѣхъ поръ, пока это было угодно послѣднему. Такая перемѣна произошла постепенно. Въ эпоху преобразованій ей въ особенности благопріятствовали мѣры, принятыя правительствомъ при производствѣ ревизіи 1718—1727 гг.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя цѣлый рядъ разновременныхъ указовъ повліялъ на образованіе крѣпостнаго состоянія въ эпоху реформы, однако, составъ его опредѣлился главнымъ образомъ благодаря ревизіи 1718—1727 гг. Записка „души" въ ревизскую сказку того времени имѣла гораздо болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ простое привлеченіе лица, записаннаго въ нее, къ уплатѣ податей. Люди, запи-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 113. Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11 и др. П. С. З., т. II, № 946; т. III, №№ 1293 и 1383; т. XI, № 8836 и др. С. Р. И. О., XXXVI, 247 и 275. Терминъ: „подданные" въ аналогичномъ примѣненіи къ крестьянамъ см., напримѣръ, въ указѣ 1740-го г.; тогда правительство заботилось о томъ, „чтобы подъ образомъ *покупки* подданныхъ Черкасъ въ продажѣ казаковъ не имѣлось и *черезъ то* оные *въ подданство* приведены быть не могли" (П. С. З., т. XI, № 8129). Ср. Св. Зак. о сост. 1832 г., кн. I, Розд. V, гл. 3 и др.

[2]) Ср. выше стр. 70. Изъ одной граматы, помѣщенной въ А. от. до Ю. Б., т. I, № 55, LVI, видно, что помѣщикамъ иногда выгодно было предоставлять крестьянамъ „вѣдаться судомъ и расправою во всякихъ дѣлахъ" у воеводы. *П. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 200—210.

санные въ ревизскую сказку за даннымъ владѣльцемъ, попадали въ крѣпостную зависимость отъ него: законъ иногда прямо выражалъ такую мысль, предоставляя помѣщику „владѣть“ записанными за нимъ людьми и даже „владѣть ими вѣчно“; и такое владѣніе, „признанное и развитое правительствомъ въ виду государственнаго интереса, поддерживалось всею силою государственной власти“. Наравнѣ съ холопами ему подпали, конечно, и крестьяне, и нѣкоторые другіе разряды населенія, вообще люди, записанные за владѣльцемъ по поданной имъ ревизской сказкѣ; такимъ образомъ, не только старинные, но и вновь записанные за нимъ люди становились его крѣпостными. Слѣдуетъ замѣтить притомъ, что записка подобнаго рода производилась иногда помимо воли записываемаго: тотъ, кто во время не пріискалъ себѣ владѣльца, могъ быть записанъ за тѣмъ, кто пожелалъ бы принять его, или даже записывался за тѣмъ, на чьей землѣ или въ чьей вотчинѣ заставала его ревизія [1]).

Въ эпоху преобразованій смѣшеніе холоповъ съ крестьянами было окончательно признано закономъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ временныхъ выгодъ, которыя оно могло доставить казнѣ. Постоянно нуждаясь въ людяхъ и деньгахъ, Петръ не только не могъ остановить процесса сліянія холоповъ съ крестьянами, уже весьма замѣтнаго въ предшествующемъ періодѣ, но воспользовался имъ для того, чтобы привлечь всѣхъ холоповъ наравнѣ съ крестьянами къ обложенію. Впрочемъ, онъ не сразу пришелъ къ такому результату. Въ его законодательствѣ обнаружился двойной рядъ колебаній: во-1-хъ, ему надлежало выяснить, принимать ли холоповъ на военную службу или записывать ихъ только въ подушный окладъ; во-2-хъ, ему пришлось рѣшать вопросъ и о томъ, ограничиться ли запискою въ ревизскія сказки тѣхъ „людей“, которые уже были приняты во вниманіе писцовымъ наказомъ 1684 г. (дѣловыхъ, задворныхъ и кабальныхъ), или записывать всѣхъ холоповъ и „людей“ безъ различія. Естественно, что до 1718 года, т. е. до того времени, когда на Аландскихъ островахъ начались переговоры шведскихъ уполномоченныхъ съ русскими о будущемъ мирѣ, Петру нужны были военныя силы: въ 1700 году онъ издалъ, напримѣръ, нѣсколько указовъ о пріемѣ бѣглыхъ холоповъ на военную службу; но уже въ 1711 году онъ различалъ дворовыхъ людей отъ остальныхъ: повелѣвъ продолжать набирать дворовыхъ холоповъ въ войско, въ даточные по третямъ, онъ запретилъ брать дѣловыхъ и задворныхъ людей, „которые платятъ всякія подати“. Съ этой точки зрѣнія Петръ приступилъ и къ изданію указовъ о производствѣ ревизіи 1718-го и

[1]) *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 143, 145, 187—188.

слѣдующихъ годовъ: въ началѣ (ук. 1719 г. янв. 22) дѣловые люди, которые пахали на своихъ помѣщиковъ, но своей пашни не имѣли, заносились въ сказки особою статьею только „для вѣдома"; затѣмъ деревенскихъ холоповъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые пахали только на господина, тоже велѣно „класть въ расположеніе"; наконецъ, въ силу указа отъ 19 января 1723 года, ревизоры стали заносить въ сказки и класть въ подушный сборъ вообще „всѣхъ служащихъ, какъ крестьянъ" [1]). Такимъ образомъ совершилось окончательное сліяніе между холопами и владѣльческими крестьянами въ податномъ отношеніи: теперь они наравнѣ съ послѣдними признавались налогоспособными и вмѣстѣ съ ними поручались своимъ господамъ, которые отвѣчали за исправную уплату податей, падавшихъ на ихъ ревизскія души; такую отвѣтственность, повидимому, давно уже практиковавшуюся, теперь, послѣ сліянія холоповъ съ крестьянами, тѣмъ легче было перенести на ихъ владѣльцевъ. Съ только-что указанной точки зрѣнія правительству, цѣнившему сельское населеніе главнѣйшимъ образомъ лишь постольку, поскольку оно представляло изъ себя платежную силу, незачѣмъ было настаивать на различіи между холопами и крестьянами; ему даже выгодно было усилить надъ ними власть ихъ господъ, а подъ возраставшимъ давленіемъ ея крѣпостные едва ли почувствовали, что холопство уже отжило свой вѣкъ: его замѣнило суровое крѣпостное право, распространившееся и на прежнихъ „вольныхъ государевыхъ людей".

Въ самомъ дѣлѣ, привлекая всѣхъ къ службѣ государству, преобразователь не могъ оставить безъ всякаго употребленія и силы „гулящихъ людей", тѣмъ болѣе, что упраздненіе этого разряда населенія связано было не только съ финансовыми, но и съ полицейскими соображеніями. Въ составъ вольныхъ, гулящихъ людей могли входить люди добровольно, а иногда за старостью и дряхлостью, отпущенные на свободу господами, или слуги, кабальная зависимость которыхъ по закону прекращалась смертью ихъ господъ, или выходцы изъ плѣна, также получавшіе свободу по закону, въ случаѣ если они до того времени были рабами, или наконецъ разные люди, не записанные въ писцовыя и переписныя книги, и т. п. Въ то время положеніе человѣка вольнаго, ни за кѣмъ не записаннаго, и ни къ какому государственному тяглу не приписаннаго, было очень мало обезпечено: иногда онъ, „походя, кормился работою"; но большею частью онъ или попадалъ въ

---

[1]) Въ писцовомъ наказѣ 1684 г. писцамъ велѣно также писать въ нѣкоторыхъ случаяхъ старинныхъ и крѣпостныхъ людей „особь статьею". П. С. З. т. IV, №№ 1747 и 1820 (указы 1700 г. февр. 1 и дек. 23); т. IV, № 2404; т. VI, №№ 3923, 3995, 4026; т. VII, №№ 4145 и 4390.

зависимость отъ новаго господина, или бродилъ по міру, или принималъ участіе въ какой-нибудь разбойничьей шайкѣ. Вообще вольный человѣкъ вызывалъ одни только подозрѣнія правительства; оно называло людей вольныхъ „гулящими“ и позаботилось объ уничтоженіи этого разряда населенія, „понеже отъ таковыхъ, кои шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣяться не мочно, но токмо умножается воровство“. Такая точка зрѣнія уже обнаружилась, напримѣръ, въ одномъ указѣ 1700-го года, когда вольноотпущенныхъ, годныхъ въ военную службу, велѣно было писать въ солдаты, а остальнымъ „давать изъ приказа холопья суда на кабальныхъ людей кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, къ кому они идти похотятъ“. Впрочемъ, участь вольныхъ людей была окончательно рѣшена только двадцать слишкомъ лѣтъ спустя: въ указѣ 1 іюня 1722 года Петръ повторилъ то же предписаніе, касательно записки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ солдаты, а относительно остальныхъ повелѣлъ, чтобы они сами явились къ переписи и чтобы „никто изъ нихъ въ гулящихъ не былъ“, а каждый изъ нихъ „опредѣлялся бы въ другія службы или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службы не шатался“; „ежели же кто таковыхъ впредь поимаетъ, и оные сосланы будутъ въ галерную работу“. Такимъ образомъ, законъ попытался покончить съ разрядомъ вольныхъ государевыхъ людей; правда, имъ была предоставлена возможность приписываться и къ посадамъ, но, въ силу своего имущественнаго положенія, они едва ли могли воспользоваться даннымъ имъ преимуществомъ: на основаніи указа 1722 года большинство гулящихъ людей должно было превратиться въ крѣпостныхъ. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности классъ гулящихъ людей нельзя было вполнѣ уничтожить, но правительство долгое время отказывалось признать законность его существованія, такъ какъ отождествляло вольныхъ людей съ гулящими, а гулящихъ съ бездѣльниками и ворами [1]).

Законодательное упраздненіе разряда вольныхъ государевыхъ людей повело къ нѣкоторымъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшемъ развитіи крѣпостного состоянія: послѣ указа 1722 г. кабальное холопство теряло всякій смыслъ. И дѣйствительно въ силу указа 26 марта 1729 г. кабальные люди, даже назначенные, но не отосланные въ службу, записывались по требованію ихъ владѣльцевъ въ подушный окладъ за ними такъ же, какъ и дѣти кабальныхъ людей, что лишало ихъ возмож-

[1]) Отпускныя въ прежнее время выдавались не только холопамъ, но и крестьянамъ: ср. Уложеніе, XV, 3; XX, 11, 14, 53; примѣры см. въ Актахъ и проч., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 24; в. II, №№ 46, 51, 67—69, 72, 73, 77, 86. П. С. З., т. IV, №№ 1727, 1997; т. VI, № 4023; ср. т. VII, № 4145.

ности законно выходить въ свободное состояніе по смерти своихъ господъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ производства суднаго и земскаго приказовъ о запискѣ отпускныхъ (насколько можно судить по извѣстнымъ намъ даннымъ) мало-по-малу также прекращаются и появляется указъ о ссылкѣ гулящихъ людей, негодныхъ въ службу, въ случаѣ никто ихъ не приметъ, въ Сибирь на поселеніе (16 іюля 1729 г.).

Нужда правительства въ плательщикахъ была настолько велика, что Петръ рѣшилъ подвергнуть закрѣпощенію и нѣкоторыя другія группы населенія: въ нѣсколькихъ указахъ 1720—1723 гг. преобразователь велѣлъ помѣщикамъ включать въ свои сказки излишнихъ церковнослужителей, а дѣтьми прежде бывшихъ поповъ, дьяконовъ и причетниковъ владѣть тѣмъ, на чьихъ земляхъ они будутъ записаны въ подушный сборъ; въ особо же расположенныхъ погостахъ такихъ людей приписывать къ прихожанамъ, къ кому они похотятъ.

Въ тоже время въ числѣ второстепенныхъ способовъ установленія крѣпостного состоянія стало опредѣляться и укрѣпленіе по воспитанію: въ указѣ отъ 23 октября 1723 года постановлено малолѣтнихъ (ниже 10 лѣтъ), не помнящихъ, „чьи они прежде сего были“, отдавать для воспитанія желающимъ „въ вѣчное владѣніе“ и писать отданныхъ за ними же въ подушный сборъ [1]).

Итакъ, благодаря вышеприведеннымъ указамъ, крѣпостная зависимость распространилась на нѣсколько новыхъ общественныхъ группъ, до того времени свободныхъ отъ нея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и многіе законные способы выхода изъ крѣпостнаго состоянія прекратились [2]). Правда, въ эпоху преобразованій были допущены еще нѣкоторыя исключенія; законъ того времени, напримѣръ, обѣщалъ крѣпостному свободу за справедливый

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3481 и 3492; т. VIII, №№ 5392 и 5441; ср. П. С. З., т. XIII, № 9977. (указъ 1752 г. апр. 29) Аналогичныя мѣропріятія коснулись и дѣтей отставныхъ солдатъ, взятыхъ на службу изъ пашенныхъ людей, если они родились не послѣ переписи, а также дѣтей бывшихъ на пашнѣ дѣловыхъ людей, малолѣтнихъ (ниже 10 лѣтъ), непомнящихъ родства, подкидышей и незаконнорожденныхъ; ср. П. С. З., т. VII, № 4335; ср. т. XII, № 8966, п. 4.

[2]) По Уложенію холопъ, вышедшій изъ плѣна, или сосланный господиномъ со двора „въ голодное или въ иное какое время“ (по распросѣ объ этомъ), а также иноземецъ, принадлежащій владѣльцу не христіанскаго закона и воспринявшій православную вѣру (послѣдній—за окупъ въ 15 р.), получали свободу (Уложеніе, XX. 34, 41, 71; ср. П. С. З., т. VII, № 4556); тѣ же правила были распространены вообще на крѣпостныхъ; ср. еще Уложеніе, XIX, 38 и XX, 27. Отдача въ рекруты могла освободить человѣка отъ крѣпостной зависимости, при чемъ женамъ солдатскимъ, въ бытность мужей на службѣ, дозволялось отходить отъ помѣщиковъ; но отдача въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ господина; см. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., 202—203; *В. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. Изд. 2-е, т. I, стр. 386.

доносъ его на помѣщика въ пропускѣ душъ при ревизіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при утайкѣ бѣглыхъ; крѣпостные люди принимались и на военную службу, даже помимо воли ихъ господъ, что впрочемъ вскорѣ было разрѣшено только тѣмъ изъ нихъ, которые не были „написаны въ деревняхъ на пашнѣ"; наконецъ, правительство отказывалось возвращать крѣпостныхъ, бѣжавшихъ на заводы (и фабрики), или дозволяло имъ оставаться тамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они платили по прежнему оброки своимъ помѣщикамъ; но эти мѣры имѣли исключительный и временный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ такими исключеніями, правительство продолжало строго преслѣдовать бѣглыхъ и даже наказывало ихъ кнутомъ при отдачѣ; оно дошло до того, что одно время довело размѣры зажилыхъ денегъ до 100 рублей и угрожало вотчинникамъ и помѣщикамъ, пропустившимъ срокъ для возвращенія бѣглыхъ, лишеніемъ имѣній, а тому, кто не подастъ сказки о находящихся въ имѣніи бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ,—смертною казнью (ук. 1704 г.). Временный же характеръ вышеуказанныхъ мѣръ обнаруживается изъ исторіи послѣдующаго законодательства: оно обязало крѣпостнаго доносчика, получившаго свободу, въ теченіе года пріискать себѣ новаго владѣльца, а, въ противномъ случаѣ, отдавало его въ солдаты или прежнему господину; записка въ вольницу людей, „желавшихъ отбыть отъ помѣщиковъ своихъ", также прекратилась; уже въ 1722 г. велѣно было „тѣхъ людей, которые въ поданныхъ сказкахъ о душахъ мужескаго пола написаны, въ службу въ вольницу не принимать", а въ силу указа отъ 20 сентября 1727 года тоже запрещеніе было распространено и на „дворовыхъ людей боярскихъ и на крестьянъ", „не написанныхъ въ подушномъ окладѣ"; впрочемъ, такія запрещенія имѣли мало успѣха: правительству приходилось повторять ихъ и въ позднѣйшее время. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что дозволеніе крѣпостнымъ оставаться на заводахъ едва ли существенно мѣняло ихъ положеніе: вмѣстѣ съ приписными къ заводамъ и фабрикамъ, они подвергались эксплоатаціи и подчинялись власти ихъ владѣльцевъ, а съ развитіемъ дворянскихъ заводовъ и фабрикъ врядъ-ли могли выбраться изъ-за того владѣльца, за которымъ были записаны [1]). Такимъ образомъ, новые способы выхода крѣ-

---

[1]) П. С. З.. т. III, № 1623; т. IV, №№ 1980 и 2092; т. VI, №№ 3743 п. 6—7, 3754, 3923 и 3995; т. VII, №№ 4963 и 5161. Докл. и Приг. Сената, IV, 176. При возвращеніи бѣглыхъ могли возникать довольно сложные расчеты; см., наприм., П. С. З., т. VI, № 3939; о колебаніяхъ законодательства касательно пріема бѣглыхъ и его причинахъ см. *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 183—189; о переводѣ и переселеніи крестьянъ въ связи съ законодательствомъ, а также о ревизіяхъ см. *В. Дэнъ*, Населеніе Россіи по пятой ревизіи, М., 1902 г., т. I, стр. 54—58, 85—86, 95—96. Указъ 1742 г. см. въ П. С. З., т. XI, № 8577.

постныхъ изъ-за ихъ владѣльцевъ, допущенные Петромъ въ виду того же государственнаго интереса, изъ-за соблюденія котораго онъ содѣйствовалъ образованію класса крѣпостныхъ, вскорѣ потеряли значеніе: крѣпостное состояніе пріобрѣло болѣе замкнутый характеръ, чѣмъ прежде, и тѣмъ самымъ владѣльческіе крестьяне еще болѣе обособились отъ остальныхъ слоевъ населенія.

Вообще можно сказать, что послѣдующее законодательство (до 1762 года) лишь развило тѣ начала касательно прикрѣпленія, которыя были положены въ основу ревизіи 1718—1727 гг. Только стремленіе прикрѣпить человѣка къ человѣку выразилось въ немъ сильнѣе, въ виду крайняго увлеченія мыслью о томъ, чтобы „ни одинъ безъ положенія въ окладъ не остался", и благодаря тѣсной связи, которая была установлена правительствомъ между такимъ „положеніемъ" и закрѣпощеніемъ. Въ то время прежнія постановленія о холопахъ, гулящихъ людяхъ и церковникахъ, а также дѣтяхъ церковнослужителей и отставныхъ солдатахъ и дѣтяхъ ихъ, были подтверждены или развиты; тоже можно сказать и относительно плѣнныхъ и инородцевъ, включаемыхъ въ составъ крѣпостныхъ, а также пріемышей и незаконнорожденныхъ. Хотя, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, законъ и дозволялъ такимъ людямъ пріискивать себѣ помѣщика по желанію ихъ и предполагалъ со стороны послѣдняго согласіе „взять" ихъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязывалъ каждаго изъ нихъ въ извѣстный срокъ найти себѣ помѣщика, а правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ считало „приписку ихъ безъ желанія" правильною или даже, помимо подобнаго рода соображеній, запрещало принимать отъ записанныхъ показанія о томъ, что они записаны „въ неволю" [1]).

Вышеуказанный процессъ расширенія круга крѣпостныхъ отношеній, изъ котораго выходъ становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ, долженъ былъ, конечно, повліять и на развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными: она стала распространяться на большее число людей, въ меньшей мѣрѣ способныхъ ускользнуть изъ-подъ ея давленія; послѣднее условіе, въ связи

---

[1]) П. С. З., т XIV, № 10233, п. 6 и др. Въ силу указа отъ 6 мая 1736 года, изданнаго во время или вскорѣ послѣ голода, бѣглыхъ крестьянъ велѣно было наказывать по волѣ ихъ начальниковъ (въ дворцовыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ) или помѣщиковъ и ихъ повѣренныхъ (П. С. З., т. IX, № 6951); но этотъ указъ едва ли существенно облегчилъ положеніе бѣглыхъ: онъ только поставилъ ихъ въ большую зависимость отъ власти помѣщиковъ; ср. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 158: *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 190—210; *В. Семевскій*, Op. cit., I, 616—619. Впрочемъ, инструкція 1743 г. предписала въ нѣкоторыхъ случаяхъ производить изслѣдованіе о принадлежности помѣщикамъ тѣхъ людей, которыхъ они объявили за собою въ первый разъ, но не могли представить на нихъ укрѣпленія; такихъ людей велѣно было „писать за тѣми, кому они по слѣдствіямъ крѣпки найдутся" (П. С. З., т. XI, № 8836, ст. 4).

съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, содѣйствовало и усиленію ея, укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Преобразователь мало сдѣлалъ для того, чтобы обезпечить крѣпостныхъ отъ естественной склонности помѣщиковъ къ усиленію своей власти надъ ними: правда, онъ оставилъ за крестьянами право искать и отвѣчать въ судахъ отъ своего лица, а также запретилъ помѣщикамъ выставлять крестьянъ вмѣсто себя на судъ и подвергать ихъ правежу за господскіе долги; онъ попытался оградить произволъ владѣльцевъ относительно браковъ между крѣпостными и однажды рѣшительно высказался противъ продажи ихъ въ розницу; но большею частью онъ ограничивался тѣмъ, что старался нѣсколько оградить и расширить хозяйственную дѣятельность крестьянъ, „отягощенныхъ податьми", и то преимущественно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она могла быть выгодной для казны. Такъ, онъ разрѣшилъ помѣщичьимъ крестьянамъ записываться въ посады подъ условіемъ уплаты обычнаго крестьянскаго оброка помѣщику, а также соотвѣтствующихъ податей въ казну за свое крестьянство и отбыванія тягла вмѣстѣ съ посадскими людьми; онъ оставилъ за крестьянами возможность вступать въ разнаго рода имущественныя обязательства. Въ виду главнымъ образомъ государственнаго интереса, онъ также требовалъ, чтобы владѣльцы, подъ опасеніемъ денежнаго „штрафа" кормили своихъ старыхъ и увѣчныхъ людей и крестьянъ, „сбирая на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и на одежду съ обывателей тѣхъ селъ и деревень" и заставляя ихъ за то прокормленіе работать на себя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелѣлъ отдавать имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ и запустошившихъ свои земли въ завѣдываніе ихъ сродникамъ и свойственникамъ, а „которые не исправятся, и тѣхъ посылать подъ началъ до исправленія" [1]). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что важнѣйшія изъ этихъ мѣръ едва ли получили надлежащее осуществленіе: въ позднѣйшее время само правительство указывало на то, что помѣщики выгоняютъ своихъ старыхъ и дряхлыхъ крѣпостныхъ и что законъ объ отдачѣ „мучителей своихъ крестьянъ подъ смотрѣніе опекуновъ остался безъ дѣйствія" [2]). Остальныя же мѣры еще очень мало обезпечивали крестьянъ отъ стремленія по-

---

[1]) П. С. З., т. V, №№ 3212, 3294, п. 31 и 3213; т. VI, №№ 3949, 3963, п. 15 и 4047, п. 31; ср. т. VII, №№ 4168 и 4406; повторенія запрещеній относительно вынужденныхъ браковъ между крѣпостными (П. С. З., т. XI, № 8555, 1742 г. мая 21 и др.) показываютъ, что они имѣли мало успѣха.—Ул., XX. 43.П. С. З., т. III, №№ 1666, 1723 и 1775; т. V, №№ 2770 и 3294; т. VI, № 3770; т. VII, №№ 4312 и 4432. Докл. и Приг. Сената, IV, 65—67, 91—92; V, 17—18, 74—77, 430—431, 826, 1219. Ср. *К. Побѣдоносцевъ*, Акты и пр., стр. 220—224, 284 и Op. cit. стр. 150—156.

[2]) П. С. З., т. XXI, № 15603. *Имп. Екатерина II*, Наказъ, ст. 256. Ср., впрочемъ, *В. Татищевъ*, Op. cit., Врем., XII, 22.

мѣщиковъ произвольно расширить объемъ своей власти надъ ними; ни природа, ни границы ея не были опредѣлены въ законѣ; такимъ образомъ, развитіе ея въ значительной степени зависѣло отъ самихъ помѣщиковъ.

Въ то же время землевладѣльцы все чаще начинали высказывать взглядъ на своихъ крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу; правда, и въ XVII вѣкѣ они уже заботились иногда о томъ, чтобы крестьяне ихъ „не гуляли даромъ", но едва ли съ той сухой разсудительностью и строгою послѣдовательностью, которая обнаруживается въ инструкціяхъ по вотчинному управленію, сочиненныхъ младшими современниками реформы. Татищевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, въ своихъ экономическихъ запискахъ, совѣтуетъ, напримѣръ, „всего вящше смотрѣть дабы лѣтомъ во время работы [на помѣщика] ни малой лѣности и дальнего покою крестьянамъ происходить не могло, кромѣ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы": но и по окончаніи работы на помѣщика, должно „принуждать крестьянъ [дѣлать] свою, а не давать имъ то на волю". Хотя сочинитель экономическихъ записокъ заботится о томъ, чтобы лѣтнія работы производились вечеромъ, ночью и утромъ, а не днемъ, въ самое жаркое время, но, предоставляя крестьянамъ „въ самый жаръ, отъ десятаго до четвертаго часу пополудни имѣть свободу", онъ тутъ же рекомендуетъ „и всякой скотъ на жаръ не пускать, а имѣть въ хлѣвахъ". Съ такой точки зрѣнія на крестьянина хозяйственное положеніе его зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика: онъ могъ взять крестьянина къ себѣ во дворъ, т. е. въ дворовые или оставить его на пашнѣ, смотря по нуждѣ; онъ иногда считалъ возможнымъ наказать плохого хозяина-крестьянина лишеніемъ его своего дома и отдачею его другому въ батраки безъ заплаты, „а его", лѣнивца, „совѣтовалъ имѣть работникомъ, пока онъ заслужитъ хорошую похвалу"; онъ приказывалъ „женить его неволею" въ виду хозяйственнаго или иного какого либо расчета; онъ могъ посадить его на барщину или наложить на него оброкъ, причемъ продолжалъ требовать съ него и „мелкій доходъ". Насколько увеличились такіе платежи, видно изъ роста денежнаго оброка: въ 1724 году по правительственной оцѣнкѣ онъ доходилъ до 40 коп. съ души, а въ 1760 году сенатъ пришелъ къ заключенію, что въ то время помѣщики почти нигдѣ не получали меньше 1 руб. съ души, причемъ сами помѣщики напримѣръ Татищевъ полагали, что каждое тягло (т. е. мужъ съ женою) будетъ въ состояніи заплатить „безъ тягости" всего на всего до 10 рублей [1]). Съ той же точки зрѣнія на крѣпост-

[1]) Положеніе издѣльныхъ и оброчныхъ крестьянъ того времени рисуютъ письма къ А. И. Безобразову отъ разныхъ лицъ, около 1680—81 гг. (Врем. М. О. И. и Д.,

ного какъ на рабочую силу, помѣщикъ менѣе разсудительный, чѣмъ извѣстный писатель и публицистъ, или болѣе его нуждавшійся въ средствахъ, могъ обратиться къ ничѣмъ не сдерживаемой эксплоатаціи своихъ „подданныхъ". По свидѣтельству Посошкова, „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать: и тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или, что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола"... Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда выгоднѣе было продать своего крѣпостного, помѣщикъ принимался торговать людьми; проданные или попадали въ такую же „неволю" къ новому господину, или въ рекруты; отдача въ наемъ людей въ рекруты, вѣроятно, вскорѣ смѣнилась продажею ихъ, производившейся въ разбивку, преимущественно мелкими владѣльцами и лишавшею крестьянскую семью лучшихъ ея силъ. А противъ „лѣнивцовъ" или строптивыхъ крѣпостныхъ они могли прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ или къ жестокой расправѣ, на которую трудно было жаловаться: когда въ 1762 году, напримѣръ, возникло дѣло о смерти двороваго человѣка, умершаго отъ побоевъ и истязанія, причиненныхъ господиномъ, то юстицъ-коллегія уклонилась отъ приговора на томъ основаніи, что не имѣла на этотъ случай точныхъ указовъ [1]). Само собою разумѣется, что безконтрольная помѣщичья власть не всегда доходила до такихъ крайностей, вынуждавшихъ усиленные побѣги крестьянъ или ихъ волненія; но отдѣльные случаи злоупотребленій помѣщиковъ могли имѣть мѣсто и, вѣроятно, возникали чаще прежняго [2]).

IX, 52—61; XVII, 8—9) и приказы кн. П. М. Долгорукова 1700, 1701, 1704 и 1705 гг. (*И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 219—234). *В. Татищевъ*, Краткія экономическія записки въ Врем. Моск. Общ. Ист. и др., т. XII, смѣсь, стр. 12—30; см. еще *А. Волынскій*, Инструкція дворецкому Нѣмчинову въ Москвитянинѣ 1854 г., №№ 1—2; *П. Бестужевъ-Рюминъ*, Инструкція пошехонской вотчины прикащику до 1744 года въ Рус. Арх. 1904 г., № 1. *П. Ивановъ*, Op. cit. въ Др., т. I в. 3, стр. 522. Ср. С. Р. И. О., XXXVI, 264, 265—266 и П. С. З., т. VI, № 4069.

[1]) *И. Посошковъ*, Соч., I, 182—183. П. С. З., т. XV, № 11450; ср. Уложеніе, XX, 92.

[2]) Бѣглые крестьяне, принимаемые помѣщиками, при требованіи возвратить ихъ, иногда обирались своими новыми владѣльцами, а вслѣдъ за тѣмъ выгонялись ими вонъ изъ имѣнія; см. П. С. З., т. VI, № 3939, п. 13 (1722 г.), а

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ законъ даже благопріятствовалъ развитію помѣщичьей власти. При производствѣ ревизіи 1718—1727 гг., напримѣръ, самимъ помѣщикамъ велѣно было писать въ сказки „всѣхъ своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были“ и по сказкѣ владѣльца ихъ стали включать въ перепись; такъ какъ всѣ „деревенскіе“ жители должны были записаться за какимъ нибудь владѣльцемъ, то теперь можно было легче, чѣмъ когда бы то ни было раньше, записать за собою вольнаго человѣка, помимо его желанія и даже вопреки его волѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя записанный и могъ предъявлять искъ объ утраченной имъ свободѣ, но если судебное мѣсто признавало искъ его неправильнымъ, то челобитчику грозила строгая кара: въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, напримѣръ, его, въ качествѣ ослушника, подвергали тѣлесному наказанію за своевольство, а позднѣйшее законодательство даже постановило, что всѣ люди, въ теченіе первыхъ двухъ ревизій записанные въ крѣпостное владѣніе, лишаются права доказывать незаконность записки [1]). Далѣе, возлагая отвѣтственность за платежную исправность крѣпостныхъ на ихъ владѣльцевъ (1722 г.), законъ поставилъ въ самую тѣсную зависимость отъ ихъ разрѣшенія временныя отлучки подвластныхъ имъ людей; въ силу плаката 1724 года, помѣщики могли отпускать своихъ крестьянъ не иначе, какъ съ письменнымъ видомъ, даннымъ на срокъ. Задолго до появленія извѣстнаго плаката и другія права крестьянъ уже стали стѣсняться: въ 1707 году запрещено было отдавать имъ таможенные и питейные сборы на откупъ, а вслѣдъ затѣмъ законъ потребовалъ, чтобы крестьянинъ, желающій ѣхать въ городъ для подрядовъ, запасался свидѣтельствомъ за подписью помѣщика или его дворецкаго или стряпчаго о своемъ достаткѣ (1724) [2]). Наконецъ, указомъ 1717 года было постановлено, что всѣмъ повольно нанимать людей въ рекруты, а въ 1720 году разрѣшено вмѣсто сибирской губерніи служилыхъ людей всякихъ чиновъ и дѣтей ихъ, впрочемъ, кромѣ шляхетства, принимать и купленныхъ людей въ рекруты; законъ, слѣдовательно, дозволилъ, хотя и въ ограниченномъ еще размѣрѣ, ту торговлю людьми, которая окончательно была предоставлена помѣщикамъ указомъ отъ 4 декабря 1747 года [3]). Такимъ обра-

---

также *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 100—101. Извѣстія о крестьянскихъ волненіяхъ см., напримѣръ, въ Докл. и Приг. Сената, IV, 227.

[1]) П. С. З., т. XII, №№ 8941, 8966; т. XIII, № 9781; т. XIV, № 10233, п. 5.

[2]) П. С. З., т. VI, №№ 3939, п. 4; здѣсь уже встрѣчается подобнаго рода предписаніе; плакатъ 1724 см. въ П. С. З., т. VII, № 4533, пп. 12, 13 и 14; при отлучкѣ на разстояніе болѣе 30 верстъ или въ другой уѣздъ требовались еще подписи земскаго коммисара и полковника. П. С. З., т. IV, № 2165; т. VII, № 4432.

[3]) П. С. З., т. V, № 3135; т. VI, № 3669; ср. т. XII, № 9456.

зомъ, уже въ эпоху преобразованій самъ законъ давалъ нѣкоторыя права помѣщикамъ на ихъ крѣпостныхъ и прямо содѣйствовалъ развитію ихъ власти тѣмъ болѣе, что оставилъ границы ея безъ опредѣленія. Та же обязанность помѣщика вносить подушныя деньги за своихъ крестьянъ должна была отстранить послѣднихъ отъ непосредственныхъ сношеній съ мѣстной администраціей; представляя нѣкоторыя выгоды, такой порядокъ усиливалъ, однако, зависимость крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ и, вѣроятно, давалъ имъ поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ относительно крестьянскаго имущества [1]).

Законодательная политика Петра подготовила кромѣ того нѣкоторыя изъ условій, благопріятствовавшихъ послѣдующему развитію сословныхъ привилегій дворянства, и такимъ образомъ косвенно повліяла на тотъ же процессъ развитія крѣпостного права. Въ связи съ военною реформой измѣнилась и система вознагражденія служилымъ людямъ за ихъ службу: вмѣсто помѣстныхъ окладовъ, они стали получать постоянное денежное жалованье, опредѣленное новыми штатами; но помѣстныя земли остались у прежнихъ ихъ владѣльцевъ, обязанныхъ личною службою. Сліяніе вотчинъ съ помѣстьями, фактически уже наступившее въ предшествующемъ періодѣ, было признано въ извѣстномъ указѣ 23 марта 1714 года: вотчины и помѣстья (а также дворы и лавки) были подведены съ того времени подъ одно общее понятіе „недвижимаго"; одинаковыя права на вотчинныя и помѣстныя земли, впрочемъ ограниченныя соблюденіемъ пунктовъ о единонаслѣдіи, были предоставлены владѣльцамъ. Указъ 1714-го года былъ изданъ преимущественно въ виду „государственнаго интереса"; но съ отмѣною пунктовъ о единонаслѣдіи, законъ 1731 года окончательно установилъ „какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно недвижимое имѣніе, вотчина"; владѣльца же ея стали называть помѣщикомъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостные, жившіе въ „деревняхъ", которыя принад-

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3901. [Ген.-анш. кн. А.?] Голицынъ, сторонникъ мысли о предоставленіи крестьянамъ права на движимую собственность, писалъ, однако, въ своемъ проектѣ, вѣроятно, составленномъ въ 1760-хъ годахъ: „но какъ для бездоимочнаго сбора государственныхъ податей, оное не иначе быть можетъ какъ на отвѣтѣ помѣщичьемъ, то въ таковомъ случаѣ властенъ помѣщикъ изъ собственнаго крестьянскаго взять столько, сколько потребно для заплаты податей, что и въ неисправномъ платежѣ помѣщичья оброка учинить право имѣетъ".

[2]) П. С. З., т. V, № 2789. „Пункты, читаемъ мы въ высочайше утвержденномъ докладѣ г.-кв. кн. Вяземскаго отъ 26 апр. 1764 г., хотя и отставлены, но въ одномъ только первенствѣ, а въ прочемъ во всемъ имѣютъ свою силу" (П. С. З., т. XVI, № 12140); указъ 1731 г. въ П. С. З., т. VIII, № 5717. „Помѣстныя дачи окончательно прекращены указомъ 21 марта 1736 г." (*К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit. стр. 219—220).

лежали шляхетству, становились въ болѣе зависимое положеніе отъ дворянъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Владѣлецъ населеннаго имѣнія уже смотрѣлъ на него какъ на собственность, владѣемую имъ не подъ условіемъ службы, а независимо отъ нея, хотя бы онъ все еще оставался обязаннымъ лично служить государству; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ готовъ признать и жившихъ на его собственной землѣ крестьянъ своимъ имуществомъ. Образованіе дворянской недвижимой собственности имѣло, кромѣ того, важное значеніе и въ послѣдующемъ развитіи исключительнаго права дворянъ владѣть имѣніями, населенными крестьянами. Въ позднѣйшихъ указахъ, встрѣчаются ссылки на указъ отъ 1 Февраля 1721 года для доказательства того, что посадскимъ, а также боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ деревни имѣть и людей и крестьянъ покупать запрещено, а отсюда впослѣдствіи легко было вывести, что такія права принадлежатъ однимъ „благороднымъ". Въ то же время дворяне были освобождены и отъ личныхъ податей: въ силу указа 1721 г., велѣно было не записывать дворянъ въ ревизскія сказки; между крѣпостнымъ и дворяниномъ, записываемымъ только въ герольдмейстерскіе списки, установилась разница въ податномъ отношеніи: крѣпостной платилъ подушную подать, а дворянинъ только отвѣчалъ передъ правительствомъ въ исправности ея уплаты. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что между ними уже начинала чувствоваться и сословная рознь; она между прочимъ отразилась въ оффиціальной терминологіи: людей „подлыхъ" начали противополагать „благороднымъ"; послѣдніе, благодаря реформѣ, стали отличаться отъ своихъ подданныхъ внѣшнимъ обликомъ, а иногда и сословными тенденціями, слагавшимися у нихъ подъ вліяніемъ знакомства съ аналогичными явленіями въ жизни западно-европейскихъ обществъ [1]).

Вышеуказанныя обстоятельства должны были, конечно, съ теченіемъ времени способствовать развитію сословныхъ први-

---

[1]) П. С. З., т. VI, №№ 3802, 3869; т. XII, 9627. Впрочемъ, реформа содѣйствовала и развитію потребности въ просвѣщеніи. Волынскій заботился о томъ, чтобы въ его деревняхъ было по нѣсколько человѣкъ, умѣющихъ грамотѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть „своихъ писцовъ" (*А. Волынскій*, Инструкція и пр. 1724 г. въ Москвит. 1854, № 1, стр. 12). Татищевъ рекомендуетъ „крестьянскихъ ребятъ учить грамотѣ и писать... и всевозможными силами къ тому ихъ принуждать" (*В. Татищевъ*, Op. cit., Врем., XII, 18). Бестужевъ-Рюминъ въ своей инструкціи, составленной до 1744-го года, считаетъ нужнымъ принуждать крестьянъ учить своихъ дѣтей грамотѣ, а за ученье велитъ „платить (имъ) изъ оброчныхъ денегъ или отцу зачитать за оброкъ" (*П. Бестужевъ-Рюминъ*, Инструкція въ Рус. Арх., 1904, № 1, стр. 34); но помѣщиковъ, которые дѣйствительно осуществляли бы такіе планы, все еще было очень мало, даже въ позднѣйшее время; см. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 276—288.

легій дворянства; но въ эпоху преобразованій онѣ далеко еще не сложились и не могли въ полной мѣрѣ оказать вліяніе на характеръ помѣщичьей власти. Такъ какъ крѣпостные давно уже были оторваны отъ земли, то и владѣніе ими безъ земли, вопреки вышеприведенной ссылкѣ, становилось возможнымъ, за весьма малочисленными исключеніями, тому, кто платилъ за нихъ подушную подать; да и законодательство стало рѣшительно ограничивать право владѣть крѣпостными лишь въ позднѣйшее время (ср. указъ 1746 г.). Въ началѣ XVIII-го вѣка бывали даже случаи, когда крѣпостной владѣлъ крѣпостнымъ; еще въ 1766-мъ году сенатъ насчитывалъ за людьми разныхъ чиновъ, которые не имѣли деревень и которымъ указами имѣть крѣпостныхъ людей не запрещено, до 9944 душъ, а за купечествомъ—дворовыхъ людей 3036 человѣкъ, вѣроятно, записанныхъ за нимъ до 1746-го года. Кромѣ того, нельзя говорить о сословныхъ привилегіяхъ дворянства въ эпоху преобразованій, такъ какъ послѣднее наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ обязано было служить государству и притомъ служило ему лично, на военной и гражданской службѣ и начиная съ самыхъ низшихъ ступеней ея: преобразователь отождествлялъ понятіе благородства съ понятіями службы государству и образованіемъ, нужнымъ для службы, а за уклоненіе отъ нея грозилъ дворянамъ конфискаціей имѣній и другими наказаніями [1]).

Противоположность между безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ и привилегіями дворянства обозначилась только въ переходное время, наступившее послѣ эпохи преобразованій, когда высшій слой служилаго дворянства сталъ оказывать существенное вліяніе на законодательную политику. Съ развитіемъ взгляда на крѣпостныхъ, какъ на частную собственность ихъ владѣльцевъ, многія права, которыми крѣпостные фактически продолжали еще пользоваться, были отмѣнены, а власть помѣщиковъ—расширена самимъ закономъ; тогда же сложились и сословныя привилегіи дворянства.

Въ то время крестьяне лишились права свободно отправляться „для работы на суда“ безъ помѣщичьяго пропуска (1726 г.), пріобрѣтать недвижимыя имѣнія (1730 г.), заводить фабрики (суконныя, 1734 г.), вступать (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ) въ откупы и подряды (1731 г.), наконецъ обязываться векселями и принимать на себя поручительства безъ дозволенія владѣльцевъ (1761 г.) [2]). Одновременно воз-

---

[1]) *А. Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи и пр., Спб. 1870, стр. 115—152.

[2]) П. С. З., т. VII № 4942; т. VIII, №№ 5633, 5789, п. 22, ст. 2: „крестьянъ ни въ откупы, ни въ подряды не допускать, кромѣ найму подводъ и судовъ и какихъ либо работъ“; т. IX, № 6551; т. XIV, № 10237, гл. 30, п 5; т. XV № 11204.

росла и власть помѣщиковъ надъ крѣпостными: въ 1747 году законъ разрѣшилъ помѣщикамъ продавать своихъ дворовыхъ и крестьянъ, кому угодно, для отдачи въ рекруты, съ обязательствомъ платить подушныя деньги за проданныхъ; подтвердивъ старинное правило, что судъ въ взаимныхъ спорахъ и искахъ крѣпостныхъ людей между собою принадлежитъ ихъ владѣльцамъ, законъ предоставилъ имъ въ 1760 году право „по желанію" ссылать дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь на поселеніе; впрочемъ, указъ 1760 года имѣлъ въ виду колонизаціонныя цѣли и относился только къ тѣмъ случаямъ, когда ссылаемый оказывался годенъ къ крестьянской и другой работѣ и былъ не старѣе 45 лѣтъ; правительство обѣщало даже зачитывать такихъ ссыльныхъ въ рекруты [1]). Хотя въ то же время правительство опредѣляло обязанности помѣщиковъ, но только тѣ изъ нихъ, которыя имѣли прямое отношеніе къ „государственному интересу", понимаемому въ довольно узкомъ смыслѣ слова. Въ отдѣльныхъ „нужныхъ случаяхъ", напримѣръ, оно принимало во вниманіе обычай, въ силу котораго помѣщикъ долженъ былъ содержать своихъ людей и крестьянъ, и настаивало на соблюденіи его, когда получало извѣстія о его нарушеніи; ослушникамъ такихъ предписаній оно даже грозило строгимъ наказаніемъ; но мотивируя свои указы, главнымъ образомъ, тѣмъ, что бы крестьяне, лишенные пропитанія, не „шатались" и не просили милостыни и рекомендуя владѣльцамъ „отнюдь не пускать" ихъ „шататься", оно вмѣстѣ съ тѣмъ предписывало жестоко наказывать тѣхъ крестьянъ, которые будутъ въ состояніи пропитаться, а „промышлять того сами не будутъ" [2]). Правительство также требовало, чтобы помѣщики имѣли „надлежащее смотрѣніе за своими людьми", что видно изъ сенатскаго рѣшенія дѣла Быкова, владѣлецъ котораго былъ наказанъ „за содержаніе его въ своевольствѣ" [3]). Главная обязанность помѣщика состояла, однако, по прежнему въ отправленіи финансовыхъ функцій; общія правила объ этой обязанности нашли себѣ мѣсто и въ законѣ. Такъ какъ указъ 1722 года нарушался самою же мѣстною администраціей, то въ регламентѣ камеръ-коллегіи, напримѣръ, было постановлено, чтобы помѣщики или, за отсутствіемъ ихъ, прикащики и старосты платили подушныя деньги за крестьянъ, причемъ если

---

[1]) П. С. З., т. VIII № 5333 (наказъ губернаторамъ 1728 г., ст. 13); т. X, № 7339, п. 14; т. XII, № 9456; т. XV, № 11166; поселенцевъ, если они были женаты, велѣно было отправлять съ женами: помѣщикъ могъ по желанію „отдать" вмѣстѣ съ родителями и дѣтей, за что получалъ денежное вознагражденіе.

[2]) П. С. З., т. IX, №№ 6570, 6653, 6682; т. XIII, №№ 9709 и 9992; т. XV, № 11203.

[3]) П. С. З., т. IX, № 6951; т. XV, № 10832 (1758 г., мая 2).

„крестьяне прикащиковъ и старостъ слушать не будутъ, въ томъ имъ вспомогать по ихъ требованію“; въ тѣхъ же случаяхъ, когда подати своевременно уплачены не будутъ, предписывалось „править ихъ съ помѣщиковъ, а гдѣ помѣщиковъ нѣтъ, на прикащикахъ и старостахъ обще и ихъ понуждать, чтобы они сбирали съ крестьянъ“. Еще позднѣе помѣщики были освобождены даже отъ наказанія за недоимки своихъ крестьянъ; за ними осталась только обязанность сбирать подати съ своихъ подданныхъ, а наказанію за недоимки подлежали одни прикащики, старосты и выборные. Такимъ образомъ, главнѣйшее отношеніе, въ которомъ крѣпостные стояли къ государству, переносилось на помѣщика: онъ почти окончательно заслонилъ своихъ людей и крестьянъ отъ государства; послѣднее дѣйствовало только черезъ его посредство. Съ такой точки зрѣнія можно было исключить крестьянъ (пашенныхъ) изъ вѣрноподданнической присяги, къ которой всякаго чина люди были приведены въ силу указа 25 ноября 1741 года [1]).

Наконецъ, въ то же время стали складываться и сословныя привилегіи дворянства, поставившіе его въ исключительно выгодное положеніе относительно крѣпостныхъ. Уже въ 1739 году было постановлено: „за кѣмъ деревень нѣтъ, за тѣми ни за кѣмъ въ подушный окладъ никого не писать“; но такая записка была равносильна отдачѣ въ крѣпость: значитъ, отсюда можно было вывести, что одни землевладѣльцы имѣютъ право пріобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ право владѣть деревнями стало превращаться въ сословную привилегію дворянства, чѣмъ и объясняется рядъ попытокъ пріурочить владѣніе имѣній, населенныхъ крѣпостными, къ одному дворянству. Вслѣдъ за запрещеніемъ дворовымъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ вообще пріобрѣтать недвижимыя имѣнія (25 октября 1730 г.), уже указомъ 14 марта 1746 года постановлено запретить только-что поименованнымъ разрядамъ населенія, а также купечеству, казакамъ, ямщикамъ и разнымъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, покупать людей и крестьянъ съ землями. Тотъ же принципъ проводится въ межевой инструкціи 1754 года [2]); она запрещаетъ крестьянамъ государственнымъ и помѣщичьимъ, купцамъ, приказнымъ служителямъ не шляхетскаго происхожденія и нижнимъ чинамъ не оберъ-офицерскаго ранга владѣть землями вообще и въ частности землями, населенными кресть-

---

[1]) П. С. З., т. VIII № 5789, п. 6; т. XI № 8474; т. XV, № 11429.

[2]) П. С. З., т. XII, № 9267; тутъ же упомянуты архіерейскіе слуги и „дѣти боярскіе“; но вмѣсто послѣдняго термина ниже стоитъ: „люди боярскіе“: т. XIV, № 10237; тоже запрещеніе распространено и на женъ ихъ, но впослѣдствіи оно было ограничено въ жалованной грамотѣ 1785 г. (§ 7); т. XV, №№ 10746 и № 10855.

янами. Наконецъ, вслѣдствіе приведеннаго постановленія въ 1758 году было повелѣно людямъ, „находящимся въ военной и иныхъ службахъ, кои въ службу вступили не изъ шляхетства, но изъ посаженныхъ въ подушный окладъ и другихъ званій, а оберъ-офицерскихъ ранговъ не имѣютъ“, продать свои имѣнія (значитъ и имѣнія, населенныя крѣпостными) въ полугодичный срокъ. Впрочемъ, въ пользу „купецкихъ людей“ было сдѣлано одно исключеніе, которое оставалось въ силѣ и послѣ 1746 года: еще въ 1721 году имъ было разрѣшено покупать деревни къ заводамъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣднія „всегда были уже при тѣхъ заводахъ“; указъ 1721 года, противорѣчившій новой сословной точкѣ зрѣнія, утратилъ, однако, значеніе съ того времени, когда, въ 1762 году, „всѣмъ заводчикамъ и фабрикантамъ“ было запрещено („пока новое уложеніе конфирмовано не будетъ“) покупать деревни съ землею и безъ земли къ своимъ заводамъ и фабрикамъ.—Подобныя же ограниченія, но съ бо̀льшими колебаніями, были сдѣланы и относительно владѣнія крѣпостными безъ земли. Само собою разумѣется, что „подлые“ люди фактически продолжали во многихъ случаяхъ владѣть крѣпостными, особенно дворовыми. При производствѣ первой ревизіи, дворовые люди посадскихъ и мастеровыхъ были записаны за ними: въ 1746 году сенатъ постановилъ записать тѣхъ людей за ними же. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, относительно „владѣнія“ пріемышами) правительство также допускало исключенія въ пользу людей не шляхетскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе указы 25 октября 1730 года и 14 марта 1746 года, уже приведенные выше, относились и къ покупкѣ людей и крестьянъ безъ земли; тотъ же принципъ примѣненъ и въ одномъ указѣ 1758 года, воспретившемъ приказнослужителямъ покупать крѣпостныхъ безъ земли. Такая политика, вѣроятно, отразилась на положеніи крѣпостныхъ: по мѣрѣ развитія исключительнаго права дворянства владѣть населенными землями и покупать крѣпостныхъ, суживался и тотъ кругъ владѣльцевъ, изъ числа которыхъ можно было выбирать себѣ господина; а власть дворянина-помѣщика, естественно, должна была увеличиться, такъ какъ все въ меньшей мѣрѣ считалась въ пріемѣ свободныхъ людей въ крѣпость съ конкуренціей владѣльцевъ не шляхетскаго происхожденія. Между тѣмъ положеніе крѣпостныхъ у такихъ владѣльцевъ по закону было нѣсколько иное, чѣмъ у дворянъ: въ силу указа отъ 13 декабря 1725 года, напримѣръ, „купеческимъ крѣпостнымъ людямъ велѣно было судомъ и расправою быть вѣдомымъ, какъ и самимъ купцамъ, въ главномъ магистратѣ“; нельзя указать соотвѣтствующихъ узаконеній касательно дворянскихъ крѣпостныхъ людей: за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій

всѣ остальные [1]). Это ухудшеніе въ ихъ участи произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда крѣпостниковъ на своихъ подданныхъ, и болѣе суровыхъ проявленій помѣщичьей власти; такой взглядъ, разумѣется, не всякимъ помѣщикомъ признавался и не всегда приводилъ къ дѣйствительному ухудшенію въ положеніи крестьянъ: но приниженное и безправное положеніе крѣпостныхъ благопріятствовало его развитію и вполнѣ допускало возможность его примѣненія на практикѣ, что уже сознавали и современники [2]).

Съ того времени, когда помѣщики-дворяне начали пріобрѣтать внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи и проникаться сословными интересами, къ прежнему взгляду ихъ на крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу, кажется, сталъ присоединяться новый оттѣнокъ. Теперь „благородные“ гордились своей „наружностью“, знаніемъ французскаго языка, а нѣкоторые и кое-какимъ образованіемъ, полученнымъ ими въ сословно-дворянскихъ школахъ: благодаря ему они даже теряли иногда способность „уразумѣть“ крестьянъ и между прочимъ знакомились съ сословными традиціями западно-европейскаго дворянства. Естественно, что при такихъ условіяхъ русскіе дворяне, уже сознававшіе свою принадлежность къ единому „корпусу“ дворянскому, стали противополагать себя, въ качествѣ „особливаго рода людей“, своимъ крѣпостнымъ; современные сатирики указывали на владѣльцевъ, „гнушавшихся тѣми рабами“, которые „трудились для удовольствованія страстей ихъ“. Косвенное указаніе на существованіе подобнаго рода настроенія среди дворянъ можно найти хотя бы въ томъ, что они часто называли людей другихъ сословій „подлыми“: выраженія: „чернь“ (сволочь: ср. фр. canaille) и „подлые“ иногда получали одинаковый смыслъ: значитъ, слово „подлые“ на такомъ „модномъ нарѣчіи“ могло означать не только людей, занимавшихъ низшія ступени общественной лѣстницы, но и людей приниженныхъ, даже презрѣнныхъ. Сумароковъ, извѣстный сторонникъ крѣпостного права, полагавшій, что „низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“, придавалъ, напримѣръ, термину „подлые“ унизительное значеніе, когда возставалъ противъ обычая своихъ современниковъ называть „земледѣльцевъ и ремесленниковъ“ подлымъ народомъ. А между тѣмъ въ такой терминологіи обнаруживалось и особаго рода отношеніе дворянъ-помѣщиковъ къ крестьянамъ, рѣзко осмѣянное въ луч-

---

[1]) *В. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е, стр. VII—VIII, 17 и 18. Г. Денъ для третьей ревизіи, производившейся въ 1761—1764 гг., принимаетъ нѣсколько меньшую цифру всего податного населенія, а именно 7.363.384 д. м. п., а не 7.418.273. (*В Денъ*, Op. cit., I, 91).

[2]) С. Р. И. О., XXXII, 478; ср. Рус. Стар. 1876 г., т. XVI, стр. 568.

шемъ изъ нашихъ сатирическихъ журналовъ шестидесятыхъ годовъ: тамъ изображенъ, напримѣръ, типъ помѣщика, который „боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне: а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы"... „онъ не только не говоритъ съ ними ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію передъ нимъ по землѣ распростираются". И хотя этотъ типъ, конечно, отзывается утрировкой, однако, его нельзя считать простою выдумкой: въ своемъ извѣстномъ разсужденіи о крѣпостномъ состояніи Полѣновъ замѣтилъ, что „вмѣсто почтенія мы платимъ [крестьянамъ] презрѣніемъ" [1]).

Съ указанной точки зрѣнія, въ сущности исключавшей уваженіе человѣка къ человѣку, помѣщикъ-дворянинъ легко могъ позабыть „умѣренность во владѣніи своими подданными" и придать своей власти суровый и даже жестокій характеръ. Въ сатирическихъ журналахъ того времени можно встрѣтить изображеніе крайняго типа такого владѣльца: онъ убѣжденъ, что „всякій помѣщикъ, ежели хорошо услуженъ быть хочетъ", долженъ быть „тираномъ своимъ служителямъ": онъ настаиваетъ на томъ, чтобы „одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послу-

---

[1]) Перемѣна въ значеніи слова „смердъ" была уже указана выше, стр. 11; къ приведеннымъ тамъ примѣрамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ изъ Софійской первой лѣтописи, гдѣ въ сравнительно позднѣйшихъ спискахъ подъ 6879 годомъ рязанцы названы „налаумными смердами" (П. С. Р. Л., V, 239). Герберштейнъ также замѣчаетъ, что „у благородныхъ и воиновъ поселяне называются крестьянами (christiani) въ презрительномъ смыслѣ или черными людишками" (пер. Н. Анонимова, стр. 85); можно думать, однако, что въ то время на положеніе ихъ смотрѣли скорѣе какъ на приниженное, чѣмъ какъ на презрѣнное. Уже Волынскій разсуждалъ, однако, о „замерзѣлой грубости" крестьянъ (*А. Волынскій*, Op. cit., Москв. 1854 г., февр., стр. 38). Послѣдняя точка зрѣнія стала развиваться, кажется, лишь въ позднѣйшее время. Полѣновъ еще называлъ крестьянъ „подлѣйшимъ" изъ общественныхъ состояній, повидимому, не придавая этому термину унизительнаго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что недостатки, свойственные „простому народу, дѣлаютъ намъ его не только презрительнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ненавистнымъ" (*А. Полѣновъ*, Op. cit., ib., стб. 8, 13, 16, 29, 30). „Подлый народъ, писалъ Сумароковъ, бездѣльники, а не земледѣльцы и не ремесленники. Земледѣльцы не подлый народъ. У насъ это имя дается всѣмъ тѣмъ, кто не дворянинъ. О, несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и пострамленія! Истинная чернь—невѣжды, хотя и великіе чины имѣли, богатство крезово, и вели свой родъ отъ Зевеса и Юноны, которыхъ никогда не было: отъ сына Филиппова побѣдителя, или лучше сказать разорителя вселенной". („*С. Глинка*, Очеркъ жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова; ч. I, стр. 72—73). Ср. еще С. Р. И. О., XXXII, 405 „Трутень" Н. Новикова, 1769 г. л. XIV, изд. П. Ефремова, стр. 147. Живописецъ 1772 г. Н. Новикова, л. XIII, изд. П. Ефремова, стр. 81.

шаніи". И дѣйствительно, бывали помѣщики, которые рѣшались открыто называть крестьянъ вообще „лѣнивыми и отягощенными, уторопленными и упорными"; упуская изъ виду, что „отъ лишеннаго всѣхъ правъ человѣчества и тѣмъ въ конечное уныніе приведеннаго человѣка, ничего лучшаго ожидать не должно" и, очевидно, по убѣжденію, склоняясь къ подобнаго рода системѣ вотчиннаго управленія и суда, нѣкоторые изъ нихъ „жесточайшимъ истязаніемъ наказывали иногда самые малѣйшіе проступки своихъ людей и крестьянъ" [1]).

Такое настроеніе тѣмъ тяжелѣе могло отзываться на положеніи крѣпостныхъ, что владѣльцы открыто признавали ихъ своею собственностью: стоитъ только заглянуть въ „извѣстія" старинныхъ газетъ о продажѣ крѣпостныхъ для того, чтобы убѣдиться, насколько взглядъ подобнаго рода утвердился въ „вѣкъ просвѣщенія". Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1796 и 1798 гг. встрѣчаются, напримѣръ, объявленія въ родѣ слѣдующихъ: „продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь; ихъ видѣть можно у Пантелеймона противъ мясныхъ рядовъ, въ Меншуткиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлева": или: „продается пожилыхъ лѣтъ дѣвка и подержанные дрожки". Въ томъ же 1798 году появилось и такое объявленіе: „У шкипера Васильева живущаго по Фонтанкѣ близь Поперешнова моста въ домѣ подъ № 387 продаются двѣ дѣвки и нѣсколько саженъ крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента" [2]). Въ вышеприведенныхъ случаяхъ правда, рѣчь идетъ о дворовыхъ людяхъ; но владѣлецъ могъ по своему усмотрѣнію взять любого крестьянина въ дворовые, да и пашенными крестьянами распоряжался безъ земли. Итакъ, крѣпостной человѣкъ считался въ то время имуществомъ своего господина; послѣдній могъ распоряжаться своими людьми наравнѣ съ „прочимъ домашнимъ скарбомъ", принадлежавшимъ ему на безусловномъ правѣ собственности. Такая точка зрѣнія проникла даже въ законодательство: въ одномъ указѣ 1792 года сказано, что „крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнія ихъ владѣльцевъ"; правда, указъ 1792 года относился къ „описнымъ безъ земли крестьянамъ", продаваемымъ за долги тѣхъ, кому они принадлежали по крѣпостямъ; но послѣдующее законодательство разъяснило, что дворовые люди безъ земли вообще „пріемлются

---

[1]) *А. Польновъ*, Op. cit., ib., стб. 16. „Трутень" и „Живописецъ" Н. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 35—36 и стр. 95. *Д. Фонъ-Визинъ*, Соч., изд. 1866 г., стр. 64, 105. Сб. Р. И. О., т. IV, 76, 108; VIII, 414; XXXII, 487 XXXVI 260. Ср. *В. Семевскій*, Кр. Вопр. I, 89—90.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1796 г., № 91; 1798 г., № 31. Рус. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 832. *А. Романовичъ-Славатинскій*, Op. cit., 338—340; авторъ замѣчаетъ, что „при Елисаветѣ Петровнѣ это не водилось".

единственно за движимое имѣніе“ и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имѣніемъ почитать не можно [1])“.

Впрочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ [2]) были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ вліяніемъ ихъ поверхностнаго знакомства съ удобствами и „игрушками“ европейской цивилизаціи. Роскошь и расточительность придворной знати и столичнаго дворянства стали проникать и въ провинцію: „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности“ тяжелымъ бременемъ ложилась на „безпрекословныхъ данниковъ“ помѣщика; фактически пользуясь тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ сносности человѣческой“, иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человѣка [3])“. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды извѣстный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилія о крестьянахъ инако и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи

---

[1]) П. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. Марта 20). Многіе члены большой комиссіи изъ дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьяго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. *Гр. М. Сперанскій*, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. соб въ Архивѣ ист. и прак. св. Н. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 571 и 572. *Н. Ланге*. Разборъ мнѣнія о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ Н. Калачова, ib., стр. 41—43.

[2]) Въ полковничьихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отпускныхъ или безъ письменнаго свидѣтельства отъ прикащиковъ, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ невѣстъ не брать“. (П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрѣшенія своихъ помѣщиковъ крестьяне иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наслѣдству (ib., 325—328); тѣ же условія, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичьими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе“ и т. п.; но такія сдѣлки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

[3]) Во время путешествія императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитенъ „по большей части всѣ... отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ (*Н. Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). *Гр. Н. Панинъ*, Мнѣніе въ Рус. Вѣст. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ“ Н. Новикова 1772—1773 гг. изд. П. Ефремова, стр. 86.

надменные люди, живучи въ роскоши, нерѣдко добросердечныхъ поселянъ, для прибавленія жизни нашей трудящихся, безъ всякой жалости разоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ раззолоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженныхъ, течетъ кровь невинныхъ земледѣльцевъ".

Естественно, что при такихъ условіяхъ эксплоатація крестьянскаго труда помѣщиками должна была усилиться: но ни степень, ни разновидности ея не были одинаковы: извѣстно, что положеніе оброчныхъ крестьянъ, численность которыхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ (44—46% числа всѣхъ крѣпостныхъ) уступала численности крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было легче барщинныхъ. Прежде всего свойства почвы оказывали существенное вліяніе на систему помѣщичьяго хозяйства, отъ которой зависѣло и указанное различіе: въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля мало приносила дохода, помѣщикамъ выгоднѣе было облагать крестьянъ оброкомъ: напротивъ, тамъ, гдѣ земля давала ренту, барщина представляла болѣе выгодъ для владѣльцевъ, чѣмъ оброкъ: въ 7 черноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ можно было насчитать всего лишь 26% оброчныхъ крестьянъ: остальные 74% состояли на барщинѣ. Впрочемъ способъ извлеченія доходовъ изъ имѣнія зависѣлъ и отъ другихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ величины его, отъ того, жилъ ли въ немъ владѣлецъ и т. п.: въ Московской губерніи, напримѣръ, только 36% крестьянскаго населенія сидѣло на оброкѣ: остальные отправляли барщину [1]).

Въ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось около 14 дес. земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ) на душу: этотъ надѣлъ, при умѣренномъ оброкѣ, можно признать довольно значительнымъ: но вмѣсто 1 рубля съ души, оброчные крестьяне до восьмидесятыхъ годовъ уже часто платили по 2—3 руб., а позднѣе и по 3—5 руб. съ души. Слѣдуетъ замѣтить, что такое повышеніе можно прослѣдить иногда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія: въ гжатской вотчинѣ кн. Д. Голицына, напримѣръ, крестьяне до 1763 года платили оброка еще по 40 коп. съ души: но въ 1763 году онъ сразу былъ повышенъ до 2 руб., а въ 1790-хъ годахъ—до 4 руб. съ души. Повышеніе оброка вообще соотвѣтствовало повышенію цѣнъ на самихъ крѣпостныхъ, а въ значи-

---

[1]) „Всякому помѣщику, писалъ, напримѣръ, Татищевъ въ своихъ запискахъ, должно имѣть на пашнѣ деревни въ одномъ мѣстѣ для того, чтобы самъ всю экономію видѣть могъ, а прочія имѣть на оброкѣ, по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ: ежели-жъ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ", то ему выгоднѣе отдать всю землю и всякія угодья крестьянамъ на оброкъ (*В. Татищевъ*, Краткія эконом. зап. въ Врем. М. О. И. и Д., XII, 29). *В. Семевскій*, Op. cit., I, 591—592; тамъ же и другіе примѣры.

единственно за движимое имѣніе“ и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имѣніемъ почитать не можно [1])“.

Впрочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ [2]) были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ вліяніемъ ихъ поверхностнаго знакомства съ удобствами и „игрушками“ европейской цивилизаціи. Роскошь и расточительность придворной знати и столичнаго дворянства стали проникать и въ провинцію: „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности“ тяжелымъ бременемъ ложилась на „безпрекословныхъ данниковъ“ помѣщика; фактически пользуясь тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ сносности человѣческой“, иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человѣка [3])“. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды извѣстный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилія о крестьянахъ инако и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи

---

[1]) П. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. Марта 20). Многіе члены большой комиссіи изъ дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьяго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. *Гр. М. Сперанскій*, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. соб въ Архивѣ ист. и прак. св. Н. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 571 и 572. *Н. Ланс*. Разборъ мнѣнія о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ Н. Калачова, ib., стр. 41—43.

[2]) Въ полковничьихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отпускныхъ или безъ письменнаго свидѣтельства отъ прикащиковъ, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ невѣстъ не брать“. (П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрѣшенія своихъ помѣщиковъ крестьяне иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наслѣдству (ib., 325—328); тѣ же условія, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичьими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе“ и т. п.; но такія сдѣлки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

[3]) Во время путешествія императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитенъ „по большей части всѣ... отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ (*Н. Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). *Гр. Н. Панинъ*, Мнѣніе въ Рус. Вѣст. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ“ Н. Новикова 1772—1773 гг. изд. П. Ефремова, стр. 86.

вольноотпущеннымъ, что и было разъяснено однимъ изъ позднѣйшихъ указовъ [1]).—Такимъ образомъ, въ теченіе 1763—83 гг. вышелъ цѣлый рядъ указовъ о „вольныхъ людяхъ", безмѣстныхъ церковникахъ, незаконнорожденныхъ и пріемышахъ: эти указы уничтожили прежнее „средство" путемъ записки ихъ за кѣмъ либо въ подушный окладъ, „вѣчно укрѣплять" ихъ. При производствѣ ревизіи 1781—1782 гг. большинство вышеизложенныхъ правилъ уже было принято во вниманіе. Правительство желало произвести ревизію „со всевозможною выгодностью для народа" и поручило нижнимъ земскимъ судамъ, въ случаѣ неисправности и подозрѣнія въ утайкѣ, свидѣтельствовать поданныя имъ сказки о численности населенія въ уѣздахъ; „освидѣтельствованіе" же вѣдомостей, составленныхъ нижними судами, было вмѣнено въ обязанность казеннымъ палатамъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ учрежденія 1775 года не были еще введены, губернскимъ канцеляріямъ [2]). Такой надзоръ нѣсколько обезпечивалъ примѣненіе новыхъ правилъ касательно людей, не подлежавшихъ вѣчному укрѣпленію, и, можетъ быть, облегчилъ введеніе послѣдовавшихъ за ними узаконеній 1783—87 гг.—Почти одновременно и плѣнъ пересталъ служить источникомъ крѣпостной зависимости для плѣнныхъ, принявшихъ православіе: польскимъ и другимъ военноплѣннымъ, по принятіи ими „православнаго закона", было предоставлено избирать такой родъ жизни, какой они сами заблагоразсудятъ, что и было выражено главнымъ образомъ въ указахъ отъ 20 апрѣля 1770 года и отъ 28 іюля 1781 года [3]).

Въ то же время и нѣкоторые способы „сообщенія" крѣпостного состоянія также подверглись извѣстнымъ ограниченіямъ. Можно сказать, что послѣдовательное примѣненіе правила, въ силу котораго (законныя) дѣти, рожденныя въ крѣпостномъ состояніи, признавались по отцу крѣпостными, предполагало и обратное правило: дѣти крѣпостного человѣка, рожденныя послѣ его

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 4; т. XVII, № 12430, п. 6; т. XXVIII, № 12987, п. 2; т. XX, № 14392, ст. 385; т. XXII, № 16603, отд. IV, ст. 8—9. т. XXXIII, № 25947, п. 6. Въ 1764 г. было также запрещено всѣмъ и каждому какимъ бы то ни было образомъ записывать и утверждать себѣ въ крѣпостные художниковъ, мастеровъ, получившихъ воспитаніе въ Академіи Художествъ, дѣтей ихъ и потомковъ; см. П. С. З., т. XVI, № 12275. Ср. еще ib., т. XII, 9250.

[2]) П. С. З., т. XXI, №№ 15278, п. 7; 15405, п. 22. Записка за помѣщика получила значеніе способа укрѣпленія при производствѣ ревизій 1719 и 1744 гг. (Ср. П. С. З., т. XIV, № 10238, пп. 1, 5, 6 и 10); но Сводъ Законовъ уже не приписываетъ такого значенія запискѣ по третьей ревизіи; тѣмъ не менѣе правительство воспользовалось данными четвертой ревизіи при прикрѣпленіи крестьянъ въ Малороссіи и южнорусскихъ губерніяхъ (Св. Зак. 1832 г., Зак. о сост., ст. 550).

[3]) П. С. З., т. XIX, № 13450; т. XX, № 14444; т. XXI, №№ 15198 и 15282.

освобожденія, также должны были бы пользоваться свободой. Законъ формулировалъ такую точку зрѣнія, да и то съ нѣкоторыми ограниченіями, кажется, лишь примѣнительно къ отдѣльнымъ категоріямъ случаевъ. Въ полковничьихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено, чтобы солдатскія дѣти, родившіяся за время службы ихъ отцовъ, причислялись къ военному вѣдомству и были опредѣляемы въ школы и на службу. Аналогичное направленіе обнаружилось и въ указѣ 1781 года о предоставленіи свободы польскимъ плѣннымъ, воспріявшимъ православіе и отданнымъ, по желаніямъ ихъ, въ вѣчное услуженіе разнымъ помѣщикамъ: такіе плѣнные, оставшіеся въ Россіи, по просьбѣ ихъ, получали свободу вмѣстѣ съ женами и дѣтьми [1]). Въ большинствѣ вышеприведенныхъ узаконеній способы сообщенія крѣпостной зависимости, въ сущности, еще не были ограничены, а только выдѣлены тѣ случаи, къ которымъ они не могли примѣняться: но бракъ, въ качествѣ такого же способа, подвергся существеннымъ ограниченіямъ.—Старинное правило „по робѣ холопъ"..., напримѣръ, потеряло силу примѣнительно къ случаямъ, когда питомецъ воспитательнаго дома вступалъ съ крѣпостною въ бракъ, устроенный „какимъ обманомъ" (1763 г.), а также къ воспитанникамъ академіи художествъ или ихъ потомкамъ (1764): всѣ люди, которые были отпущены своими помѣщиками съ отпускными на волю, били челомъ въ вѣчное услуженіе къ другимъ помѣщикамъ и женились на ихъ крѣпостныхъ, но по ихъ прошенію до манифеста 1775 года рѣшенія не учинено и выписей о укрѣпленіи для владѣнія ими не дано, были также освобождены отъ крѣпостной зависимости (1780 г.): наконецъ, плѣнные, захваченные въ Польшѣ, но оставшіеся въ Россіи и принявшіе православіе, получали свободу, хотя бы они и женились на крѣпостныхъ (1781 г.): въ вышеприведенныхъ случаяхъ бракъ съ крѣпостной не только не сообщалъ вольному человѣку крѣпостного состоянія, но и её освобождалъ отъ такого же состоянія: впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это освобожденіе было прямо поставлено въ зависимость отъ уплаты выводныхъ денегъ помѣщику (законы 1763 и 1780 гг.). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что обратное правило: „по холопу раба", на соблюденіи котораго настаивали нѣкоторые депутаты большой коммиссіи, подверглось лишь ничтожнымъ ограниченіямъ: оно было лишено силы по отношенію къ воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ воспитательнаго дома и изъ мѣщанскаго училища при Воскресенскомъ монастырѣ: воспитанная въ училищѣ, въ случаѣ выхода замужъ за крѣпостного, по крайней мѣрѣ при

---

[1]) Ср. выше стр. 67—69 и П. С. З., т. XIV, № 10233, п. 16. П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6; т. XX, № 15070; т. XXI, № 15198.

извѣстныхъ условіяхъ, могла сообщить ему свое свободное состояніе [1]).

Въ способахъ прекращенія крѣпостной зависимости произошло гораздо менѣе перемѣнъ, чѣмъ въ способахъ ея установленія и сообщенія: это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что нововведенія подобнаго рода гораздо больше затронули бы интересы дворянства и что владѣльцы въ то время злоупотребляли отпускомъ на волю, избавляясь такимъ образомъ отъ содержанія своихъ людей и крестьянъ, „приведенныхъ ими по разнымъ случаямъ въ сущее безсиліе", и отъ уплаты за нихъ податей. Даже назначеніе размѣровъ выкупа крестьянъ на волю было предоставлено усмотрѣнію ихъ владѣльцевъ. Помимо прежнихъ способовъ выхода изъ крѣпостной зависимости, вышеприведеннаго правила относительно польскихъ плѣнныхъ [2]), и случайныхъ правительственныхъ мѣръ, можно указать развѣ на одно лишь постановленіе: оно состоялось по поводу ревизіи, въ 1763 году, и безъ прежнихъ ограниченій предоставляло свободу прописнымъ людямъ, которые сами явятся въ судебныя мѣста и докажутъ прописку [3]).

Итакъ, либеральныя начинанія законодательной политики императрицы Екатерины II касательно крѣпостныхъ ограничились, главнымъ образомъ, вышеизложенными перемѣнами въ способахъ закрѣпощенія и выхода изъ крѣпостной зависимости. Въ самомъ дѣлѣ, хотя секуляризація церковныхъ имѣній, входившая въ программу, предложенную Вольтеромъ, выгодно отразилась на положеніи почти цѣлаго милліона сельскаго населенія, которое отнынѣ стало приравниваться къ государственнымъ крестьянамъ, но она не внесла ничего новаго по существу въ крѣпостническія отношенія, царившія на владѣльческихъ земляхъ [4]). Вообще, за исключеніемъ развѣ извѣстныхъ указовъ 1766 и 1771 гг., имѣвшихъ, впрочемъ, второстепенное значеніе, нельзя указать ни одного новаго закона того времени, въ которомъ регулировались бы отношенія между помѣщиками и крестьянами. Даже тѣ начала,

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 5; № 12275 (стр. 950); т. XX, № 14275, п. 46; № 14294, п. 11; № 15070; т. XXI, №№ 15198 и 15282; см. стр. 104, прим. 1. Ср. еще П. С. З., т. VI, № 3697 и т. XIV, № 10233, п. 21.

[2]) П. С. З., т. XXI, № 15603; т. XXVII, № 20548 ср. П. С. З., т. VIII, № 5520. См. выше, стр. 84 и 104.

[3]) П. С. З., т. XVI, № 11755, п. 3. Въ числѣ случайныхъ мѣръ можно упомянуть превращеніе крѣпостныхъ въ мѣщанъ путемъ покупки нѣкоторыхъ селеній у владѣльцевъ, а также предоставленіе свободы нѣкоторымъ бѣглымъ и перебѣжчикамъ изъ крѣпостныхъ; ср. выше, стр. 85.

[4]) П. С. З., т. XVI, № 12060. Вслѣдъ за указомъ 26 февраля 1764 г. о секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Великороссіи и Сибири въ 1786 и 1788 гг. появились указы, распространившіе ее на губерніи: Кіевскую, Черниговскую и Новгородсѣверскую, а также Курскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую; см. П. С. З., т. XXII, №№ 16375, 16649 и 16650.

которыя уже были отрывочно выражены въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ и въ силу которыхъ крѣпостные люди должны были исполнять свои обязанности къ государству, остались безъ общаго обоснованія. Правительство мало заботилось о правахъ крѣпостныхъ людей, но часто высказывалось въ томъ смыслѣ, что они обязаны платить государственныя подати и исправлять закономъ установленныя повинности, а иногда указывало и на то, что они подлежатъ общей подсудности въ уголовныхъ преступленіяхъ; возлагая на крѣпостныхъ исполненіе этихъ обязанностей, оно взамѣнъ обѣщало имъ нѣкоторыя выгоды, но не настаивало на мысли, что они должны пользоваться правами государственныхъ подданныхъ, и не устранило того противорѣчія, которое можно было усмотрѣть между ихъ порабощеніемъ владѣльцамъ и подданствомъ государству. Жалованная грамота 1785 г., подтвердившая привилегіи 1762 г. и расширившая вещныя права дворянъ, правда, не говоритъ прямо о правѣ ихъ владѣть крѣпостными: но власть помѣщика, которому она предоставила право покупать „деревни", осталась безъ всякихъ ограниченій въ законѣ и по прежнему продолжала развиваться подъ сильнымъ вліяніемъ бытовыхъ условій русской жизни и того сословнаго характера соціальнаго строя, который сталъ особенно замѣтнымъ въ періодъ „просвѣщеннаго абсолютизма" [1]).

Въ русскомъ обществѣ того времени, дѣйствительно, уже рѣзко обрисовались двѣ противоположности: фактически тяжелое положеніе помѣщичьяго крестьянина сравнительно съ выгоднымъ положеніемъ его владѣльца въ обществѣ и почти безправное состояніе крѣпостнаго сравнительно съ привилегированнымъ состояніемъ дворянина. Такая двойная противоположность продолжала усиливаться въ вѣкъ просвѣщенія и становилась еще болѣе рѣзкой въ сознаніи тѣхъ, которые были способны представить себѣ иной порядокъ общественныхъ отношеній.

Крѣпостные были самымъ многочисленнымъ классомъ русскаго общества (по даннымъ 1762—1766 гг. до 3805073 д. м. п.); но, составляя въ Великороссіи и Сибири, по приблизительному расчету, около 45% всего населенія и (по тѣмъ же свѣдѣніямъ 1762—1766 гг.) до 53% всего числа крестьянъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, они оказались, однако, въ худшемъ положеніи, чѣмъ

[1]) П. С. З., т. XX, № 14725. Указъ 1761 года о продовольствіи крестьянъ помѣщиками подтвержденъ въ 1767 году, а въ 1772 году повторено предписаніе, чтобы помѣщики содержали своихъ крестьянъ и „не допускали оныхъ людей" ходить въ Москву для прошенія милостыни (П. С. З., т. XVIII, № 13017; т. XIX, № 13767); но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики заботились объ устройствѣ хлѣбныхъ магазиновъ, они часто устраивали ихъ на средства самихъ крестьянъ; ср. П. С. З., т. XXV, № 18856. О правилахъ благоустройства и благочинія въ имѣніяхъ см. вообще *В. Семевскій*, Op. cit., I, 260—288. Ср. ниже стр. 133.

всѣ остальные [1]). Это ухудшеніе въ ихъ участи произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда крѣпостниковъ на своихъ подданныхъ, и болѣе суровыхъ проявленій помѣщичьей власти; такой взглядъ, разумѣется, не всякимъ помѣщикомъ признавался и не всегда приводилъ къ дѣйствительному ухудшенію въ положеніи крестьянъ: но приниженное и безправное положеніе крѣпостныхъ благопріятствовало его развитію и вполнѣ допускало возможность его примѣненія на практикѣ, что уже сознавали и современники [2]).

Съ того времени, когда помѣщики-дворяне начали пріобрѣтать внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи и проникаться сословными интересами, къ прежнему взгляду ихъ на крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу, кажется, сталъ присоединяться новый оттѣнокъ. Теперь „благородные“ гордились своей „наружностью“, знаніемъ французскаго языка, а нѣкоторые и кое-какимъ образованіемъ, полученнымъ ими въ сословно-дворянскихъ школахъ: благодаря ему они даже теряли иногда способность „уразумѣть“ крестьянъ и между прочимъ знакомились съ сословными традиціями западно-европейскаго дворянства. Естественно, что при такихъ условіяхъ русскіе дворяне, уже сознававшіе свою принадлежность къ единому „корпусу“ дворянскому, стали противополагать себя, въ качествѣ „особливаго рода людей“, своимъ крѣпостнымъ; современные сатирики указывали на владѣльцевъ, „гнушавшихся тѣми рабами“, которые „трудились для удовольствованія страстей ихъ“. Косвенное указаніе на существованіе подобнаго рода настроенія среди дворянъ можно найти хотя бы въ томъ, что они часто называли людей другихъ сословій „подлыми“: выраженія: „чернь“ (сволочь: ср. фр. canaille) и „подлые“ иногда получали одинаковый смыслъ: значитъ, слово „подлые“ на такомъ „модномъ нарѣчіи“ могло означать не только людей, занимавшихъ низшія ступени общественной лѣстницы, но и людей приниженныхъ, даже презрѣнныхъ. Сумароковъ, извѣстный сторонникъ крѣпостного права, полагавшій, что „низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“, придавалъ, напримѣръ, термину „подлые“ унизительное значеніе, когда возставалъ противъ обычая своихъ современниковъ называть „земледѣльцевъ и ремесленниковъ“ подлымъ народомъ. А между тѣмъ въ такой терминологіи обнаруживалось и особаго рода отношеніе дворянъ-помѣщиковъ къ крестьянамъ, рѣзко осмѣянное въ луч-

---

[1]) *В. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е, стр. VII—VIII, 17 и 18. Г. Денъ для третьей ревизіи, производившейся въ 1761—1764 гг., принимаетъ нѣсколько меньшую цифру всего податного населенія, а именно 7.363.384 д. м. п., а не 7.418.273. (*В Ленъ*, Op. cit., I, 91).

[2]) С. Р. И. О., XXXII, 478; ср. Рус. Стар. 1876 г., т. XVI, стр. 568.

шемъ изъ нашихъ сатирическихъ журналовъ шестидесятыхъ годовъ: тамъ изображенъ, напримѣръ, типъ помѣщика, который „боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне: а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы"... „онъ не только не говоритъ съ ними ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію передъ нимъ по землѣ распростираются". И хотя этотъ типъ, конечно, отзывается утрировкой, однако, его нельзя считать простою выдумкой: въ своемъ извѣстномъ разсужденіи о крѣпостномъ состояніи Полѣновъ замѣтилъ, что „вмѣсто почтенія мы платимъ [крестьянамъ] презрѣніемъ" [1]).

Съ указанной точки зрѣнія, въ сущности исключавшей уваженіе человѣка къ человѣку, помѣщикъ-дворянинъ легко могъ позабыть „умѣренность во владѣніи своими подданными" и придать своей власти суровый и даже жестокій характеръ. Въ сатирическихъ журналахъ того времени можно встрѣтить изображеніе крайняго типа такого владѣльца: онъ убѣжденъ, что „всякій помѣщикъ, ежели хорошо услуженъ быть хочетъ", долженъ быть „тираномъ своимъ служителямъ": онъ настаиваетъ на томъ, чтобы „одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послу-

---

[1]) Перемѣна въ значеніи слова „смердъ" была уже указана выше, стр. 11; къ приведеннымъ тамъ примѣрамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ изъ Софійской первой лѣтописи, гдѣ въ сравнительно позднѣйшихъ спискахъ подъ 6879 годомъ рязанцы названы „палаумными смердами" (П. С. Р. Л., V, 239). Герберштейнъ также замѣчаетъ, что „у благородныхъ и воиновъ поселяне называются крестьянами (christiani) въ презрительномъ смыслѣ или черными людишками" (пер. И. Анонимова, стр. 85); можно думать, однако, что въ то время на положеніе ихъ смотрѣли скорѣе какъ на приниженное, чѣмъ какъ на презрѣнное. Уже Волынскій разсуждалъ, однако, о „замерзѣлой грубости" крестьянъ (*А. Волынскій*, Op. cit., Москв. 1854 г., февр., стр. 38). Послѣдняя точка зрѣнія стала развиваться, кажется, лишь въ позднѣйшее время. Полѣновъ еще называлъ крестьянъ „подлѣйшимъ" изъ общественныхъ состояній, повидимому, не придавая этому термину унизительнаго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что недостатки, свойственные „простому народу, дѣлаютъ намъ его не только презрительнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ненавистнымъ" (*А. Полѣновъ*, Op. cit., ib., стб. 8, 13, 16, 29, 30). „Подлый народъ, писалъ Сумароковъ, бездѣльники, а не земледѣльцы и не ремесленники. Земледѣльцы не подлый народъ. У насъ это имя дается всѣмъ тѣмъ, кто не дворянинъ. О, несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и пострамленія! Истинная чернь—невѣжды, хотя и великіе чины имѣли, богатство крезово, и вели свой родъ отъ Зевеса и Юноны, которыхъ никогда не было: отъ сына Филиппова побѣдителя, или лучше сказать разорителя вселенной". („*С. Гѣнка*, Очеркъ жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова; ч. I, стр. 72—73). Ср. еще С. Р. И. О., XXXII, 405 „Трутень" Н. Новикова, 1769 г. л. XIV, изд. П. Ефремова, стр. 147. Живописецъ 1772 г. Н. Новикова, л. XIII, изд. П. Ефремова, стр. 81.

шаніи". И дѣйствительно, бывали помѣщики, которые рѣшались открыто называть крестьянъ вообще „лѣнивыми и отягощенными, уторопленными и упорными"; упуская изъ виду, что „отъ лишеннаго всѣхъ правъ человѣчества и тѣмъ въ конечное уныніе приведеннаго человѣка, ничего лучшаго ожидать не должно" и, очевидно, по убѣжденію, склоняясь къ подобнаго рода системѣ вотчиннаго управленія и суда, нѣкоторые изъ нихъ „жесточайшимъ истязаніемъ наказывали иногда самые малѣйшіе проступки своихъ людей и крестьянъ" [1]).

Такое настроеніе тѣмъ тяжелѣе могло отзываться на положеніи крѣпостныхъ, что владѣльцы открыто признавали ихъ своею собственностью: стоитъ только заглянуть въ „извѣстія" старинныхъ газетъ о продажѣ крѣпостныхъ для того, чтобы убѣдиться, насколько взглядъ подобнаго рода утвердился въ „вѣкъ просвѣщенія". Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1796 и 1798 гг. встрѣчаются, напримѣръ, объявленія въ родѣ слѣдующихъ: „продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь: ихъ видѣть можно у Пантелеймона противъ мясныхъ рядовъ, въ Меншуткиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлева": или: „продается пожилыхъ лѣтъ дѣвка и подержанные дрожки". Въ томъ же 1798 году появилось и такое объявленіе: „У шкипера Васильева живущаго по Фонтанкѣ близь Поперешнова моста въ домѣ подъ № 387 продаются двѣ дѣвки и нѣсколько саженъ крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента" [2]). Въ вышеприведенныхъ случаяхъ правда, рѣчь идетъ о дворовыхъ людяхъ; но владѣлецъ могъ по своему усмотрѣнію взять любого крестьянина въ дворовые, да и пашенными крестьянами распоряжался безъ земли. Итакъ, крѣпостной человѣкъ считался въ то время имуществомъ своего господина; послѣдній могъ распоряжаться своими людьми наравнѣ съ „прочимъ домашнимъ скарбомъ", принадлежавшимъ ему на безусловномъ правѣ собственности. Такая точка зрѣнія проникла даже въ законодательство: въ одномъ указѣ 1792 года сказано, что „крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнія ихъ владѣльцевъ"; правда, указъ 1792 года относился къ „описнымъ безъ земли крестьянамъ", продаваемымъ за долги тѣхъ, кому они принадлежали по крѣпостямъ; но послѣдующее законодательство разъяснило, что дворовые люди безъ земли вообще „пріемлются

---

[1]) *А. Поливановъ*, Op. cit.. ib., стб. 16. „Трутень" и „Живописецъ" Н. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 35—36 и стр. 95. *Д. Фонъ-Визинъ*, Соч., изд. 1866 г., стр. 64, 105. Сб. Р. И. О., т. IV. 76, 108; VIII. 414; XXXII, 487 XXXVI 260. Ср. *В. Семевскій*, Кр. Вопр. I, 89—90.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1796 г., № 91; 1798 г., № 31. Рус. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 832. *А. Романовичъ-Славатинскій*, Op. cit., 338—340; авторъ замѣчаетъ, что „при Елисаветѣ Петровнѣ это не водилось".

единственно за движимое имѣніе" и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имѣніемъ почитать не можно [1])".

Впрочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ [2]) были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ вліяніемъ ихъ поверхностнаго знакомства съ удобствами и „игрушками" европейской цивилизаціи. Роскошь и расточительность придворной знати и столичнаго дворянства стали проникать и въ провинцію: „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности" тяжелымъ бременемъ ложилась на „безпрекословныхъ данниковъ" помѣщика; фактически пользуясь тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ сносности человѣческой", иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человѣка [3])". „Есть у насъ, замѣтилъ однажды извѣстный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилія о крестьянахъ инако и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи

---

[1]) П. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. Марта 20). Многіе члены большой комиссіи изъ дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьяго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. *Гр. М. Сперанскій*, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземл. соб въ Архивѣ ист. и прак. св. И. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 571 и 572. *И. Ланге*. Разборъ мнѣнія о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ И. Калачова, ib., стр. 41—43.

[2]) Въ полковничьихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отпускныхъ или безъ письменнаго свидѣтельства отъ прикащиковъ, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ невѣстъ не брать". (П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрѣшенія своихъ помѣщиковъ крестьяне иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наслѣдству (ib., 325—328); тѣ же условія, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичьими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе" и т. п.; но такія сдѣлки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

[3]) Во время путешествія императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитенъ „по большей части всѣ... отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ (*П. Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). *Гр. Н. Панинъ*, Мнѣніе въ Рус. Вѣст. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ" Н. Новикова 1772—1773 гг. изд. П. Ефремова, стр. 86.

надменные люди, живучи въ роскоши, нерѣдко добросердечныхъ поселянъ, для прибавленія жизни нашей трудящихся, безъ всякой жалости разоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ раззолоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженныхъ, течетъ кровь невинныхъ земледѣльцевъ".

Естественно, что при такихъ условіяхъ эксплоатація крестьянскаго труда помѣщиками должна была усилиться: но ни степень, ни разновидности ея не были одинаковы: извѣстно, что положеніе оброчныхъ крестьянъ, численность которыхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ (44—46% числа всѣхъ крѣпостныхъ) уступала численности крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было легче барщинныхъ. Прежде всего свойства почвы оказывали существенное вліяніе на систему помѣщичьяго хозяйства, отъ которой зависѣло и указанное различіе: въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля мало приносила дохода, помѣщикамъ выгоднѣе было облагать крестьянъ оброкомъ: напротивъ, тамъ, гдѣ земля давала ренту, барщина представляла болѣе выгодъ для владѣльцевъ, чѣмъ оброкъ: въ 7 черноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ можно было насчитать всего лишь 26% оброчныхъ крестьянъ: остальные 74% состояли на барщинѣ. Впрочемъ способъ извлеченія доходовъ изъ имѣнія зависѣлъ и отъ другихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ величины его, отъ того, жилъ ли въ немъ владѣлецъ и т. п.: въ Московской губерніи, напримѣръ, только 36% крестьянскаго населенія сидѣло на оброкѣ: остальные отправляли барщину [1]).

Въ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось около 14 дес. земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ) на душу: этотъ надѣлъ, при умѣренномъ оброкѣ, можно признать довольно значительнымъ: но вмѣсто 1 рубля съ души, оброчные крестьяне до восьмидесятыхъ годовъ уже часто платили по 2—3 руб., а позднѣе и по 3—5 руб. съ души. Слѣдуетъ замѣтить, что такое повышеніе можно прослѣдить иногда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія: въ гжатской вотчинѣ кн. Д. Голицына, напримѣръ, крестьяне до 1763 года платили оброка еще по 40 коп. съ души: но въ 1763 году онъ сразу былъ повышенъ до 2 руб., а въ 1790-хъ годахъ—до 4 руб. съ души. Повышеніе оброка вообще соотвѣтствовало повышенію цѣнъ на самихъ крѣпостныхъ, а въ значи-

---

[1]) „Всякому помѣщику, писалъ, напримѣръ, Татищевъ въ своихъ запискахъ, должно имѣть на пашнѣ деревни въ одномъ мѣстѣ для того, чтобы самъ всю экономію видѣть могъ, а прочія имѣть на оброкѣ, по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ: ежели-жъ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ", то ему выгоднѣе отдать всю землю и всякія угодья крестьянамъ на оброкъ (*В. Татищевъ*, Краткія экон. зап. въ Врем. М. О. И. и Д., XII, 29). *В. Семевскій*, Op. cit., I, 591—592; тамъ же и другіе примѣры.

единственно за движимое имѣніе“ и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имѣніемъ почитать не можно [1])“.

Впрочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ [2]) были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ вліяніемъ ихъ поверхностнаго знакомства съ удобствами и „игрушками“ европейской цивилизаціи. Роскошь и расточительность придворной знати и столичнаго дворянства стали проникать и въ провинцію: „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ вступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности“ тяжелымъ бременемъ ложилась на „безпрекословныхъ данниковъ“ помѣщика; фактически пользуясь тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ сносности человѣческой“, иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человѣка [3])“. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды извѣстный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилія о крестьянахъ инако и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи

---

[1]) П. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. Марта 20). Многіе члены большой комиссіи изъ дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьяго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. *Гр. М. Сперанскій*, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. соб въ Архивѣ ист. и прак. св. Н. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 571 и 572. *Н. Ланс.* Разборъ мнѣнія о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ Н. Калачова, ib., стр. 41—43.

[2]) Въ полковничьихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отпускныхъ или безъ письменнаго свидѣтельства отъ прикащиковъ, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ невѣсть не брать“. (П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрѣшенія своихъ помѣщиковъ крестьяне иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наслѣдству (ib., 325—328); тѣ же условія, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичьими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе“ и т. п.; но такія сдѣлки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

[3]) Во время путешествія императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитенъ „по большей части всѣ... отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ (*Н. Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). *Гр. Н. Панинъ*, Мнѣніе въ Рус. Вѣст. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ“ Н. Новикова 1772—1773 гг. изд. Н. Ефремова, стр. 86.

надменные люди, живучи въ роскоши, нерѣдко добросердечныхъ поселянъ, для прибавленія жизни нашей трудящихся, безъ всякой жалости разоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ развлоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженныхъ, течетъ кровь невинныхъ земледѣльцевъ".

Естественно, что при такихъ условіяхъ эксплоатація крестьянскаго труда помѣщиками должна была усилиться; но ни степень, ни разновидности ея не были одинаковы: извѣстно, что положеніе оброчныхъ крестьянъ, численность которыхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ (44—46% числа всѣхъ крѣпостныхъ) уступала численности крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было легче барщинныхъ. Прежде всего свойства почвы оказывали существенное вліяніе на систему помѣщичьяго хозяйства, отъ которой зависѣло и указанное различіе: въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля мало приносила дохода, помѣщикамъ выгоднѣе было облагать крестьянъ оброкомъ; напротивъ, тамъ, гдѣ земля давала ренту, барщина представляла болѣе выгодъ для владѣльцевъ, чѣмъ оброкъ: въ 7 черноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ можно было насчитать всего лишь 26% оброчныхъ крестьянъ; остальные 74% состояли на барщинѣ. Впрочемъ способъ извлеченія доходовъ изъ имѣнія зависѣлъ и отъ другихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ величины его, отъ того, жилъ ли въ немъ владѣлецъ и т. п.: въ Московской губерніи, напримѣръ, только 36% крестьянскаго населенія сидѣло на оброкѣ; остальные отправляли барщину [1]).

Въ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось около 14 дес. земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ) на душу; этотъ надѣлъ, при умѣренномъ оброкѣ, можно признать довольно значительнымъ; но вмѣсто 1 рубля съ души, оброчные крестьяне до восьмидесятыхъ годовъ уже часто платили по 2—3 руб., а позднѣе и по 3—5 руб. съ души. Слѣдуетъ замѣтить, что такое повышеніе можно прослѣдить иногда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія: въ гжатской вотчинѣ кн. Д. Голицына, напримѣръ, крестьяне до 1763 года платили оброка еще по 40 коп. съ души; но въ 1763 году онъ сразу былъ повышенъ до 2 руб., а въ 1790-хъ годахъ—до 4 руб. съ души. Повышеніе оброка вообще соотвѣтствовало повышенію цѣнъ на самихъ крѣпостныхъ, а въ значи-

---

[1]) „Всякому помѣщику, писалъ, напримѣръ, Татищевъ въ своихъ запискахъ, должно имѣть на нашинѣ деревни въ одномъ мѣстѣ для того, чтобы самъ всю экономію видѣть могъ, а прочія имѣть на оброкѣ, по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ; ежели-жъ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ", то ему выгоднѣе отдать всю землю и всякія угодья крестьянамъ на оброкъ (*В. Татищевъ*, Краткія экон. зап. въ Врем. М. О. И. и Д., XII, 29). *В. Семевскій*, Op. cit., I, 591—592; тамъ же и другіе примѣры.

тельной мѣрѣ и на хлѣбъ; впрочемъ, цѣны на хлѣбъ возрастали, кажется, нѣсколько медленнѣе увеличенія оброка, такъ что для его уплаты въ 1790-хъ годахъ надо было продать нѣсколько болѣе ржи, чѣмъ въ 1760-хъ годахъ. Повышеніе оброка иногда особенно рѣзко обнаруживалось при переходѣ даннаго имѣнія къ новому владѣльцу: въ 1740-хъ годахъ крестьяне Загарской волости (Московскаго уѣзда), напримѣръ, платили 300 рублей оброка своему помѣщику: когда имѣніе въ 1750-хъ годахъ перешло къ новому владѣльцу, онъ сразу обложилъ тѣхъ же крестьянъ оброкомъ въ 2300 рублей. Бывали „убогіе помѣщики", напримѣръ Зубовъ (отецъ фаворита), которые „наживали себѣ не малое имѣніе отъ сбора черезчуръ великихъ податей съ своихъ мужиковъ" или покупали населенныя имѣнія въ долгъ на деньги, которыя сбирались съ крестьянъ этихъ имѣній, такъ что они „сами собою себя покупали" новому владѣльцу. Произволъ помѣщика могъ обнаруживаться не только въ чрезмѣрномъ повышеніи оброка, но и въобложеніи своихъ оброчныхъ крестьянъ разными другими повинностями (особенно подводной): натуральные сборы (напримѣръ, сборъ „столовыхъ запасовъ", аналогичныхъ съ прежнимъ мелкимъ доходомъ), правда, иногда зачитывались въ оброкъ, но въ другихъ случаяхъ прибавлялись къ нему. Если полагать, что по приблизительному расчету, въ переводѣ на деньги они доходили до $^1/_3$ размѣровъ оброка, то среднюю величину того дохода, который помѣщики получали съ души, можно оцѣнить для шестидесятыхъ годовъ въ сумму нѣсколько меньше 2-хъ руб., а въ девяностыхъ годахъ—менѣе 7 руб. Несмотря на такой ростъ оброка положеніе оброчнаго крестьянина все же было сравнительно сноснымъ: если принимать во вниманіе среднюю величину оброка и разсматривать ее какъ плату за пользованіе надѣломъ, хотя бы даже размѣромъ въ 10 дес. на душу, то можно приблизительно придти къ заключенію, что высота помѣщичьяго оброка (въ 2—7 руб.) почти равнялась той арендной платѣ, которую въ то время крестьяне вносили за пользованіе соотвѣтствующимъ количествомъ казенной земли въ московской провинціи. Всю тяжесть своего положенія оброчные крестьяне особенно чувствовали тогда, когда усматривали зависимость, въ какой размѣры надѣла, а особенно падавшихъ на нихъ повинностей и оброка находились отъ „прихотей" ихъ владѣльцевъ: впрочемъ, понятно, что оброчные крестьяне страдали отъ нихъ менѣе, чѣмъ барщинные, между прочимъ и потому, что имъ легче было отлучаться на отхожіе промыслы [1]).

Барщинные крестьяне чувствовали ту же зависимость гораздо сильнѣе оброчныхъ: личное присутствіе помѣщика въ такихъ имѣ-

---

[1]) *В. Семевскій*, Op. cit., I, 47—61, 448.

ніяхъ, часто мелкопомѣстныхъ, должно было тяжело отражаться на положеніи его крѣпостныхъ: далѣе, при обложеніи ихъ натуральными повинностями легче было повышать сборы, чѣмъ при уплатѣ оброка, наконецъ, „здѣлье“ могло принимать самые разнообразные виды, а отправленіе издѣльныхъ работъ при такихъ условіяхъ становилось не только тяжкимъ, но и „несноснымъ“ бременемъ для крестьянъ. Если даже полагать, что меньшій по размѣрамъ надѣлъ барщиннаго крестьянина въ черноземныхъ губерніяхъ (около 7 дес., изъ нихъ въ великорусскихъ губерніяхъ обыкновенно около 3,1 дес. пашни) былъ лучшаго качества, чѣмъ земля оброчнаго крестьянина, то все же слѣдуетъ имѣть въ виду, что и въ нечерноземныхъ губерніяхъ величина надѣла въ имѣніяхъ, состоявшихъ на барщинѣ (около 8 дес. изъ нихъ около $2^1/_2$ дес. пашни), была также меньше, чѣмъ въ оброчныхъ: а между тѣмъ повинности барщинныхъ крестьянъ въ общей сложности значительно превосходили оброчные платежи. Опредѣленіе вида и размѣровъ барщинныхъ работъ зависѣло, конечно, отъ помѣщичьяго „произволенія“. Барщина отправлялась или въ видѣ опредѣленнаго „урока“, падавшаго на каждое тягло, или въ видѣ работъ, въ теченіе извѣстнаго времени исполняемыхъ на господина, что было труднѣе урока. Въ самомъ дѣлѣ, урокъ, назначаемый помѣщикомъ на каждое „тягло“ (2—$2^1/_2$ ревиз. души), обыкновенно доходилъ до 1—$1^1/_2$ дес. въ полѣ, которыя крестьяне и должны были обработать на господина: бывали, впрочемъ, случаи, когда урокъ достигалъ 2-хъ и болѣе десятинъ въ каждомъ полѣ; тѣмъ не менѣе отработка урока была менѣе стѣснительна, чѣмъ поденная работа на господина: притомъ размѣры послѣдней сильно колебались. Трехдневная барщина („три дня черезъ весь годъ“) была довольно распространена, но современники указывали на то, что помѣщики иногда заставляли своихъ крестьянъ работать на нихъ по четыре и даже большему числу дней въ недѣлю [1]). Барщина становилась еще менѣе сносной для крестьянъ, когда помѣщикъ требовалъ, чтобы они сперва (т. е. въ благопріятное время года) окончили всѣ сельскія работы, назначенныя въ его пользу, а затѣмъ уже (т. е. съ наступленіемъ сравнительно худшей погоды) работали на себя. Наконецъ бывали случаи, когда помѣщикъ предпочиталъ превратить всѣхъ своихъ крестьянъ въ сельскихъ рабочихъ, т. е. „давалъ имъ и всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляя ихъ безъ изъятія на господскія работы повсе-

[1]) *И. Болтинъ*, Примѣчанія на ист. Леклерка, II, 216—217, 220. „Живописецъ“ Н. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 87, 94. *А. Радищевъ*, Путешествіе... Спб., 1888 г., стр. 15.

дневно". Само собою разумѣется, что въ числѣ такихъ работъ, исполняемыхъ и мужчинами, и женщинами, было много повинностей, возлагаемыхъ и на людей, уже негодившихся для страды. А къ подводной и другимъ повинностямъ присоединялась еще обязанность поставлять на господскій дворъ самые разнообразные „столовые запасы", напоминавшіе прежній „мелкій доходъ"; тотъ помѣщикъ, который не могъ потребить всѣ эти продукты, „отсылалъ остатокъ оныхъ на торжище". Барщинная работа принимала, наконецъ, особаго рода формы въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ переводилъ своихъ крѣпостныхъ на заводъ или фабрику, чаще всего полотняную или суконную; на фабрикѣ работали и дѣти, и взрослые, иногда въ двѣ смѣны, значительную часть года, напримѣръ, 230—280 дней; рабочіе получали или одинъ земельный надѣлъ, который обрабатывали на себя въ теченіе свободныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, или провіантъ и ничтожную задѣльную плату. Вообще, если подвести итогъ всѣмъ обычнымъ повинностямъ и поборамъ, которымъ подвергались барщинные крестьяне и перевести ихъ на деньги, то, полагая даже, что барщина ограничивалась трехдневнымъ срокомъ, можно прійти къ слѣдующему выводу: по приблизительному расчету вся цѣнность труда и повинностей барщинныхъ крестьянъ, равная въ шестидесятыхъ годахъ 7—8 руб. съ ревизской души, возрасла въ девяностыхъ годахъ до 14—16 рублей съ души, т. е. почти вдвое [1]).

Мѣстѣ съ тѣмъ изъ приведеннаго расчета видно, что положеніе барщинныхъ крестьянъ было тяжелѣе оброчныхъ не только потому, что они вообще въ большей мѣрѣ зависѣли отъ помѣщичьяго произвола, но и потому, что послѣднему открывалась возможность, при системѣ натуральныхъ повинностей и сборовъ, получать съ нихъ по крайней мѣрѣ вдвое большій доходъ, чѣмъ съ крестьянъ, сидѣвшихъ на оброкѣ. Только въ концѣ XVIII-го в. само правительство обратило вниманіе на тяжелое положеніе барщинныхъ крестьянъ и въ извѣстномъ указѣ отъ 5 апрѣля 1797 г. попыталось облегчить его; но предписаніе императора Павла не отличалось удачною редакціей; въ немъ повелѣвалось „всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни, тѣмъ болѣе, что остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые,... достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ". Хотя указъ 1797 года, и имѣлъ принципіальное значеніе, такъ какъ ограничилъ власть помѣщика надъ рабочей силой крестьянина

[1]) *В. Семевскій*, Op. cit I., 62—83. *Е. Трифильевъ*, Очерки изъ ист. кр. права, Хар., 1904, стр. 313.

и давалъ понять, что часть ея принадлежитъ ему, а не помѣщику, но онъ слишкомъ вскользь упомянулъ объ ограниченіи барщины тремя днями и былъ лишенъ какой либо санкціи: при такихъ условіяхъ указъ 1797 г. часто подвергался нарушеніямъ; впрочемъ, извѣстны случаи, когда правительство заботилось о соблюденіи его и подвергало наказанію виновныхъ въ его нарушеніи[1]).

Произволъ помѣщика достигалъ, однако, наибольшаго развитія и наиболѣе изощренныхъ формъ эксплоатаціи въ отношеніяхъ его къ дворовымъ, т. е. большею частью къ тѣмъ крѣпостнымъ, которые по его приказанію взяты были въ домъ для услуженія. Въ такихъ случаяхъ господинъ часто эксплоатировалъ личность подвластнаго ему человѣка, а не только его трудъ. Изъ многочисленной дворни, доходившей иногда до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, многіе, конечно, нужны были господину для веденія его домашняго хозяйства или для охраны его личной безопасности, но многіе были предназначены и для того, чтобы удовлетворять его самымъ низкимъ страстямъ или тщеславію: стоитъ только припомнить тѣ вечера, которые устраивалъ Есиповъ для своихъ гостей и которыя заканчивались развратомъ; извѣстны также помѣщики, которые практиковали и jus primae noctis. У господъ бывали свои крѣпостные архитекторы, живописцы, музыканты и актеры, свои крѣпостные композиторы, отправляемые даже заграницу для усовершенствованія въ музыкальномъ искусствѣ, (напримѣръ, Дегтяревскій и Матинскій), и доморощенные писатели, пріобрѣвшіе нѣкоторую извѣстность своими литературными произведеніями (напримѣръ, Майковъ). Владѣльцы такихъ людей иногда простосердечно признавались, что они культивируютъ ихъ дарованія „для невиннаго веселія“ и не думали о томъ, что дали имъ „душу на чувствованіе“ только для того, чтобы они съ большею горечью чувствовали свою рабскую зависимость отъ ихъ „произволенія“ [2]).

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17909. Свидѣтельство современника о несоблюденіи указа 1797 года см. *В. Семевскій*, Кр. Вопр., I, 233. Сперанскій придавалъ большое, можетъ быть даже слишкомъ большое значеніе указу 1797 года; въ немъ, по его мнѣнію, законъ впервые призналъ и то, что крестьянину принадлежитъ половина его силъ и что онъ можетъ имѣть собственность; впрочемъ самъ Сперанскій замѣтилъ, что „сіи послѣдствія съ точностью не опредѣлены закономъ, но всѣ содержатся въ его смыслѣ“ (*Гр. М. Сперанскій*, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. собственности въ Арх. ист. и прак. св. Н. Калачова, II, 40—41; ср. ib., III, 6—7). *Е. Трифольевъ*, Op. cit., стр. 295—299, 300.

[2]) *Д. Руничъ*, Записки въ Рус. Стар. 1896 г., № 11, стр. 288. С. Р. И. О., XXXVI, 344—345. С. *Соловьевъ* И. Р., V, 791. *В. Семевскій*, Кр., I, 139—159, 318—319. О Есиповѣ—*Ф. Вигель*, Воспоминанія т. I, стр. 133—135. См. еще записки сельскаго священника въ Рус. Стар. 1880 г., №№ 1 и 3; ср. Рус. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 580—582.

Способы извлекать доходы изъ своихъ крѣпостныхъ не ограничивались, конечно, вышеуказанными: помѣщикъ переселялъ своихъ подданныхъ и „отдавалъ ихъ зарабатывать слѣдуемые къ уплатѣ ежегодно проценты", а также мѣнялъ или продавалъ своихъ крестьянъ смотря по надобности. Болтинъ зналъ одного помѣщика, которому принадлежало почти 400 душъ: изъ нихъ онъ распродалъ въ рекруты до 100 человѣкъ: выручивъ изъ продажи 16,000 рублей, онъ уплатилъ свои долги и въ то же время сохранилъ свою деревню: негодные въ рекруты продолжали работать въ ней и платить оброкъ помѣщику. Продажа крестьянъ, впрочемъ, обыкновенно вмѣстѣ съ пожитками ихъ, производилась оптомъ и въ розницу, особенно въ рекруты: мужъ съ женою чаще продавались вмѣстѣ, чѣмъ родители съ дѣтьми. Въ зависимости отъ возраставшей роскоши и расточительности дворянства и торговля людьми, повидимому, усилилась къ концу XVIII вѣка: въ 1780-хъ годахъ въ столицу „привозили людей цѣлыми баркамн для продажи": въ то же время, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сталъ распространяться обычай продавать цѣлыя деревни на выводъ. Правительство пыталось нѣсколько ограничить эту торговлю людьми: въ 1766 г. вышелъ указъ, запретившій совершать купчія на взрослыхъ крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора: но законъ 1766 года имѣлъ очень мало вліянія на житейскую практику, всегда умѣвшую обходить его требованія. Кромѣ того въ 1771 году послѣдовало запрещеніе продавать людей безъ земли, но только при конфискаціи имѣній и при продажѣ ихъ съ аукціона, что, разумѣется, не уничтожило продажи людей безъ земли во всѣхъ остальныхъ случаяхъ: и въ началѣ XIX-го вѣка на губернской ярмаркѣ, куда пригонялись скованные помѣщичьи люди, можно было купить ихъ въ розницу [1]).

Для правильнаго извлеченія доходовъ изъ вотчины, а также для уплаты подушной подати (по 70 к. съ души, съ 1794 г.— по 1 р. съ души) и для исправленія крестьянами рекрутской и другихъ государственныхъ повинностей, помѣщику выгодно было покровительствовать крестьянской общинѣ, до новой ревизіи платившей и за убылыя ревизскія души: хозяйственная и податная исправность крестьянъ въ извѣстной мѣрѣ обезпечивалась ихъ общиннымъ устройствомъ; съ крестьянскаго міра удобно было также требовать платежи за крѣпостныхъ, взя-

---

[1]) *И. Болтинъ*, Op. cit., II, 221—222. С. Р. И. О. XXXII, 407; XXXVI, 262. П. С. З., т. XVII, № 12748; ср. т. XVIII, №№ 13074 и 13287; т. XIX, № 13634; въ 1768 году было запрещено принимать въ рекруты вольнонаемныхъ людей вмѣсто дворцовыхъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ (ib., № 13103). Ср. „Трутень" Н. Новикова, изд. Ефремова, стр. 155—156 *В. Семевскій*, Op. cit., I, 166—171.

тыхъ въ дворовые, что иногда дѣлалось, и за людей, проданныхъ въ рекруты, или деньги на покупку ихъ. Такимъ образомъ объясняется, почему и общинное владѣніе успѣло значительно развиться среди крестьянъ на владѣльческихъ земляхъ, т. е. тамъ, гдѣ, при относительной густотѣ населенія, земельномъ утѣсненіи и потребности въ уравненіи, выше указанныя обстоятельства оказывали свое дѣйствіе. Общинное землевладѣніе съ передѣлами, уже, вѣроятно, практиковавшееся въ имѣніяхъ XVII-го в., получило широкое развитіе въ слѣдующемъ столѣтіи, особенно въ центральной области, гдѣ всего больше было крѣпостныхъ: потяглыная разверстка преобладала у нихъ, особенно у барщинныхъ крестьянъ, такъ какъ представляла здѣсь больше выгодъ, чѣмъ подушная. Земля разверстывалась по „тягламъ", „вѣнцамъ" и т. п.: въ составъ одного тягла или вѣнца входили мужъ и жена, могущіе работать: такъ какъ въ выгодахъ помѣщика было садить крестьянъ на тягло возможно раньше, то, вѣроятно, подъ его вліяніемъ тяглое совершеннолѣтіе наступало довольно рано: возможно, что предѣлы его расширились подъ тѣмъ же вліяніемъ: во второй половинѣ XVIII вѣка они опредѣлялись 17-ти и даже 15-ти лѣтнимъ возрастомъ: тягла не снимали до 60 и даже до 65 лѣтъ. Общіе передѣлы всей земли (пашни, сѣнокосовъ и приусадебной земли) производились отъ времени до времени, въ различные сроки: частные, между нѣкоторыми домохозяевами,—обыкновенно чуть ли не каждый годъ: сами помѣщики допускали разверстку тяголъ, по которымъ распредѣлялись всѣ повинности, „не рѣже какъ черезъ два или три года". Помѣщикъ, отвѣчавшій за запущеніе недоимокъ, не препятствовалъ, иногда даже содѣйствовалъ и другимъ проявленіямъ общинной жизни, въ особенности если они оказывались выгодными для имѣнія: извѣстны случаи, напримѣръ, когда крестьянскій міръ помогалъ своимъ обѣднѣвшимъ членамъ, арендовалъ сосѣдніе участки казенной или частной земли и даже покупалъ землю съ дозволенія помѣщика и „на его имя" [1]).

По прежнему помѣщикъ предоставлялъ обыкновенно выборы должностныхъ лицъ и рѣшеніе нѣкоторыхъ мірскихъ дѣлъ (напримѣръ, раскладку податей и оброка) крестьянской общинѣ; наказаніе виновныхъ также происходило иногда „съ совѣту", а иногда и „съ согласія" крестьянскаго міра. Тѣмъ не менѣе крестьянская община не была въ состояніи оградить своихъ членовъ отъ помѣщичьей власти: помѣщикъ имѣлъ полную возможность вмѣшиваться въ личную жизнь своихъ крестьянъ, или ихъ имуще-

---

[1]) *А. Волынскій*, Инструкція въ Москвит. 1854 г., № 1, стр. 29. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 101—139. *Н. Бржескій*, Недоимочность и круговая порука и пр., стр. 59, 70, 78 и др.

ственныя отношенія и тѣмъ самымъ подрывалъ ея значеніе; онъ распоряжался членами общины по своему усмотрѣнію: онъ устраивалъ или разрѣшалъ браки крѣпостныхъ, бралъ, кого нужно, къ себѣ въ дворовые, а также снималъ съ крестьянъ тягла или накладывалъ ихъ на новыхъ плательщиковъ; рѣшенія крестьянскаго міра подлежали, обыкновенно, утвержденію помѣщика; онъ могъ взамѣнъ выборнаго назначить своего старосту или даже отдать все свое имѣніе съ крѣпостными въ аренду „чужому", который иногда „дралъ съ нихъ кожу" и на котораго имъ жаловаться было некому [1]); наконецъ, въ его власти было и наказывать своихъ крѣпостныхъ; ей, разумѣется, подчинены были и выборные міра.

Дѣйствительно, личность крѣпостнаго находилась въ очень сильной зависимости отъ карательной власти помѣщика; до позднѣйшаго времени границы ея оставались безъ достаточно полнаго опредѣленія въ законѣ Хотя дѣла объ убійствѣ обыкновенно не подлежали его вѣдѣнію онъ, конечно, стремился присвоить себѣ судъ надъ подвластными ему людьми по всяческимъ дѣламъ [2]). У каждаго владѣльца могъ быть свой особенный уголовный кодексъ. Во многихъ случаяхъ отъ помѣщика зависѣло опредѣлить, какія дѣянія своихъ крѣпостныхъ онъ будетъ считать преступными и какія изъ нихъ самыми тяжкими: во главѣ преступленій одинъ помѣщикъ ставилъ, напр., воровство, другой—пьянство, третій—лѣнь и т. п.; помѣщикъ часто пользовался своей властью и для того, чтобы принуждать крестьянъ къ исполненію имъ же установленныхъ повинностей; отъ помѣщика зависѣло опредѣлить цѣль наказанія, придерживаться системы устрашенія или системы исправленія и т. п.; отъ помѣщика зависѣло установленіе рода наказанія, причемъ онъ иногда самъ изобрѣталъ его; отъ помѣщика, наконецъ, зависѣло и повышеніе или пониженіе мѣры наказанія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

---

[1]) *А. Радищевъ*, Op. cit., Стр. 17—18.

[2]) Уложеніе, XI, 79. Ср. выше стр. 61, прим. 2 Предварительный розыскъ разбойниковъ и воровъ, надо полагать, также производился иногда помѣщиками; ср. П. С. З., т. XIII, № 10033. Въ указѣ отъ 18 октября 1770 года имп. Екатерина обратила вниманіе сената на то, что „побѣги, воровство и подобное не подлежатъ домашнему наказанію". (П. С. З., т. XIX, № 13516); но дѣло вдовы Этингерши показываетъ, что такое правило едва ли соблюдалось въ дѣйствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крѣпостной совершалъ проступокъ или преступленіе не противъ своего владѣльца (съ его семьей) или его же крѣпостныхъ, а противъ кого либо другого, виновный подлежалъ расправѣ помѣщика (или его управляющаго и т. п.) лишь въ томъ случаѣ, если самъ обиженный просилъ его объ этомъ; въ противномъ случаѣ дѣла подобнаго рода рѣшались въ судебныхъ или полицейскихъ мѣстахъ; но едва ли случаи послѣдняго рода часто повторялись. Объ опредѣленіи и ограниченіи карательной власти помѣщика см. Второе Пол. Соб. Зак., т. XXI, № 19640 (1846 г., Янв. 21).

Въ одномъ „журналѣ домоваго управленія“ постановлено за опрокинутую солонку (что́ считалось дурнымъ предзнаменованіемъ) наказывать человѣка палками, а „за подаваніе худыхъ сливокъ“ не давать прислугѣ хлѣба въ теченіе семи дней. Одинъ изъ извѣстныхъ помѣщиковъ того времени терпѣть не могъ пьяныхъ и велѣлъ поливать своихъ пьяныхъ крестьянъ водою изъ колодца, даже зимою, для того, чтобы они „стыдъ и муку помнили“. Аналогичную цѣль („стыдъ“) преслѣдовалъ и другой судья-помѣщикъ; однажды онъ постановилъ, за какую-то провинность своей крѣпостной, Ѳеклы Яковлевой „впредь именемъ и отечествомъ её не звать никому, а звать её всѣмъ трусихой и лживицей“, причемъ грозилъ виновному въ нарушеніи этого правила наказаніемъ розгами, „по 5000 разъ, нещадно“. Бывали случаи, когда тѣ же цѣли („стыдъ и мука“) еще яснѣе только-что приведеннаго примѣра соединялись съ изобрѣтательностью помѣщика касательно самого рода наказанія: въ одномъ имѣніи существовалъ „складной желѣзный ошейникъ; съ боковъ его были желѣзные рога съ подвѣшенными къ нимъ колокольчиками, а висячій замокъ, на который онъ замыкался, колотилъ виновнаго по спинѣ“; въ такомъ ошейникѣ его отправляли въ заводскую работу. Наконецъ, мѣра наказанія также зависѣла отъ „усмотрѣнія“ помѣщика: можно было наказать виновнаго сразу и помногу, опредѣливши ему, напримѣръ, 100 ударовъ плетьми или 17000 розогъ; но можно было „повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ“, что иногда доводило истязуемаго до самоубійства [1]).

Нѣкоторые роды наказаній, грозившихъ провинившимся крестьянамъ и повидимому примѣнявшихся чаще другихъ, были особенно отяготительны для нихъ; таковыми можно признать, главнымъ образомъ, ссылку въ Сибирь и тѣлесное наказаніе, иногда причинявшее смерть наказуемаго.—Право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, хотя и ограничено было нѣкоторыми условіями, однако приводило къ крупнымъ злоупотребленіямъ. Помѣщики часто пользовались указомъ 1760 года для того, чтобы избавиться отъ обязанности кормить людей, не приносившихъ имъ никакого дохода: они отправляли въ одинокую ссылку людей старыхъ, увѣчныхъ или не годившихся въ рекруты и даже продавали зачетныя квитанціи на нихъ, а, „судъ не могъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло“. И хотя дѣйствіе указа 1760 года было временно пріостановлено въ 1773 году,

---

[1]) *А. Романовичъ-Славатинскій*, Op. cit., стр. 309. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 509—512. *В. Семевскій*, Op. cit. I, 197, 201, 210. *А. Болотовъ*, Записки, IV, 1034—10037.

но, во всякомъ случаѣ, черезъ четырнадцать лѣтъ сенатъ снова подтвердилъ тотъ же указъ. Впрочемъ даже временная пріостановка его не лишила помѣщиковъ права отдавать на каторгу людей своихъ, „по продерзостному состоянію заслуживавшихъ справедливое наказаніе“: указъ 1765 года помимо какихъ бы то ни было колонизаціонныхъ цѣлей постановилъ, что бы адмиралтейская коллегія принимала такихъ людей и употребляла ихъ въ тяжкую работу съ каторжными до тѣхъ поръ, пока помѣщики не захотятъ взять ихъ обратно [1]). И этотъ указъ, разумѣется, породилъ много злоупотребленій, аналогичныхъ съ вышеуказанными.—Тѣлесное наказаніе также примѣнялось къ крѣпостнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: не говоря о „пристрастномъ допросѣ“, на которомъ помѣщики прибѣгали къ пыткѣ подвластныхъ имъ людей, они наказывали ихъ, иногда за маловажныя провинности, и кнутомъ, и плетьми, и „кошками“, и палками, и розгами: впрочемъ, кнутъ, кажется, выходилъ уже изъ общаго употребленія, а плети стали замѣняться батогами или розгами: бывали даже помѣщики, которые считали возможнымъ (въ 1780-хъ г.) прибѣгать и къ розгамъ только „въ крайности“. Мѣра наказанія иногда превышала выносливость крѣпостныхъ и истязанія причиняли ихъ смерть. Извѣстны, правда, исключительные случаи, когда помѣщики собственноручно сѣкли своихъ подданныхъ и испытывали какое то чувство наслажденія въ мучительствѣ своихъ людей: имъ прославились, напримѣръ, Карташевъ и Шенинъ, Козловская и Салтычиха. И хотя на такія изъ ряду вонъ выходящія мучительства можно было жаловаться, по крайней мѣрѣ до указа 1767 года, но дѣло о Салтычихѣ ясно показываетъ, какъ трудно было крѣпостнымъ мученикамъ добиться справедливости. Несмотря на то, что истязанія Салтычихи происходили не гдѣ нибудь на окраинѣ, въ какой нибудь глухой и отдаленной провинціи, а въ самомъ центрѣ Россіи, въ Москвѣ или подмосковномъ селѣ ея Троицкомъ, она въ теченіе шести лѣтъ безпрестанно и безнаказанно мучила своихъ крѣпостныхъ. Доносы ихъ на вліятельную и богатую помѣщицу долгое время оставались безуспѣшными: дѣло начиналось двадцать одинъ разъ и каждый разъ прекращалось безъ всякихъ послѣдствій для нея, пока челобитная одного изъ дворовыхъ Салтычихи о ея суровостяхъ не достигла, наконецъ, до императрицы: но въ то время Салтычиха, по показанію ея людей, успѣла уже замучить 75 человѣкъ, а юстицъ-коллегія положительно обвинила ее въ убійствѣ 38 человѣкъ и оправдала ее только по одному случаю. И

---

[1]) П. С. З., XVII, № 12311 (ук. 1765 г. янв. 17) т. XIX, № 14077; т. XXII, № 16602. Въ указѣ рѣчь идетъ о „людяхъ помѣщика“; о позднѣйшихъ колебаніяхъ законодательства XVIII вѣка по этому вопросу см. *В. Семевскій*, Op. cit. I, 188—187. *К. Штт*, Ein russischer Staatsmann, I, 290—291, 393—394.

хотя сама императрица сознавала необходимость „сдѣлать положеніе о томъ, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ“, однако, никакого общаго закона подобнаго рода не было издано: въ тѣхъ случахъ, когда дѣла о помѣщикахъ-мучителяхъ доходили до свѣдѣнія правительства, оно довольствовалось частными рѣшеніями, присуждая виновнаго или виновную то къ церковному покаянію, то къ заключенію въ монастырь, или въ тюрьму, то къ лишенію правъ состоянія, клейменію на лбу и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или въ каторжныя работы. Только учрежденіе о губерніяхъ предоставило намѣстнику право „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безпутства и мотовство, тиранство и жестокости“: такое „обузданіе“ дѣйствительно осуществлялось или путемъ отдачи имѣнія въ опеку, о чемъ уже разсуждали члены большой коммисіи, или преданіемъ суду самого владѣльца: но примѣненіе этого правила зависѣло отъ усмотрѣнія намѣстника: оно не могло замѣнить отсутствующій общій законъ объ отвѣтственности помѣщиковъ за мученія своихъ крѣпостныхъ. [1]) Еще въ 1767 году юстицъ-коллегія заявляла, что „точнаго закону“ нѣтъ относительно тѣхъ случаевъ, когда крѣпостные „вскорѣ помрутъ“, послѣ жестокихъ наказаній и побоевъ, и что „въ томъ состоитъ недостатокъ„: но пробѣлъ, указанный юстицъ-коллегіей въ современномъ ей законодательствѣ, не былъ восполненъ до позднѣйшаго времени.

Всѣ эти злоупотребленія, разумѣется, могли еще болѣе усилиться, когда во главѣ вотчиннаго управленія стоялъ управитель или приказчикъ, „пользовавшійся милостью своего господина, но употреблявшій её не только во вредъ оному, но и въ великій ущербъ всему обществу“ [2]).

Положеніе крестьянъ становилось тѣмъ болѣе безвыходнымъ, что сенатскій указъ отъ 22 августа 1767 года, ссылаясь на одну изъ статей Уложенія, лишилъ ихъ права подавать челобитныя на злоупотребленія своихъ помѣщиковъ даже въ низшія инстанціи, причемъ виновнымъ въ нарушеніи его грозилъ кнутомъ и безсрочной ссылкой въ каторжныя работы съ зачетомъ ихъ вла-

[1]) *Императрица Екатерина II*, Отвѣты на вопросы Дидро въ Рус. Арх. 1880 г., № 3, стб. 6—7: „Землевладѣльцы дѣлаютъ въ своихъ помѣстьхъ все, что имъ заблагоразсудится, кромѣ смертной казни, которая имъ запрещена“. *Г. Студенкинъ*, Салтычиха въ Рус. Стар. 1874 г., т. X, стр. 497—549. П. С. З., т. XX, № 14392, п. 84. *С Соловьевъ*, И. Р., V, 158. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 193, 195, 197—198; 229—230, 449, 450, 451, 454; дѣла объ убійствѣ помѣщиками своихъ крѣпостныхъ см. тамъ же, стр. 229—230; дѣло о преданіи опекѣ см. тамъ же, стр. 380—381 и въ Сб. „Осьмнадцатый вѣкъ“, I, 171, 175, 177—178. С. Р. И. О. XLIII, 117.

[2]) С. Р. И. О. XXXII, 468. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 758

дѣльцамъ въ рекруты; случаи примѣненія такого наказанія извѣстны. Законъ, запрещавшій крѣпостнымъ жаловаться на своихъ господъ, хотя и не могъ сразу уничтожить стариннаго обычая, но, по словамъ одного изъ современниковъ, дѣлалъ крѣпостныхъ „безсовѣстными скотами, покорность коихъ посему дальше всякой вѣроятности такъ же, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ простирается"; „надобно быть допущеннымъ во внутренность домовъ дворянскихъ, писалъ онъ далѣе, дабы видѣть всѣ своевольства, происходящія въ сихъ вертепахъ" [1]).

Впрочемъ, нельзя вполнѣ согласиться съ этимъ заключеніемъ. По замѣчанію другого современника „человѣкъ, не имѣющій никакихъ выгодъ, которыя могли бы его возбуждать къ сохраненію такого общества, гдѣ онъ ничего не составляетъ и всегда страждетъ, долженъ мало имѣть къ нему горячности; онъ знаетъ, что какая бы въ немъ перемѣна не случилась, то ему потерять нечего; иногда также случается, что такіе люди, не видя конца своимъ бѣдствіямъ, приходятъ въ отчаяніе и приступаютъ къ опасной для каждаго общества крайности" [2]). И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда гнетъ помѣщичьей власти превышалъ силы и терпѣніе крѣпостныхъ, они иногда искали какого нибудь выхода изъ своего положенія.

Самымъ сподручнымъ средствомъ было, конечно, бѣгство: по свидѣтельству современниковъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, вызывавшихъ крестьянскіе побѣги, были именно злоупотребленія помѣщиковъ. Несмотря на жестокія наказанія, грозившія бѣглецамъ, и высокіе штрафы за пріемъ бѣглыхъ (въ силу указа 1754 года въ годъ по 200 рублей за мужчину и 100 рублей за женщину, принятыхъ съ вѣдома помѣщика) побѣги продолжались: крѣпостные бросали свои насиженныя мѣста преимущественно весною и часто уходили или въ отдаленныя провинціи имперіи, на окраины, гдѣ правительству приходилось иногда оставлять ихъ безъ возвращенія, или за польскую границу, гдѣ легче было укрыться отъ помѣщиковъ. Правительство старалось вернуть бѣглецовъ и манифестами, обѣщавшими прощеніе, и другими мѣрами; но эти мѣры остава-

---

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 12966. Подача челобитенъ самой императрицѣ уже была запрещена подъ страхомъ наказанія сенатскимъ указомъ отъ 12 іюля 1762 и 19 января 1765 года (П. С. З., т. XVI, № 11606 и т. XVII, № 12316, а также и др.) и подтверждена указомъ отъ 22 августа 1767 года съ усиленіемъ наказанія. Ср. Рус. Арх. 1866 г., ст. 64. *Г. Винскій*, Записки въ Рус. Арх. 1877 г. №№ 1—2, стр. 181—182. Даже по дѣламъ, переходившимъ въ судебныя мѣста, владѣльцевъ спрашивали иногда: „что хотите дѣлать" съ виновнымъ?; см. *Д. Мертваго*, Записки въ Рус. Арх. 1867 г., стр. 34. См. выше стр. 102.

[2]) *А. Полиновъ*, О крѣпостномъ состояніи въ Россіи въ Рус. Арх. 1865 г., № 3, стб. 8.

лись большею частью безуспѣшными, хотя оно уже съ 1759 года предлагало перебѣжчикамъ, вмѣсто возвращенія ихъ въ прежнюю зависимость, поступать въ дворцовые крестьяне или на фортификаціонныя работы. Послѣ польскихъ раздѣловъ и покоренія Крыма границы имперіи широко раздвинулись и побѣги стали труднѣе; притомъ по примѣру манифеста 1761 года правительство съ 1779 года начало предлагать перебѣжчикамъ льготныя условія поселенія преимущественно на свободныхъ казенныхъ земляхъ бывшей южной украины, что продолжалось и въ послѣдующее время (указы 1782 и 1787 гг.). Положеніе крѣпостныхъ, которымъ нельзя или некуда было бѣжать, становилось гораздо болѣе опаснымъ: за исключеніемъ развѣ самоубійства, имъ оставалось только активно сопротивляться помѣщикамъ. Извѣстны случаи убійства помѣщиковъ крѣпостными или крестьянскихъ волненій. Нѣкоторые депутаты большой комиссіи указывали собранію на то, что „уже многіе помѣщики учинились несчастною жертвою свирѣпости“ крѣпостныхъ; дѣйствительно, съ 1764 по 1769 годы въ одной только московской губерніи можно было насчитать до 30 случаевъ убійства помѣщиковъ и помѣщицъ ихъ крѣпостными, да еще 5 покушеній на преступленія такого же рода; но на самомъ дѣлѣ ихъ, вѣроятно, было больше приведенной цифры. Легко указать на нѣсколько подобныхъ же случаевъ и въ позднѣйшее время. Убійства производились иногда нѣсколькими крѣпостными, состоявшими „въ заговорѣ“. Виновные строго наказывались, но не подвергались смертной казни, о примѣненіи которой просили московскіе департаменты сената.

Тотъ же гнетъ помѣщичьяго „права господства“ послужилъ одною изъ причинъ крестьянскихъ волненій противъ помѣщиковъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что эти движенія были вызваны и другими причинами; въ числѣ ихъ существенное значеніе получило сознаніе того различія, которое существовало между положеніемъ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, а также той противоположности между безправіемъ крѣпостныхъ и сословными привилегіями дворянства, которая возникла послѣ указа 18 февраля 1762 года [1]).

Сравнительно выгодное положеніе казенныхъ крестьянъ должно было, конечно, вызывать желаніе крѣпостныхъ также пользоваться его преимуществами. „Представилось мнѣ, писалъ одинъ изъ современниковъ, неравенство крестьянскаго состоянія: сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими; тѣ

---

[1]) Важнѣйшія узаконенія о бѣглыхъ см. въ П. С. З., т. XIV. № 10233; т. XVII, № 12506: т. XX, № 14392, пп. 244, 252 и 275;—о перебѣжчикахъ: П. С. З., т. XX, № 14870 и др.; ср. т. XXII, № 16281. *Н. Дубровинъ*, Op. cit., I, 350—351.

и другіе живутъ въ деревняхъ: но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ: одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ"... Надежды крѣпостныхъ на улучшеніе ихъ положенія могли усилиться подъ вліяніемъ длиннаго ряда попытокъ секуляризировать вотчины, принадлежавшія духовенству, а окончательная секуляризація ихъ въ 1764-мъ году вызвала неудовольствіе нѣкоторыхъ дворянъ, можетъ быть опасавшихся, что за ней послѣдуютъ какія-нибудь аналогичныя мѣры касательно ихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Волненія крестьянъ церковныхъ вотчинъ въ 1750-хъ и 1760-хъ годахъ, послѣ которыхъ наступила секуляризація 1764 г., также могли заразительнымъ образомъ дѣйствовать на помѣщичьихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ многіе изъ нихъ обращались къ правительству съ просьбами избавить ихъ отъ крѣпостной зависимости и приписать ихъ къ дворцовымъ или государевымъ волостямъ: такія пожеланія высказывали, напримѣръ, крестьяне, волновавшіеся въ нѣкоторыхъ вотчинахъ въ 1762-мъ году. „Помѣщичьи крестьяне, писалъ сенатъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ 1766 года, льстятся, сколько можно, быть государственными крестьянами и въ томъ единомъ только видѣ отъ своихъ помѣщиковъ бѣгаютъ" или „дѣлаютъ помѣщикамъ различныя непослушанія и противности", что принуждаетъ правительство „приводить ихъ въ умѣренность". Пугачевъ и его сообщники расчитывали на то-же ожиданіе: въ одномъ изъ своихъ манифестовъ Пугачевъ въ числѣ прочихъ милостей обѣщалъ „всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно его короны": мятежники говорили народу: „а крестьянъ всѣхъ государь хочетъ отъ бояръ отобрать и имѣть ихъ токмо за своихъ именемъ" [1]).

Въ то же время противоположность между почти безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ и привилегіями дворянства стала особенно ощутительна. Въ самомъ дѣлѣ права, оставшіяся за помѣщичьими крестьянами, были ничтожны. Статьи Уложенія о безчестьѣ и увѣчьѣ, а также о свидѣтельствѣ на судѣ, кажется, не были отмѣнены, но въ дѣйствительности едва-ли имѣли значеніе: крѣпостные могли сами за себя искать и отвѣчать въ гражданскихъ дѣлахъ, но законъ дозволялъ помѣщикамъ искать за своихъ крестьянъ, а помѣщики иногда даже запрещали имъ „самимъ входить въ тяжебныя дѣла" и отвѣчали за убытки, при-

---

[1]) П. С. З., т. XIV, № 10233, п. 33; т. XV, № 11577; т. XVII, № 12633. *А. Радищевъ*, Путешествіе, Спб., 1888 г., стр. 18 — 19. Рус. Стар. 1876 г., т. XVII, стр. 70. *С. Соловьевъ*, II. Р., V, 686 и 688. *Я. Гротъ*, Матер. для ист. Пугач. бунта, Спб. 1875 г., стр. 53. *Н. Дубровинъ*, Op. cit., II, 144; 53 и 112. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 278.

чиняемые ихъ крестьянами. Имущественныя права крѣпостныхъ, упоминаемыя въ законѣ, были также поставлены въ зависимость отъ воли помѣщика: правда, законъ по прежнему вмѣнялъ ему въ обязанность въ случаѣ хлѣбнаго недорода „кормить крестьянъ своимъ хлѣбомъ" и запрещалъ ему выпускать крѣпостныхъ людей, въ томъ числѣ слѣпыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ, для прошенія милостыни, грозя въ противномъ случаѣ наказать виновнаго пятирублевымъ штрафомъ „за каждаго человѣка" и поступить съ нимъ по всей строгости [1]): но такія запрещенія, едвали оказывали большое дѣйствіе и, можетъ быть, въ извѣстной мѣрѣ даже служили предлогомъ для того, чтобы усилить имущественную зависимость крѣпостныхъ отъ ихъ владѣльцевъ. На основаніи указа 1762 года крѣпостные могли записываться въ посадъ лишь съ увольнительнымъ письмомъ отъ помѣщика, и хотявъ 1774 году получили дозволеніе вступать въ винные откупы, но только за его же поручительствомъ. Привилегіи дворянства, напротивъ, вполнѣ окрѣпли: въ 1762 году появился извѣстный манифестъ о вольности дворянской, а въ 1785 г. жалованная грамата дворянству, постановляющая, чтобы „благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо"; жалованная грамота 1785 г. даже расширила нѣкоторыя личныя и имущественныя права дворянъ, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ неприкосновенность дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властью, а также придала дворянству прочную сословную организацію [2]). При такихъ условіяхъ противоположность между состояніемъ крѣпостныхъ и состояніемъ дворянъ рѣзко бросалась въ глаза, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе злоупотребляли своею властью. А между тѣмъ сами крестьяне едва-ли успѣли совсѣмъ забыть мысль, нѣкогда высказанную крестьяниномъ-Посошковымъ о томъ, что „дворяне владѣютъ ими временно", а не „вѣковѣчные ими владѣльцы". Манифестъ 18 февраля 1762 года и созваніе комиссіи 1767—1768 гг., повидимому, возбудили у крестьянъ слухи о какомъ-то освобожденіи или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ; правительство попыталось опровергнуть ихъ въ указѣ 19 іюня того же года. Такія же ожиданія возникали у крестьянъ много разъ и въ послѣдующія царствованія [3]).

Можно думать, что подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ волненія помѣщичьихъ крестьянъ, уже происходившія

---

[1]) П. С. З., т. XIX, №№ 13767 и 14231, п. 4; ср. выше стр. 87, 94, 105 и 106.

[2]) П. С. З., т. XV, № 11426; ср. т. XIX, № 14123; т. XX, № 14632; т. XXII, № 16535. п. 23.

[3]) Фальшивый манифестъ отъ 1 ноября 1781 г. объ освобожденіи крестьянъ см. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 452.

кое-гдѣ и въ предшествующемъ періодѣ, значительно усилились. Весною 1762 года въ восьми уѣздахъ началось движеніе крѣпостного населенія нѣсколькихъ вотчинъ, причемъ общее число крестьянъ въ нихъ доходило до 5.840 душъ; вслѣдъ за тѣмъ волненіе распространилось и на другія вотчины, такъ что лѣтомъ того же года захватило до 50.000 душъ, не считая монастырскихъ крестьянъ. Военному отряду, посланному для усмиренія возставшихъ, пришлось, однажды, встрѣтить толпу тысячи въ двѣ человѣкъ и стрѣлять въ нее изъ пушекъ, причемъ было убито около 20 крестьянъ. Волненія продолжались и въ послѣдующее время; между 1762—72 гг. они произошли болѣе чѣмъ въ 36 вотчинахъ и вызвали серьезныя опасенія со стороны дворянства; одинъ изъ членовъ большой комиссіи сравнивалъ даже крестьянъ съ пчелою, которая, защищая свое собственное добро, кусаетъ и жалитъ того, кто посягаетъ на него [1]). Опасенія дворянства оправдались. Въ Пугачевскомъ бунтѣ движеніе крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ играло, конечно, существенную роль; въ то время крестьяне говорили дворянамъ: „прошла ваша пора"; а въ пугачевскихъ манифестахъ повелѣвалось „дворянъ-разорителей ловить, казнить и вѣшать и поступать [съ ними] равнымъ образомъ такъ, какъ они... чинили съ своими крестьянами"; извѣстно, что послѣдніе исполняли такія предписанія и что въ теченіе бунта было перебито, по оффиціальнымъ даннымъ, значительное число дворянъ обоего пола. Послѣ суроваго усмиренія Пугачевскаго бунта крестьянскія волненія на время затихли; но по вступленіи на престолъ императора Павла они возобновились съ новою силою и продолжались въ теченіе года слишкомъ въ тридцати одной губерніяхъ [2]).

Вопреки тѣмъ послѣдствіямъ, которыя порождало крѣпостное право, и тѣмъ опасеніямъ, которыя оно вызывало въ самой императрицѣ Екатеринѣ II, она не только почти ничего не сдѣлала для того, чтобы измѣнить сложившійся порядокъ крѣпостныхъ отношеній, но разочаровалась въ самой возможности измѣнить его и рѣшилась распространить крѣпостное право на новыя и вновь пріобрѣтенныя ею области. Впрочемъ, такія постановленія въ значительной мѣрѣ были подготовлены мѣстными условіями обще-

---

[1]) С. Р. И. О., VIII, 533; XXX, 499—500; LXVIII, 13, 598 и 615.

[2]) П. С. З., т. XVI, № 11678; т. XXIV, № 17769. *С. Соловьевъ*, И. Р., XXV 23—24. Впрочемъ въ рапортѣ генералъ-прокурора А. Глѣбова имп. Петру III отъ 30 мая 1762 года (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ) за Е. Татищевымъ значится въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ 1500 душъ, а Хлоповъ вовсе не упомянутъ; остальныя цифры сходны съ приведенными у Соловьева. *Д. Мертваго*, Записки въ Рус. Арх. 1867 г., стр. 15, 17. Рус. Стар. 1875 г. XIII, стр. 441. *Н. Дубровинъ*, Op. cit., II, 144; III, 56 и 112. *Е. Трифильевъ*, Op. cit., стр. 282—283, 284—289.

ственной жизни и предшествующими распоряженіями самого правительства.

Уже въ 1730-хъ годахъ правительству стало извѣстно, напримѣръ, что въ Слободской украйнѣ многіе казаки приходятъ въ крайнее разореніе и оставя свои грунты, записываются за помѣщиковъ. Шаховской, посланный туда для возстановленія порядка, по собственному усмотрѣнію, раздавалъ полковымъ офицерамъ „мѣстечки, села и деревни съ грунтами, да изъ козачьихъ братьевъ, свойственниковъ и подпомощниковъ довольное число: они было принуждены состоять въ ихъ подданствѣ и нести всякія работы по примѣру крестьянъ"; хотя дѣйствія Шаховского и не заслужили одобренія правительства, однако, переходы мѣстнаго населенія вскорѣ были стѣснены. Уже въ 1738 году появился указъ о томъ, чтобы казаковъ и людей слободскихъ полковъ, бѣжавшихъ въ разныя мѣста, а особенно въ великороссійскія губерніи, „всемѣрно безъ всякаго отлагательства всѣхъ сыскать и пріемщикамъ на ихъ подводахъ и коштѣ на прежнія ихъ жилища немедленно отвезти и тамошнимъ командирамъ отдать". Вслѣдъ за тѣмъ, вскорѣ по учрежденіи комиссіи для преобразованія слободскихъ полковъ въ особливую губернію въ 1765 году, населеніе слободской украины потеряло право перехода [1])

Въ Малороссіи внутренній процессъ закрѣпощенія сельскаго населенія, во многихъ отношеніяхъ аналогичный съ тѣмъ, который происходилъ и въ Великороссіи, дѣйствовалъ за долго до вмѣшательства въ него центральнаго правительства.—До времени польскихъ раздѣловъ почти вся правобережная Украина оставалась подъ польскимъ владычествомъ; сельское населеніе ея постепенно подпало власти шляхты, которая съ 1569 г. старалась ввести сюда крѣпостные порядки, уже въ полной мѣрѣ утвердившіеся въ другихъ польскихъ провинціяхъ. Съ начала XVIII-го вѣка, когда козачество въ правобережной Украинѣ потеряло значеніе, власть пановъ, несмотря на движенія гайдамаковъ, продолжала усиливаться; можно думать, что подъ вліяніемъ народныхъ волненій (коліивщины въ 1768 г.) и колонизаціи новороссійскаго края, землевладѣльцы старались повидимому, удержать крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ, особенно въ мѣстностяхъ, граничившихъ съ Новороссіей, и даже обезпечивали ихъ землею на довольно льготныхъ условіяхъ; но послѣ польскихъ раздѣловъ такія мѣры стали излишними и положеніе владѣльческихъ кресть-

[1]) П. С. З., т. X, № 7588; т. XI, № 8823; т. XVII, № 12430; ср. т. XXI, № 15724, п. 11. С. Р. И. О., VIII, 296—297; XXXII, 370, LXVIII, 255, 258, 269, 278, 281. Сб. Хар. Ист. Фил. Об., V, 255; XI, 339. *П. Головинскій*, Слоб. каз. полки, Спб., 1864 г. *А. Шамановъ*, Глав. мом. въ ист. землевл. въ Харьк. губ. въ Киев. Стар. 1882 г. IV, 401—408. См. еще П. С. З., т. XXI, № 15724, ст. II, п. 8 (ук. 1783 г.).

янъ снова ухудшилось, а шляхта въ присоединенной территоріи по своимъ правамъ была приравнена къ россійскому дворянству [1]).— Въ лѣвобережной украинѣ послѣ извѣстнаго народнаго возстанія 1648—1654 гг., сельское населеніе, казалось, должно было освободиться отъ крѣпостной зависимости; но здѣсь вскорѣ водворились тѣ же крѣпостные порядки. Къ концу XVII-го вѣка посполитые (крестьяне), права которыхъ вообще были слишкомъ мало опредѣлены закономъ, стали обособляться отъ остальнаго населенія, а „державцы маетностей" начали выдѣляться въ особое привилегированное сословіе, сильно вліявшее на мѣстную администрацію и судебную практику. Уже въ 1654 году, во время переговоровъ о правахъ всѣхъ жителей Малой Россіи, посланники войска запорожскаго (Зарудный и Тетеря) просили, чтобы имъ были выданы жалованныя грамоты на нѣкоторыя мѣстности „съ подданными" и чтобы челобитчики, ихъ дѣти и наслѣдники „по извычаю, каковъ въ тѣхъ краяхъ ведется", „были вольны въ своихъ подданныхъ, какъ хотя ими уряжати и обладати": согласно желанію просителей, въ граматахъ, выданныхъ имъ, было прописано, что маетности жалуются имъ „со крестьяны" [2]). Стремленіе державцевъ закрѣпостить подвластное имъ населеніе вскорѣ повело и къ дальнѣйшимъ результатамъ. Хотя въ первой трети XVIII-го вѣка посполитые все еще пользовались свободой перехода и правомъ собственности на движимое и недвижимое имущество, но въ тоже время, обязанные „всякимъ належнымъ послушенствомъ" своимъ державцамъ, они стали, однако, постепенно подчиняться расширявшейся власти ихъ. Свѣтскіе и духовные державцы скупали земли казаковъ и свободныхъ посполитыхъ, иногда обращавшихся въ „подсусѣдковъ" новыхъ владѣльцевъ, и, напротивъ, старались предупредить или задержать отчужденіе земель, принадлежавшихъ владѣльческимъ посполитымъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ державцы стремились присвоить себѣ эти „грунты", а крестьянъ обратить въ „вѣчныхъ своихъ подданныхъ", т. е. въ сущности въ крѣпостныхъ работниковъ: для этого они или вы-

---

[1]) П. С. З., т. XX, № 14376 и др. *В. Антоновичъ*, Изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи, К., 1870 г., стр. 51—64.

[2]) *Г. Карповъ*, О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи въ Рус. Арх. 1875 г., т. II, стр. 229—232. Б. Хмельницкій уже въ 1648 году подтвердилъ прежнія права Густынскаго монастыря, между прочимъ „абы зъ ихъ кгрунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не приймовали"...: „сколько видимъ изъ актовъ, почти всѣ монастыри" получили потвержденія своихъ прежнихъ правъ: см. *А. Лазаревскій*, Малороссійскіе посполитые крестьяне, Чер. 1866 г., стр. 14—15: ср. стр. 18.

[3]) *Е. Радакова*, О ревизіяхъ въ Малороссіи въ XVII ст. въ Тр. XI Арх. съѣзда, К., 1902 г., т. II, стр. 105—125: авторъ приводитъ документальныя данныя объ „обширной группѣ населенія, считавшейся безземельной".

могали у нихъ иногда „обязательство“ не сходить съ земли, или просто насильно удерживали ихъ въ своихъ имѣніяхъ, злоупотребляя своей властью вообще и судебною въ частности. Посполитые, разумѣется, пытались пользоваться переходомъ для того, чтобы нѣсколько оградить себя отъ произвола владѣльцевъ и отъ возраставшаго бремени повинностей, которыя они исправляли въ ихъ пользу; но крестьянамъ трудно было оставлять „домы и жилища свои, гдѣ они порожалися“, а державцы позаботились принять свои мѣры: имъ удалось обставить право крестьянскаго перехода такими условіями, которыя въ высшей степени затрудняли возможность пользоваться имъ. Уже въ 1727 году, несмотря на нѣсколько случаевъ крестьянскихъ волненій въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, повторявшихся и впослѣдствіи, генеральная канцелярія выставила касательно права перехода положеніе, очевидно, навѣянное сословно-крѣпостническими тенденціями малорусскаго шляхетства: хотя крестьянинъ, по мнѣнію канцеляріи, и имѣетъ право переходить съ занятаго имъ участка къ другому владѣльцу, но въ такомъ случаѣ ему уже „не свободно и невозможно“ владѣть тѣмъ грунтомъ, который остался за прежнимъ державцемъ; при переходѣ крестьянину „безъ отнятія“ остается только то, что онъ „можетъ движимыхъ пожитковъ унести или увезти за собою“. Державцы не удовлетворились, однако, этимъ стѣсненіемъ: такъ какъ попытки ихъ прикрѣпить крестьянъ въ то время не увѣнчались успѣхомъ, то они продолжали затруднять условія перехода: имъ легко было воспользоваться тѣмъ, что въ указѣ 18 января 1742 года, „по прежнему“ дозволившемъ крестьянамъ свободно переходить съ мѣста на мѣсто, ничего не говорилось о крестьянскомъ имуществѣ. Благодаря такому пробѣлу, имъ удалось провести въ судебную практику 1750-хъ годовъ правило, сложившееся подъ вліяніемъ литовскаго статута; по одному частному дѣлу генеральная канцелярія въ 1759 году высказала общее положеніе, естественно вытекавшее изъ допущенныхъ уже ограниченій: такъ какъ земля, на которой сидитъ крестьянинъ, писала она, принадлежитъ владѣльцу, а крестьянинъ „снабдѣваетъ себѣ во всемъ“, пользуясь владѣльческою землею и всякими угодьями, то, значитъ, все, что онъ ни пріобрѣтаетъ себѣ изъ движимости, пріобрѣтается имъ по дозволенію того, „чьи суть грунты“: слѣдовательно, и движимое имущество крестьянина въ случаѣ перехода его должно оставаться за тѣмъ владѣльцемъ, отъ котораго онъ уходитъ. Такая точка зрѣнія, высказанная генеральной канцеляріей въ докладѣ гетману Разумовскому, вообще мало входившему въ дѣла, всецѣло отразилась и въ его универсалѣ отъ 20 апрѣля 1760 года: онъ лишилъ крестьянина права при переходѣ забирать съ собою нажитое имъ имѣніе и запретилъ

владѣльцамъ принимать посполитыхъ безъ письменныхъ отпусковъ отъ тѣхъ державцевъ, изъ за которыхъ они вышли: правда, универсалъ 1760 года вмѣнялъ въ обязанность державцѣ давать отпускныя посполитому и послѣдній въ противномъ случаѣ могъ обратиться въ ближайшій „урядъ"; но на дѣлѣ едва-ли это средство могло имѣть большое значеніе: владѣльцы прямо называли универсалъ 1760 года „ордеромъ о непереходѣ подданнымъ съ подъ владѣльца въ другое владѣніе" [1]). Такимъ образомъ мѣстная жизнь уже выработала тѣ начала закрѣпощенія, которыя были подтверждены указами 1763 и 1783 гг. Русское правительство давно привыкло къ тѣмъ крѣпостнымъ порядкамъ, которые частью прививались къ „вольнымъ черкасамъ", селившимся въ великорусскихъ провинціяхъ, частью заносились и въ малорусскія имѣнія великорусскихъ или великорусскія имѣнія малорусскихъ помѣщиковъ, частью, наконецъ, входили въ обычай и у малорусскихъ державцевъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они владѣли бѣглыми крѣпостными изъ Великоруссіи и Польши. Впрочемъ русское правительство, запрещая переходъ малорусскихъ крестьянъ, исходило и изъ иныхъ соображеній, чѣмъ мѣстное шляхетство: ссылаясь на свое желаніе возстановить „добро и покой малороссійскаго народа", а также облегчить отягощенія „остающихся въ семьяхъ" плательщиковъ и „убогихъ" помѣщиковъ, причиняемыя крестьянскими переходами, оно, однако, имѣло въ виду и интересы фиска, и уничтоженіе провинціальной автономіи Малороссіи, допущеніе которой, по словамъ Екатерины, было бы „глупостью". Указъ 10 декабря 1763 года, повелѣвавшій „всѣмъ, гдѣ кто съ публикованія его на поселеніи... находится, пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки и безъ наималѣйшаго утѣсненія", вмѣстѣ съ тѣмъ все еще разрѣшалъ „свободный переходъ" и даже грозилъ штрафомъ тому державцу, который не выдастъ письменнаго отпуска желающему перейти: въ указѣ 1763 года велѣно, однако, такой переходъ „имѣть во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссій-

---

[1]) *И. Новицкій*, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV - XVIII вв. К., 1876 г. (Арх. Ю.,З. Рос., ч. VI, т. 1). *А. Лазаревскій*, Op. cit., стр. 28—29; о мѣрахъ Мазепы см. тамъ же, стр. 31—35; ср. еще стр. 38—40, 62, 65—66 и мн. др. Державцы иногда выживали тяглыхъ крестьянъ вонъ изъ имѣнія для того, чтобы набрать „лёзныхъ" и „пахожихъ людей", съ которыми легче было справиться. *В. Мякотинъ*, Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ Рус. Бог. 1894 г., №№ 2—4; тамъ же указанія и на труды, авторы которыхъ придаютъ главнѣйшее значеніе однимъ только правительственнымъ указамъ 1763 и 1783 гг. Ср. еще *А. Лазаревскій*, Описаніе старой Малороссіи, т. I и II и критическій разборъ второй части этого труда В. А. Мякотина въ Отч. о XXXVII-мъ прис. нагр гр. Уварова. Ср. Сб. Р. И. О., LXVIII, 153, 163, 179, 184, 195—196, 208—209, 239 и Сб. Харк. Ист. Фил. Общ., IV, 155—158; XI, 339.

скихъ въ книгѣ статута изображенныхъ", а выше уже было указано, насколько статутъ благопріятствовалъ крѣпостническимъ тенденціямъ державцевъ. Вскорѣ затѣмъ, по уничтоженіи гетманскаго достоинства, русскому правительству стало легче прежняго проводить свою точку зрѣнія: уже при производствѣ переписи Румянцева „простой малороссійскій народъ, по увѣренію Полетики, заключилъ, что ему больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только записаннымъ быть въ крѣпости по примѣру великороссійскихъ крестьянъ". Между тѣмъ переходы крестьянъ, напуганныхъ производствомъ „генеральной описи", въ то время значительно усилились и вызвали, наконецъ, рѣшительныя мѣры со стороны правительства. Въ постановленіи малороссійской коллегіи отъ 26 января 1770 года люди, которые безъ письменныхъ свидѣтельствъ сошли, прямо признаются бѣглыми, подлежащими возвращенію на прежнія ихъ жилья. Такимъ образомъ было подготовлено и появленіе указа 3 мая 1783 года: въ немъ между прочимъ повелѣно „каждому изъ поселянъ въ намѣстничествахъ: кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи". Насколько въ то время крѣпостное право успѣло развиться здѣсь, показываютъ позднѣйшія предположенія правительства касательно торговли людьми: уже въ 1720-хъ годахъ бывали случаи продажи крестьянъ съ землею; теперь же, въ 1798 году, сенатъ былъ готовъ разрѣшить владѣльцамъ продавать ихъ безъ земли; но, вопреки мнѣнію сената, императоръ Павелъ повелѣлъ запретить въ Малороссіи продажу крестьянъ безъ земли [1]).

Таже участь постигла и тѣ южныя окраины, на которыя крѣпостное населеніе бѣгало отъ своихъ помѣщиковъ. Правительство, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ жалобъ дворянства на побѣги людей въ эти мѣстности, рѣшило „поставить преграду самопроизвольному поселянъ переселенію, законопротивному подговору, пріему и держанію чужихъ крестьянъ и всякого рода бѣглыхъ людей". Подъ вліяніемъ подобнаго рода соображеній, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла, переходы крестьянъ были запрещены (12 дек. 1796 г.) въ губер-

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8555; т. XVI, № 11987; т. XXI, № 15724, I, п. 8; *Г. Тепловъ*, Записка и пр. въ Зап. о Юж. Руси, II, 194—196; о превращеніи козаковъ въ „мужиковъ" см. ib., 181—182, 193—194. *Г. Полетика*, Возраженіе и пр. въ Чт. *М. О. И.* и *Д.* 1858 г., кн. III, смѣсь, стр. 84. *В. Мякотинъ*, Op. cit., ib., № 2, стр. 51. № 4, стр. 133, 151—152. *А. Лазаревскій*, Op. cit., стр. 97; здѣсь приведенъ случай „покупки" крестьянъ безъ земли въ 1729 году, но при особаго рода условіяхъ. О преніяхъ въ большой коммиссіи по поводу крестьянскихъ переходовъ въ Малороссіи см. *В. Семевскій*, Кр. вопр., I, 148—160. П. С. З., т. XXI, № 18706. Ср. Сб. Харк. Ист.-Фил. Общ., XIII, 414—423. Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 557.

ніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической, а также на Дону и на полуостровѣ Тамани [1]).

Такимъ образомъ, къ концу XVIII-го вѣка крѣпостное право не только усилилось въ Великороссіи, но успѣло распространиться и за ея предѣлами, на пространствѣ всей Европейской Россіи. Либеральныя начинанія Екатерины II не привели къ какимъ либо существеннымъ улучшеніямъ въ тяжеломъ положеніи крѣпостного населенія: оно осталось почти безъ всякихъ правъ и продолжало находиться почти въ полной зависимости отъ привилегированнаго сословія: правда, сохранилось извѣстіе о проектѣ закона, въ силу котораго всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 года, должны были получить свободу: но императрица не рѣшилась приступить къ осуществленію своего предположенія. Мало-по-малу она даже стала отставать отъ того либеральнаго движенія, развитію котораго сама способствовала въ началѣ своего царствованія; подобно многимъ современникамъ она увѣровала, напримѣръ, въ то, что благосостояніе крестьянъ составляетъ благополучіе дворянъ и даже готова была защищать идеализируемый ею порядокъ крѣпостныхъ отношеній: ей хотѣлось доказать иностранцамъ, что „русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе французскаго крестьянина“ [2]). И когда Радищевъ выступилъ со своимъ проектомъ постепеннаго и полнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ уже не встрѣтилъ сочувствія со стороны императрицы, утверждавшей, что „лутчее сюдбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. Въ горячемъ протестѣ нашего писателя противъ „звѣрскаго обычая порабощать себѣ подобнаго“ составительница Наказа усмотрѣла одно только „разсѣваніе заразы французской“: а его яркое изображеніе всѣхъ гибельныхъ послѣдствій крѣпостного права она признала чуть ли не попыткой „возмутить крестьянъ противу помѣщиковъ“ [3]). Прошло много

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17638; выраженія, въ которыхъ здѣсь запрещенъ переходъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя употреблены въ указѣ 3 мая 1783 г.; съ тѣми, кто приметъ и будетъ держать бѣглыхъ, указъ 1796 г. грозитъ „поступать по указу 13 мая 1754 года“. Ср. Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 556.

[2]) Антидотъ въ „Осьмнад. вѣкѣ“ П. Бартенева, IV, 246; ср. 330. Аналогичные взгляды высказывали кн. Е. Дашкова, кн. А. Голицынъ, Д. Фонъ-Визинъ и др.: см. Арх. кн. Воронцова, XXI, 137—139. *Д. Фонъ-Визинъ*, Соч., стр. 330, 347. *В. Семевскій*, Кр. вопр., I, 164, 208 (здѣсь указанія на идеализацію крѣпостного права въ драматической литературѣ того времени). Ср. Рус. Арх. 1880 г., III, 6.

[3]) *А. Радищевъ*, Путешествіе, Спб., 1888 г., стр. 236—267 и др. Арх. кн. Воронцова, V, 414; намеки Радищева на то, что „отъ самой тяжести порабощенія“ крестьянъ должно ожидать ихъ свободы, не могли, конечно, ускользнуть отъ вниманія императрицы; см. ib., стр. 418 и 420.

времени прежде чѣмъ реформа, которую предлагалъ осуществить Радищевъ, дѣйствительно получила осуществленіе. При воцареніи императора Павла I крѣпостные крестьяне были приведены къ присягѣ новому государю и въ то же время получили возможность подавать ему прошенія на своихъ помѣщиковъ; послѣ извѣстнаго указа 5 апрѣля 1797 г. они, казалось, могли расчитывать на нѣкоторое обезпеченіе своего положенія: но „совѣтомъ сказанное" въ немъ ограниченіе крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ едва ли строго соблюдалось на практикѣ. Въ томъ же году законъ поставилъ „ищущихъ вольности" въ болѣе благопріятныя условія: хотя до окончательнаго рѣшенія дѣла они должны были оставаться въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, но съ „тою предосторожностью, чтобы послѣдніе были обязаны подпискою никакихъ наказаній имъ безъ вѣдома земской полиціи не дѣлать": ходатайство же и переносъ такихъ дѣлъ отъ ихъ имени были возложены на прокуроровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, крестьянамъ было предписано оставаться въ „прежнемъ ихъ званіи и послушаніи помѣщикамъ" и появился указъ 1799 г., подтвердившій прежнее право ихъ ссылать своихъ людей на поселеніе [1]). Вообще, трудно было ожидать коренныхъ и прочныхъ реформъ отъ государя, слишкомъ часто слѣдовавшаго „своей прихоти", и полагавшаго, что крестьяне могутъ быть счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, къ „отеческой полиціи" которыхъ онъ относился съ довѣріемъ, чѣмъ подъ властью лицъ, завѣдывавшихъ казенными землями [2]). Впрочемъ, даже въ позднѣйшее время въ либеральную пору царствованія императора Александра I все еще было очень мало лю-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, №№ 17636, 17769, 18261; т. XXV, 19157; ср. т. XXVI, по № 19598 и 19668. Приведемъ еще: указъ 1799 г., о томъ, что бы ретгаузъ давалъ, разсмотрѣнію, крестьянамъ временное право производить мелочную торговлю съ платежемъ акциза въ казну; указъ 1798 г. о томъ, чтобы при взысканіи долговъ съ помѣщиковъ, имѣющихъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, въ казну брать каждаго изъ нихъ по оцѣнкѣ той работы и того дохода, который онъ доставляетъ владѣльцу; далѣе указъ того же 1798 г., запретившій продажу малороссійскихъ крестьянъ безъ земли (П. С. З., XXV, № 18706); одновременно, однако, вышелъ указъ, дозволившій купцамъ покупать крестьянъ къ ихъ заводамъ и фабрикамъ: слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, указъ, въ силу котораго людей и крестьянъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ съ подложными отпускными или неповинующихся имъ, зачитывали въ рекруты, если они окажутся совсѣмъ годными къ службѣ (П. С. З., т. XXV, №№ 18353 18442, (ср. выше, стр. 96). 18814; т. XXVI, № 19421; ср. Сенат. арх., Спб. 1888 г. т. I, стр. 346).

[2]) *Н. Карамзинъ*, О древ. и нов. Россіи въ прил. къ соч. *А. Пыпина*, Общ. дв. и пр. 3 изд., стр. 496. *Н. Кутлубицкій*, Разсказы въ Рус. Арх. 1866 г., Спб., 1308—1309. *Н. Саблуковъ*, Воспоминанія въ Рус. Арх. 1869 г., стб. 1893. О примѣненіи указа 12 дек. 1796 г. См. *Е. Трифильевъ*., Op. cit., стр. 307—310.

дей, которые понимали бы, что въ крѣпостномъ правѣ едва ли возможно разграничить власть помѣщика отъ злоупотребленій этой властью, что освобожденіе крестьянъ безъ земли слишкомъ мало обезпечитъ ихъ положеніе и что такое освобожденіе должно быть положено въ основу „политической свободы". Робкія паліативныя мѣры 1803—1848 гг. въ пользу смягченія крѣпостного права оказали слишкомъ слабое вліяніе на дѣйствительное положеніе закрѣпощеннаго населенія и лишь слегка подготовили рѣшительный актъ отмѣны прежняго „порядка владѣнія душами", обнародованный въ 1861-мъ году.

2. *Государственные крестьяне.*

Государственные крестьяне избѣгли крѣпостной зависимости въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась въ частно владѣльческихъ имѣніяхъ XVIII-го вѣка: но и въ ихъ исторіи можно указать нѣсколько особенностей, общихъ у нея съ исторіей помѣщичьихъ крестьянъ. Подобно классу крѣпостныхъ, и классъ государственныхъ крестьянъ сложился въ эпоху преобразованій въ виду „государственнаго интереса": подобно владѣльческимъ крестьянамъ, и государственные, хотя, разумѣется, въ значительно меньшей мѣрѣ, испытали на себѣ косвенное вліяніе тѣхъ же крѣпостныхъ порядковъ.

Классъ государственныхъ крестьянъ образовался изъ довольно разнообразныхъ общественныхъ группъ: изъ черносошныхъ (и значительнаго большинства пашенныхъ сибирскихъ крестьянъ): изъ однодворцевъ, разныхъ служилыхъ людей старыхъ службъ и т. п.; изъ татаръ, ясашныхъ и др.; къ нимъ причислялись, наконецъ, сельскіе обыватели, переставшіе принадлежать частнымъ владѣльцамъ (напр., отписные или выморочные, экономическіе и др.), а также взятые въ казну изъ населенія вновь пріобрѣтенныхъ областей (посполитые и др.). Достаточно припомнить, насколько эти группы были разобщены въ географическомъ отношеніи и насколько отличались мѣстныя условія ихъ жизни и многія формы ихъ быта, чтобы придти къ заключенію, что онѣ были связаны преимущественно внѣшнимъ образомъ: всѣ эти сельскіе обыватели „принадлежали коронѣ", т. е. сидѣли на казенныхъ земляхъ, всѣ „состояли въ вѣдомствѣ казенномъ", и съ теченіемъ времени, „были положены въ единственный окладъ". Слѣдуетъ замѣтить, однако, что термину „государственные крестьяне" придавали то широкое, то узкое значеніе: государственными крестьянами вообще называли иногда разряды сельскаго населенія, которые были только что перечи-

слены: но, даже въ позднѣйшее время, судя по памятникамъ законодательства и офиціальнымъ вѣдомостямъ, тотъ же терминъ употреблялся и въ болѣе узкомъ смыслѣ: при перечисленіи разновидностей крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, „государственными“ иногда назывались, напримѣръ, черносошные или другія группы [1]). Во всякомъ случаѣ со времени преобразованій всѣ онѣ уже стали объединяться въ податномъ отношеніи, благодаря уплатѣ подушной подати и оброчнаго сбора, имѣвшихъ разное значеніе.

Указомъ отъ 22 января 1719 года было опредѣлено „ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки...“ въ томъ числѣ и у однодворцевъ, а также у татаръ и ясашныхъ: но записка ихъ въ ревизскія сказки стояла въ связи съ причисленіемъ ихъ къ тому податному сословію, къ которому принадлежали черносошные крестьяне: наравнѣ съ послѣдними они съ 1724 г. стали платить подушную подать (70 к. съ души). Полное уравненіе между ними относится, однако, къ позднѣйшему времени. Въ межевой инструкціи 1766 г. уже находится распоряженіе о томъ, чтобы, въ случаѣ сожительства въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ дворцовыхъ и прочихъ казенныхъ крестьянъ съ однодворцами и служилыми, переводить безразлично, смотря по господствующему характеру селенія, изъ однодворцевъ въ казенные крестьяне или изъ казенныхъ крестьянъ въ однодворцы. Впрочемъ, въ отличіе отъ черносошныхъ, значительное большинство однодворцевъ продолжало содержать ландмилицію до 1783 года: тогда они были сравнены съ прочими казенными крестьянами и въ платежѣ податей, и въ отправленіи рекрутской повинности, причемъ все же сохранили привилегію служить въ войскахъ только въ теченіе пятнадцатилѣтняго срока. Въ итоги табели 1724 года, гдѣ было показано, „коликое число душъ... въ губерніяхъ объявлено по расчисленію каммеръ-коллегіи и съ оныхъ надлежитъ подушныхъ денегъ“, вмѣстѣ съ однодворцами попали и ясашные; еще за два года до того времени вышелъ указъ о сборѣ рекрутъ съ Татаръ, Мордвы и Черемисъ, причемъ съ Мордвы и Черемисъ, велѣно было брать рекрутъ, какъ съ русскихъ. Такимъ образомъ, вышеназванныя общественныя группы, за маловажными исключеніями, должны были, въ качествѣ государственныхъ крестьянъ, выплачивать подушныя деньги и исполнять рекрутскую повинность [2]).

---

[1]) П. С. З., т. VII, №№ 4343, 4533, пп. 18, 20; ср. т. XXI, № 15296, п. 6; т. XX, № 14392 (учреж. о губ., п. 335). Вѣдомость, учиненная изъ присланныхъ въ 1769 году вѣдомостей о числѣ положенныхъ въ подушный окладъ душъ, принадлежащихъ коронѣ. П. С. З., т. XX, № 15723.

[2]) П. С. З., т. V, № 3287; т. VI № 3884. Извѣстно, что однодворцы давно

Оброчный сборъ, которымъ тѣ же разряды населенія были обложены съ 1722-го года и слѣдующихъ годовъ, имѣлъ иное значеніе: оно выяснено уже въ указѣ отъ 5 февраля 1722 года, когда велѣно было обложить „половниковъ и посошныхъ крестьянъ" сверхъ подушной подати постольку, „поскольку помѣщики получать будутъ съ своихъ крестьянъ или инымъ какимъ манеромъ, какъ удобнѣе и безъ конфузіи людямъ"... Мысль законодателя, еще колебавшаяся въ выборѣ нормы для обложенія казенныхъ крестьянъ новою податью, опредѣлилась при распространеніи ея на однодворцевъ: въ указѣ 7 мая того же года они были обложены особымъ сборомъ на ландмилицію „противъ того, почему крестьяне дворцовые во дворецъ, а прочіе своимъ вотчинникамъ платятъ". Наконецъ, 23 октября 1723 года вышелъ указъ, вообще распространившій (за маловажными исключеніями) оброчный сборъ на всѣхъ крестьянъ, „которые не за помѣщики и исчислены въ подушный окладъ": тогда велѣно было положить на нихъ „такъ, какъ и на украинцевъ положено, вмѣсто помѣщичья дохода по четыре гривны съ души"; ихъ стали сбирать и съ татаръ, съ ясашныхъ и „имъ подобныхъ" [2]). Изъ вышеприведенныхъ выраженій нельзя, однако, вполнѣ удовлетворительно

уже платили подати съ дворовъ и что въ 1710 году низшіе разряды однодворцевъ кіевской губерніи были причислены къ тяглому населенію; см. *А. Лаппо-Данилевскій*, Орг. прям. обл., стр. 52—53. *П. Милюковъ*, Гос. хоз., стр. 258, 285, 640. П. С. З., т. XVII, № 12659, гл. XIX, 13; т. XXI, № 15723. Судя по вышеупомянутой вѣдомости (стр. 135, прим. 1) однодворцевъ (безъ указанія на то, включены ли въ эту сумму однодворческіе крестьяне и старыхъ службъ служилыхъ людей) числилось 558.971 душъ, положенныхъ въ подушный окладъ: на нихъ уже приходилось, до 12.145 душъ, не содержавшихъ ландмилиціи, преимущественно въ Московской губерніи (до 7.666 д.). „Служилые мурзы и татары", жившіе преимущественно въ Казанской губ. и исполнявшіе работы въ корабельныхъ лѣсахъ до 1725 года были свободны отъ семигривеннаго сбора; въ 1725 году они были обложены этимъ сборомъ, который черезъ два года велѣно было зачитать имъ за работу по извѣстному тарифу: размѣры его постепенно повышались, а за лишнюю работу они получали соотвѣтствующее денежное вознагражденіе; сверхъ того съ тѣхъ же приписныхъ брали и рекрутъ: см. о служилыхъ мурзахъ и татарахъ: *Н. Ѳедоровъ*, Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства и проч., Каз., 1869, стр. 29—39. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 579—592. Астраханскіе и уфимскіе татары въ подушный окладъ не полагались (П. С. З., т. VII, № 4533; т. XI, № 8836; ср. еще т. XXIII, № 16761 и др.), а ясачные татары, башкирцы, сибирскіе ясачники и др. платили ясакъ, (ib., т. VII, № 4983, т. IX, № 6581, п. 20; т. XV, № 11191 и др.).

[2]) П. С. З., т. V, №№ 3894,; т. VII, №№ 3994, 4332, 4533; ср. *П. Барановъ* Опись, III, № 79975. Служилые татары и мурзы были обложены четырехъ-гривеннымъ оброкомъ въ 1725 году (П. С. З., т. XIII, № 9862); а затѣмъ, по мѣрѣ возрастанія оброчнаго сбора, соотвѣтствующія прибавки дѣлались и къ ихъ платежамъ.

выяснить мысль законодателя: онъ, кажется, больше интересовался опредѣленіемъ размѣровъ новаго оклада, которыя и уподобляли величинѣ помѣщичьяго оброка, чѣмъ подысканіемъ основаній для установленія его: однако, нѣкоторыя выраженія указа 1723 года („вмѣсто помѣщичья дохода") даютъ поводъ предполагать, что въ немъ могла подразумѣваться мысль о государственныхъ крестьянахъ, какъ о своего рода съемщикахъ земли, принадлежащей казнѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что, вмѣстѣ съ установленіемъ оброчнаго сбора съ казенныхъ крестьянъ правительству открылась возможность повышать его соотвѣтственно росту помѣщичьяго оброка. Извѣстно, что окладъ подушныхъ денегъ долго оставался безъ измѣненій и только въ 1794 г. былъ доведенъ до 1 рубл.: напротивъ, оброчный сборъ уже въ 1760 году дошелъ до 1 рубля, а затѣмъ „сообразно съ помѣщичьимъ оброкомъ въ имѣніяхъ частныхъ людей" былъ увеличенъ до 2-хъ рублей въ 1783 г.: наконецъ, въ 1768 году на томъ основаніи, что поборы съ помѣщичьихъ крестьянъ съ 1768 года возрасли по крайней мѣрѣ вдвое, велѣно было вмѣсто прежняго двухъ рублеваго оклада сбирать „со всѣхъ государственныхъ крестьянъ" по 3 рубля „съ каждой души мужеска полу" [1]). Итакъ, группы населенія, извѣстныя подъ названіемъ государственныхъ крестьянъ, не только были приравнены къ помѣщичьимъ въ отношеніи оброчнаго сбора, но почти въ равной мѣрѣ должны были подчиниться возраставшему его окладу.

На такой дорогѣ трудно было остановиться: въ XVIII вѣкѣ казна, по примѣру частнаго землевладѣльца, все болѣе и болѣе начинаетъ вмѣшиваться въ частныя отношенія крестьянъ, сидящихъ на казенныхъ земляхъ, и во внутренніе распорядки ихъ общинной жизни, что впрочемъ принесло извѣстныя выгоды малоземельному крестьянству [2]).

Фискальныя соображенія, вызвавшія прикрѣпленіе черносошныхъ къ тяглу, кажется, руководили главнымъ образомъ правительствомъ и въ тѣхъ его мѣропріятіяхъ, которыя стѣсняли свободу крестьянъ распоряжаться своими участниками. Все болѣе утверждаясь во взглядѣ, что земля, на которой сидятъ черносошные,—казенная собственность, правительство, разумѣется, уже съ такой точки зрѣнія должно было позаботиться о томъ, чтобы она не попадала въ чужія руки; притомъ земля обезпечивала въ нѣкоторой мѣрѣ платежную исправность общины; надобно

---

[1]) П. С. З., т XV, № 11120; т. XXIII, № 17232. Въ 1797 г. подушный окладъ былъ увеличенъ на 28 к. (ib., т. XXIV, № 18278); ср. ниже стр. 148.

[2]) *В. Якушкинъ*, Очерки и проч., в. I, М., 1890 г.: рец. *П. Милюкова* въ Рус. Мысли 1890 г., № 5. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 623—660, 733—762 и др.

было сохранить ея земельный фондъ: отсюда—цѣлый рядъ запрещеній, съ середины XVII столѣтія, стѣснявшихъ обращеніе черныхъ земель. Въ 1690 г. было предписано тяглымъ крестьянамъ и посадскимъ поморскихъ городовъ (новгородскаго приказа) не отчуждать разныхъ своихъ земель преимущественно монастырямъ и церквамъ, духовенству, гостямъ и иныхъ чиновъ бѣломѣстцамъ. Межевая инструкція 1754 г., допуская обращеніе деревенскихъ участковъ и пашенныхъ земель между черносошными крестьянами и посадскими тѣхъ же уѣздовъ и городовъ, также повелѣваетъ разныя земли, вложенныя крестьянами въ архіерейскіе домы, въ монастыри и церкви или проданныя и т. п. ими секретарямъ, приказнымъ служителямъ, церковнопричетникамъ, монастырскимъ служкамъ и другимъ всякихъ чиновъ людямъ, не положеннымъ въ тѣхъ уѣздахъ въ подушномъ окладѣ, или отданныя имъ по искамъ, отбирать безденежно и отмежевать по прежнему къ чернымъ землямъ черносошныхъ крестьянъ [1]). Мѣропріятія подобнаго рода не обезпечивали, однако, ихъ благосостоянія: отчужденіе земли посадскимъ людямъ часто приводило къ тому, что нѣкоторые крестьяне „состояли вовсе безъ земли и безъ всякой обязанности платили съ изнуреніемъ государственныя подати“, а купцы владѣли ею „безъ всякаго по крестьянству платежа“. Даже въ томъ случаѣ, если бы переуступка земель ограничилась крестьянскою средою, она грозила обезземеленіемъ многихъ плательщиковъ и скопленіемъ ихъ земель въ рукахъ „большетяглаго“ меньшинства, всегда готоваго переложить часть сборовъ на бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Такой процессъ уже кое-гдѣ зародился въ предшествующемъ періодѣ; надо думать, что онъ сталъ, однако, гораздо болѣе замѣтнымъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка: многіе крестьяне не имѣли средствъ обрабатывать свои участки и платить подушную подать, которая едва ли всегда, правильно раскладывалась мѣстными выборными властями; „маломощные крестьяне нуждались въ деньгахъ и продавали нужную имъ землю для поправленія себя“: отсюда въ волостяхъ появленіе класса крестьянъ лишенныхъ земли, половниковъ, или малоземельныхъ и класса крестьянъ-кулаковъ, скупавшихъ земли съ переводомъ на себя уплаты подушной подати; между тѣми и другими возникали безпрестанныя ссоры и тяжбы. Явленія подобнаго рода должны были обратить на себя вниманіе правительства, особенно съ того времени, когда оно стало смотрѣть на черныя земли, какъ на казенное имѣніе и начало хозяйничать

---

[1]) А. И., т. V, № 198. П. С. З., т. XIII, №№ 9874 и 10082; т. XIV, № 10237, гл. XXIX, ст. 6.

въ немъ: перепродажа земель, по словамъ Козьмина, одного изъ статсъ-секретарей Екатерины II, даетъ возможность „нерадѣтельнымъ къ хлѣбопашеству продавать и закладывать свои земли“, а міроѣды, скупающіе ихъ, смотрятъ на нихъ, какъ на свои „родовыя“, „въ дачахъ къ волостямъ лѣсовъ не расчищаютъ, и какъ пашни, такъ и сѣнныхъ покосовъ обществомъ, гдѣ бъ и недостаточно было, не прибавливаютъ“ [1]). Такіе порядки, очевидно, наносили ущербъ волостному хозяйству, значитъ подрывали и платежную исправность волости: бѣдные крестьяне жаловались на то, что „большесемейные и зажиточные крестьяне, взявшіе въ свое владѣніе всѣ земли, ничего имъ на пропитаніе и на платежъ государственныхъ податей не оставили“: наконецъ, правительство тяготилось и тѣми безпрестанными волостными ссорами и тяжбами, которыя „наносили напрасное безпокойство и затрудненіе присутственнымъ мѣстамъ“. Въ числѣ мотивовъ, вызвавшихъ извѣстныя постановленія межевой инструкціи 1766 года, могли быть, однако, и соображенія иного рода: одно изъ нихъ проскользнуло въ представленіе Козьмина: разстройство волостного хозяйства казалось ему нежелательнымъ и потому, что оно мѣшаетъ волощанамъ „лучшаго хлѣбопашества, яко первѣйшаго источника земледѣльческаго благополучія вкушать“. Если припомнить, что въ то время просвѣтительныя идеи были уже нѣсколько знакомы Екатеринѣ II и могли быть извѣстны нѣкоторымъ изъ русскихъ поклонниковъ европейскаго просвѣщенія, то и въ побужденіяхъ, вызывавшихъ заботы правительства о „земледѣльческомъ благополучіи“ черносошныхъ, можетъ быть придется удѣлить долю вліянія новымъ теоріямъ. Возможно, что уже указъ 1761 года, запрещавшій черносошнымъ также, какъ и помѣщичьимъ крестьянамъ, обязываться векселями и разрѣшавшій имъ брать деньги подъ заемныя письма лишь по „удостовѣрительному дозволенію тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные въ вѣдомствѣ состоятъ“, былъ отчасти направленъ противъ заклада ими своихъ земель кредиторамъ. Какъ бы то ни было, но въ межевой инструкціи 1766 года правительство приняло во вниманіе предложеніе Козьмина и приступило къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ обращенія черныхъ земель, причемъ прямо заявило, что „сіе государственныхъ земель обмежеваніе утверждаетъ земли единственно къ селеніямъ, а не селенія ко владѣльцамъ“. Въ инструкціи принципъ, принятый въ 1754 г., подтверждается, и велѣно въ случаѣ споровъ безденежно возвращать къ землямъ черносошныхъ крестьянъ разныя земли, отчужденныя ими послѣ изданія Уложенія учрежденіямъ и лицамъ, уже перечисленнымъ

---

[1]) Сб. Р. И. О., IV, 85.

(кромѣ воеводъ) въ инструкціи 1754 года: вмѣстѣ съ тѣмъ „впредь до будущаго по снятымъ планамъ разсмотрѣнія“ обращеніе черныхъ земель возбраняется также между крестьянами и купцами: въ противномъ случаѣ сдѣлки подобнаго рода признаются недѣйствительными: наконецъ, сами черносошные лишаются возможности свободно переуступать другъ другу земли, на которыхъ они положены въ подушный окладъ: эти земли должны оставаться при тѣхъ селеніяхъ, къ коимъ онѣ будутъ примежеваны: земли же, оставшіяся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, наслѣдникамъ и женамъ ихъ между собою на части не дѣлить и по наслѣдству въ приданыя выходящимъ замужъ за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ въ другія селенія не отдавать: лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ черносошнаго крестьянина останутся дочери и онѣ выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, пожелавшихъ жить на земляхъ своихъ женъ, эти земли передаются имъ и ихъ мужьямъ, но подъ условіемъ, чтобы имѣющіяся за послѣдними земли въ прежнихъ ихъ селеніяхъ оставлять прочимъ жителямъ тѣхъ селеній [1]). Само собою разумѣется, что предписанія 1766-го года не могли сразу подавить существующей практики: но они поколебали нѣкоторыя воззрѣнія населенія на земельную собственность, укрѣпляли въ его сознаніи понятіе о земельномъ обезпеченіи отъ государства податной исправности плательщика и вызывали путаницу въ отношеніяхъ, благопріятствовавшую всякаго рода злоупотребленіямъ. Дальнѣйшее примѣненіе вновь установленныхъ правилъ къ жизни породило новыя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, возбраняя переуступку земель, примежеванныхъ къ данному селенію, даже между его жителями, межевая инструкція 1766-го года вмѣстѣ съ тѣмъ запретила міроѣдамъ законнымъ образомъ скупать земли своихъ односельчанъ, но и послѣднихъ лишила права искать средствъ для „поправленія себя“ въ продажѣ или закладѣ своихъ земель: правительство, отказывая имъ въ такихъ средствахъ, очевидно, должно было сдѣлать дальнѣйшій шагъ: внять просьбамъ малоземельныхъ крестьянъ или даже помимо ихъ просьбъ ввести передѣлы земли, закрѣпленной за крестьянской общиной. „Справедливость требуетъ, писалъ архангельскій директоръ экономіи, что бы поселяне, платя одинаковую всѣ подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земляныхъ, съ коихъ платежъ податей производится“; слѣдовательно, и „уравненіе земель особенно въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ обыва-

---

[1]) П. С. З., т. XV, № 11204; т. XVII, № 12659, гл. XX. Здѣсь рѣчь идетъ о „черносошныхъ крестьянахъ Вятской и Устюжской провинцій и прочихъ поморскихъ городовъ и уѣздовъ“. Ср. П. С. З., т. XVII, № 12498; т. XVIII, № 13114.

тели хлѣбопашествомъ болѣе, нежели другими промыслами пріобрѣтаютъ пропитаніе, надлежитъ почитать неминуемо нужнымъ" и для успокоенія малоземельныхъ крестьянъ, и для доставленія поселянамъ способа платить свои подати бездоимочно. Впрочемъ, правительство едва ли умѣло выработать въ то время какой либо обдуманный планъ дѣйствій: то оно считало себя не въ правѣ уничтожать „законно совершенныя крѣпости и закладныя", то предписывало произвести передѣлъ „съ наблюденіемъ совершеннаго равенства, включая въ сей раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ и закладнымъ, какъ по документамъ, уничтожающимся по закону". Тамъ, однако, гдѣ условія мѣстной жизни не благопріятствовали введенію передѣловъ (напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, очень рѣдко населенныхъ) уравнительные передѣлы совсѣмъ не привились; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ численность населенія уже возрасла и оно чувствовало недостатокъ въ землѣ и гдѣ, слѣдовательно, возникали „взаимныя распри" между малоземельными крестьянами и крестьянами — міроѣдами, попытки правительства встрѣчали сочувствіе большинства; извѣстны случаи, когда сами крестьяне (напримѣръ, Мольской волости Тотемскаго уѣзда) обращались къ правительству съ просьбою разверстать землю, находившуюся въ ихъ владѣніи и пользованіи, „противъ написанныхъ душъ по десятинамъ въ равенство". Слѣдуетъ замѣтить также, что прежнія „деревенскія" традиціи едва ли успѣли совсѣмъ исчезнуть среди населенія и что правительство, при введеніи новыхъ порядковъ, часто прибѣгало къ содѣйствію самихъ крестьянъ: между прочимъ они приступили къ раздѣлу земель по селеніямъ-деревнямъ, а не по селеніямъ-волостямъ, какъ то предполагало правительство. Когда возникла попытка ввести уравнительный передѣлъ среди сельскаго населенія Олонецкой губерніи въ 1784—1785 г., то крестьянамъ, повидимому, было предоставлено производить „уравненіе земель по собственному ихъ согласію"; въ то же время директоръ домоводства могъ засвидѣтельствовать, что нѣкоторыя изъ общинъ, „въ три дня раздѣлились спокойно и были совершенно довольны", разумѣется кромѣ большетягольныхъ крестьянъ, принужденныхъ отказаться отъ скупленныхъ ими земель. Факты подобнаго рода, особенно если принять во вниманіе аналогичныя явленія позднѣйшаго времени, нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ той аграрной политики, которая способствовала развитію новаго строя поземельныхъ отношеній на русскомъ сѣверѣ и сломила сопротивленіе, оказываемое ему многоземельными крестьянами. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что, намѣреваясь вводить уравнительный передѣлъ на своихъ собственныхъ земляхъ, заселенныхъ черносош-

ными, сама казна могла руководствоваться и примѣромъ помѣщиковъ, благопріятствовавшихъ насажденію тѣхъ же порядковъ въ своихъ имѣніяхъ: Козьминъ предлагалъ производить черносошнымъ уравнительный передѣлъ „такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ, по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ“; возможно, однако, что содержаніе оффиціальныхъ инструкцій о порядкѣ производства передѣловъ (напр. наставленіе вельскаго нижняго суда 1798 года) почерпалось иногда изъ жизни самихъ черносошныхъ крестьянъ [1]). Уже въ XVIII-мъ вѣкѣ правительство сдѣлало лишь нѣсколько частныхъ попытокъ произвести кое-гдѣ уравнительный передѣлъ. Въ „наставленіи экономическимъ правленіямъ“ (1771 г.) предписывалось „раздѣленіе земель и взысканіе податей дѣлать не съ душъ, а съ тяглъ“; въ 1784—1785 гг. правительство пыталось уравнять черносошныхъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, а съ конца вѣка приступило къ такимъ же попыткамъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Введеніе реформы было облегчено благодаря особаго рода мѣропріятію относительно оброчныхъ земель: вмѣсто того, чтобы по прежнему порознь раздавать участки ихъ разнымъ оброчникамъ, правительство съ 1798 года стало приписывать ихъ къ цѣлымъ волостямъ; казеннымъ палатамъ велѣно было произвести „разверстку“ оброчныхъ земель „между казенными поселянами совершенно уравнительно и по способности къ селеніямъ вообще по всѣмъ губерніямъ единожды“, что, разумѣется, оказало существенное вліяніе и на развитіе такого же пріема примѣнительно къ тяглымъ землямъ [2]). Тѣмъ не менѣе окончательнаго введенія уравнительнаго передѣла правительству удалось достигнуть только въ позднѣйшее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ сельскому населенію черныхъ волостей окончательно перешли уѣздныя земляныя угодья, владѣемыя посадскими, въ 1790 г. вышло повелѣніе исключить ихъ изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ и присоединить ихъ къ тяглу тѣхъ селеній, въ которыхъ они состоятъ по мѣстоположенію; въ случаѣ же владѣльцы предъявятъ на нихъ крѣпости, то препровождать послѣднія для разсмотрѣнія, куда слѣдуетъ. Черезъ два года эти земли были уже отобраны у владѣльцевъ изъ посадскихъ людей: за ис-

---

[1]) См. выше стр. 17—21. *А. Ефименко*, Op. cit., 324—355, 361—362, 369. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 36, 54, 62, 70, 71, 76, 621, 639—640, 641, 644, 653, 657. *В. В.*, Къ исторіи общины въ Россіи. М., 1902, стр. 6—7, 10, 17, 93—99. *А. Бауфманъ*, Op. cit., ib., стр. 6—15.

[2]) П. С. З., т. XIX, 13590, п. 6; т. XXIV, № 18256; т. XXV, №№ 18633, 18925; т. XXVI, № 19735 и др. О происхожденіи оброчныхъ земель см. *А. Ефименко*, Op. cit., I, 317—324, 342—344. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 633—649, 653.

ключеніемъ старинной деревни Бажениныхъ, остальныя земли, состоявшія за посадскими людьми въ уѣздахъ, повидимому, отошли къ казеннымъ селеніямъ черносошныхъ крестьянъ, чему, разумѣется, способствовалъ и вышеприведенный указъ 1798 года объ оброчныхъ земляхъ [1]).

Аналогичныя явленія происходили и въ однодворческихъ поселеніяхъ. Московское правительство раздавало однодворцамъ въ качествѣ служилыхъ людей земли на помѣстномъ правѣ, но съ теченіемъ времени они стали пользоваться свободой отчужденія данныхъ имъ земель (особенно послѣ указа 1714 г.), что привело къ послѣдствіямъ, однороднымъ съ тѣми, которыя уже были указаны среди черносошныхъ крестьянъ. По мѣрѣ превращенія однодворцевъ въ государственныхъ крестьянъ положеніе ихъ стало измѣняться. Уже въ 1723 году, когда возникъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ „пришлыми" однодворцами, сенатъ отвѣчалъ: „такихъ отсылать за провожатыми на прежнія ихъ жилища: а буде кто прежніе свои дворы и земли продали другимъ и ихъ въ тѣхъ городахъ селить вновь на другихъ государевыхъ свободныхъ земляхъ". Однодворцы, однако, не долго пользовались и свободой отчужденія своихъ земель. Правительству легко было припомнить, что тѣ земли, на которыхъ они жили, были казенною собственностью, розданною имъ на помѣстномъ правѣ, и что ихъ участки должны были обезпечивать службу каждаго изъ нихъ: съ тяглой точки зрѣнія послѣднее соображеніе можно было примѣнить и къ плательщикамъ подушной подати. Эти мотивы прямо выражены въ указѣ отъ 7 іюня 1727 года, запретившемъ однодворцамъ свободно распоряжаться своими участками: „а впредь съ сего указу въ [шеснатцати] заказныхъ городахъ у однодворцевъ, которые по переписи въ поголовный окладъ положены и содержатъ ландмилицкіе полки, изъ дачъ ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать и никакими образы не крѣпить и не записывать, чтобъ отъ того въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилицкихъ полковъ помѣшательства не было". Трудно было, однако, изданіемъ новаго закона уничтожить старинный обычай: однодворцы, вѣроятно, продолжали отчуждать свои земли: тѣ же предписанія были повторены и нѣсколько дополнены въ межевой инструкціи 1754 года. Въ послѣдовавшей затѣмъ межевой инструкціи 1766 года, нѣсколько иначе отнесшейся къ нарушенію указа 1727 года, тотъ же общій принципъ получилъ дальнѣйшее развитіе; здѣсь было выражено слѣдующее правило: „впредь однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ, тѣхъ земель, на которыхъ они

---

[1]) *А. Ефименко*, Op. cit., I, 339—342.

въ подушный окладъ положены, не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавать и въ немъ, кромѣ какъ погодно, также за долги и въ иски никому не отдавать; а ежели кто продастъ или заложитъ, то купчимъ и закладнымъ быть недѣйствительнымъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ относительно такихъ же земель, остающихся по смерти однодворцевъ, сдѣлано постановленіе, почти дословно схожее съ вышеприведеннымъ закономъ о наслѣдованіи черносошными землями [1])

Правительство, какъ видно, окончательно признало земли, „на которыхъ однодворцы были положены въ подушный окладъ и съ которыхъ они содержали ландмилицію", казенною собственностью, розданною имъ въ обезпеченіе ихъ платежной исправности. Слѣдовало, однако, опредѣлить и тотъ размѣръ дачъ, которымъ въ достаточной степени могъ служить такимъ обезпеченіемъ: и дѣйствительно, межевая инструкція 1766 года устанавливаетъ предѣлы однодворческаго надѣла между 8 и 15 десятинами на душу (или 32—60 дес. на дворъ). Отсюда возникли новыя ограниченія прежнихъ помѣстныхъ владѣній однодворцевъ. Въ странѣ „дикаго поля" и „порозжихъ земель" многіе изъ нихъ получили или фактически владѣли участками гораздо болѣе значительныхъ размѣровъ. Межевая инструкція 1766 года признаетъ тѣ земли, на которыхъ однодворцы положены въ подушный окладъ, за выключеніемъ опредѣленнаго имъ 15-ти десятиннаго надѣла, государственными землями: въ инструкціи постановлено: „оставя имъ сію только пропорцію, затѣмъ всю излишнюю землю изъ ихъ владѣнія отрѣзать къ государственнымъ землямъ" [2]).

Такая аграрная политика все болѣе уравнивала однодворцевъ съ черносошными: слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что она касалась только тѣхъ однодворческихъ земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ или которыми они, въ качествѣ „порозжихъ", фактически владѣли: напротивъ, за однодворцами осталось право продавать земли „отсутственныя" (или „отхожія") и собственныя (вотчинныя), вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, а также крѣпостныхъ людей безъ земли, но только другъ другу [3]).

Усилія правительства, направленныя къ тому, чтобы одно-

---

[1]) П. С. З., т. VII, 5138; т. XVII, № 12659, гл. XIX, ст. 3, 18—20; ср. гл. XX, ст. 12, 13. Сб. Р. И. О., CXV, 3, 7 и др. Ср. выше стр. 140.

[2]) П. С. З., т. XVII, № 12659, гл. XIII, 4—6; гл. XIV, 12; гл. XIX, 2; гл. XXII, 14; гл. XXV, 3; гл. XXXII, 4—5; объ однодворцахъ вообще см. ib., т. XXV, № 18676

[3]) П. С. З., т. XIV, № 10237, меж. инстр. 1754 г. гл. XXIII; т. XVII, 12659, гл. XIX; объ „однодворческихъ половникахъ" см. П. С. З., т. XIV, № 10237, гл. XXIII, ст. 7; т. XXII, № 16393; ср. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 770—775.

дворцы вовсе не отчуждали земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ, а остальныя продавали бы по крайней мѣрѣ только членамъ своего сословія, должны были привести и къ покровительству общинному быту, въ извѣстной мѣрѣ уже подготовленному ихъ предшествующей исторіей. Земли издавна раздавались цѣлымъ группамъ помѣщиковъ въ одной межѣ: извѣстна челобитная (1665—1666 г.) одного изъ такихъ владѣльцевъ, испомѣщеннаго въ селѣ послѣ остальныхъ, въ которой онъ проситъ „тѣмъ помѣстьемъ и всякими угодьи владѣть по прежнему съ ними въ ровенствѣ черезъ межу, чтобы было всѣмъ въ ближнихъ и въ дальнихъ мѣстахъ поровну“: сохранились указанія на случаи, когда пахотная земля каждой группы помѣщиковъ дѣлилась „поровенно“ на „клинья“, а сѣнокосы жеребьевались на паи: во всякомъ случаѣ часто встрѣчаются свидѣтельства о томъ, что помѣщики, испомѣщенные въ данномъ селѣ, косятъ сѣно или ловятъ рыбу „вопчѣ“ или „врядъ вопчѣ“ [1]). Въ XVIII-мъ вѣкѣ, однако, у однодворцевъ повидимому еще не было той общинной организаціи, которая могла бы нѣсколько сдерживать борьбу между ихъ имущественными интересами; не было, повидимому, и общиннаго владѣнія съ передѣлами. Свободное отчужденіе земель, вопреки закону долгое время практиковавшееся у нихъ, порождало въ ихъ селеніяхъ тѣ же послѣдствія, какія обнаружились и на сѣверѣ, въ волостныхъ общинахъ; они проявлялись здѣсь, можетъ быть, еще рѣзче, чѣмъ тамъ. Не повторяя ранѣе сказаннаго, укажемъ лишь на нѣкоторыя условія, осложнявшія такую борьбу въ однодворческихъ поселеніяхъ. Участки однодворцевъ дробились, такъ какъ наслѣдники стремились къ равному раздѣлу наслѣдства; выморочныя же земли поступали въ казенное распоряженіе и часто отдавались чиновниками постороннимъ лицамъ на оброкъ: сосѣдніе землевладѣльцы, судя по жалобамъ однодворцевъ, также часто сами присвоивали себѣ ихъ земли; имущественное неравенство, возникшее между однодворцами, усилилось послѣ отмежеванія примѣрныхъ земель: безземельные, захватившіе лишнія земли, лишились ихъ; подушный окладъ иногда падалъ на однодворцевъ неравномѣрно, такъ какъ они не раскладывали платежа за стариковъ и малолѣтнихъ на все общество: даже круговая порука, которую правительство еще съ 1724 года пыталось распространить на однодворцевъ, существовала далеко не повсемѣстно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣтственность за исправную уплату податей, падавшая на все селеніе, приводила къ тому, что бѣдняки, за которыхъ платили

---

[1]) *П. Ивановъ*, Сябры-помѣщики въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1903 г., дек., стр. 438—439; ср. *Н. Благовѣщенскій*, Четвертное право, М., 1899 г., стр. 123 и др.

прожиточные, принуждены были поступать къ нимъ въ батраки. Выхода изъ всей этой неурядицы, вызывавшей жалобы со стороны самихъ депутатовъ отъ однодворцевъ на засѣданіяхъ большой комиссіи 1767—68 гг., нѣкоторые изъ нихъ искали въ передѣлѣ земель. Въ данномъ случаѣ „примѣрныя" земли могли получить такое же значеніе, какое на сѣверѣ выпало на долю земель „оброчныхъ". Среди курскихъ однодворцевъ, напримѣръ, раздавались голоса въ пользу того, чтобы примѣрныя земли раздѣлить поровну между всѣми жителями ихъ селеній, положенными въ подушный окладъ; и такое мнѣніе встрѣтило сочувствіе среди мѣстной администраціи, но не заслужило одобренія сената. Другіе предлагали еще болѣе рѣшительную мѣру: однодворцы Керенскаго уѣзда (пацкой провинціи) въ своемъ наказѣ просили, напримѣръ, правительство „ихъ земли и угодья во всѣхъ селеніяхъ и погостахъ между собою для уравнительнаго содержанія къ общей безобидной тягости раздѣлить по написанному въ подушный окладъ числу душъ". Сама администрація готова была признать раціональность такого мѣропріятія: „настоитъ не малая надобность, писалъ курскій директоръ домоводства, чтобы между сего рода людьми послѣдовало во владѣніи земель уравненіе, на подобіе дворцовыхъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ м. п. душъ". Эти предложенія не получили, однако, широкаго осуществленія въ XVIII-мъ вѣкѣ: они приводились въ исполненіе мало-по-малу или по добровольному соглашенію самихъ однодворческихъ селеній или по судебному приговору, когда, по поводу споровъ и тяжбъ, возникавшихъ среди однодворцевъ, судьи обыкновенно присуждали „помѣстныя земли разверстать уравнительно по числу душъ". Впрочемъ, рѣдкіе случаи передѣловъ уже бывали и въ концѣ XVIII-го вѣка. Указомъ 1798 г. повелѣно уравнять землями однодворцевъ, имѣющихъ владѣніе по писцовымъ книгамъ и по дачамъ, запретивъ имъ отчуждать свои надѣлы кому бы то ни было и „оставя безъ раздѣла только тѣ изъ законнопріобрѣтенныхъ ими земель, кои превышали 15-ти десятинную на каждую душу пропорцію"; а тѣмъ изъ нихъ, которые были поселены на казенныхъ пустопорожнихъ земляхъ безъ дачъ, намежевать опредѣленное число десятинъ... „всему селенію общею межою"; но этотъ указъ едва ли могъ получить осуществленіе [1]).

Итакъ, основные моменты въ развитіи аграрной политики правительства въ XVIII в. относительно черносошныхъ и однодворческихъ земель были почти одинаковы: и на сѣверѣ и на югѣ госу-

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18676. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 748, 753—754; *Н. Благовѣщенскій*, Op. cit., стр. 130 *А. Шимановъ*, Op. cit., ib., стр. 206, 412.

дарства правительство начинаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ мѣропріятіяхъ придерживаться взгляда на земли черносошныхъ и однодворцевъ, какъ на казенную собственность, владѣніе которой должно обезпечивать платежную исправность ихъ селеній; затѣмъ оно приступаетъ къ стѣсненію свободы отчужденія такихъ земель; наконецъ, оно стремится произвести уравнительный передѣлъ ихъ, выгодный для обѣднѣвшихъ плательщиковъ и для казны. Можно было бы распространить наши наблюденія и на аналогичныя правительственныя мѣропріятія касательно другихъ группъ сельскаго населенія, сидѣвшаго на казенныхъ земляхъ, а также указать между прочимъ на нѣкоторыя отступленія относительно „иновѣрческихъ земель", объясняемыя, конечно, мѣстными условіями быта и стремленіемъ правительства нѣсколько обезпечить положеніе новокрещеныхъ иновѣрцевъ [1]). Достаточно, однако, вышесказаннаго для того, чтобы представить себѣ направленіе, въ которомъ развивалась правительственная политика того времени, и характеръ ея воздѣйствія на строй поземельныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ. Послѣдующее законодательство обнаружило, только дальнѣйшее развитіе той же политики въ ея стремленіи обезпечить казенныя селенія землею: дворцовымъ крестьянамъ, напримѣръ, давно уже было разрѣшено покупать по смежности къ ихъ волостямъ малыя деревни съ землями „въ дворцовое вѣдомство"; по подчиненіи ихъ вмѣстѣ съ другими разрядами казенныхъ крестьянъ управленію директоровъ домоводства то же преимущество и на томъ же основаніи было распространено указами 1788—89 гг. на прочихъ поселянъ казеннаго управленія. Въ правилахъ же о продажѣ казенныхъ имѣній съ публичнаго торга (1794 г.) селеніямъ казеннаго вѣдомства было даже предоставлено право преимущественно передъ другими покупать казенныя порозжія земли, съ тѣмъ однакоже, чтобы пріобрѣтать такія земли „къ цѣлымъ селеніямъ" и за исключеніемъ развѣ случаевъ переселенія нѣкотораго числа семействъ изъ своего селенія на землю, купленную „въ другомъ мѣстѣ" [2]).

Несмотря на возраставшую зависимость государственныхъ крестьянъ отъ казны, положеніе ихъ, конечно, было лучше положенія крестьянъ помѣщичьихъ. Такое заключеніе, кажется, правильнѣе относить не столько къ размѣрамъ земли, приходив-

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8236; т. XII, № 8978; т. XV, № 11231; т. XVII, № 12659 (Меж. инстр. 1766 г., гл. XXII, пп. 10, 11); ср. т. XIX, № 13490. *В. Якушкинъ*, Op. cit., I, Прил. XXV.

[2]) П. С. З., XXII, № 16619; т. XXIII, №№ 16813, 16821, 17227, п. 7. О мѣрахъ переселенія казенныхъ крестьянъ „изъ утѣсненныхъ жительствъ" въ другія „для удовольствія ихъ землями, о раздачѣ казеннымъ крестьянамъ оброчныхъ статей впрокъ безъ перекупки и пр. см. *В. Якушкинъ*, Op. cit., стр. 155—167.

*

шейся на душу, сколько къ способу обложенія повинностями и податями и къ непосредственной зависимости государственныхъ крестьянъ отъ государственной власти. Дѣйствительно, хотя въ черныхъ волостяхъ земли на душу приходилось сравнительно много (напримѣръ, по даннымъ генеральнаго межеванія 1782—1796 гг. въ среднемъ, въ Вологодской по 35 дес., а въ Олонецкой—по 186 дес. на душу), однако, при оцѣнкѣ такихъ надѣловъ слѣдуетъ имѣть въ виду и качество почвы, и величину пашенныхъ участковъ (всего 2,8 и 2,5 дес. на душу въ тѣхъ же губерніяхъ); кромѣ того населеніе занималось и промыслами, о доходности которыхъ едвали можно въ настоящее время сдѣлать какое-либо общее заключеніе; что же касается черноземныхъ губерній, гдѣ больше всего насчитывалось однодворцевъ, то количество земли, приходившейся на душу, только въ двухъ—трехъ изъ нихъ превосходило средніе размѣры участковъ, которыми пользовались оброчные и даже барщинные крестьяне частновладѣльческихъ имѣній (въ Воронежской губ.—19,3 дес.: въ Тамбовской—15 дес.: въ Орловской—8,7 дес. на душу). Указомъ 1797 года правительство опредѣлило уравнять всѣхъ казенныхъ крестьянъ землею, назначивъ имъ по 15 десятинъ на ревизскую душу; но, можетъ быть, въ виду разнообразія мѣстныхъ условій, примѣнить такую мѣру было трудно [1]). Во всякомъ случаѣ положеніе государственныхъ крестьянъ было выгоднѣе положенія крѣпостныхъ: въ самомъ дѣлѣ, пользуясь бо̀льшимъ объемомъ правъ, чѣмъ помѣщичьи крестьяне, они были подчинены казнѣ, были обезпечены землей и обложены оброкомъ; помѣщичьи крестьяне, напротивъ, зависѣли отъ произвола многихъ господъ, который въ относительно мелкихъ имѣніяхъ чувствовался сильнѣе, а половина изъ нихъ отбывала барщину. Правда, размѣры оброка, падавшаго на государственныхъ крестьянъ, постепенно повышались въ теченіе всего XVIII вѣка: вмѣсто прежнихъ 40 коп. съ души, онъ въ 1760—1764 гг. достигъ до 1 р., а затѣмъ до 2 и даже 3 рублей (указы 1768 г. 13 и 1783 г. мая 3). Наконецъ, въ силу указа отъ 18 декабря 1797 года окладъ оброка былъ квалифицированъ въ зависимости отъ данной мѣстности, свойствъ ея земли, количества ея и развитія промысловъ, на 4 группы [2]): отъ 3 р. 57 к. въ (Архангельской, Новгородской, Иркутской, Бѣлорусской и др. губ.) и до 5 р. 10 к. (въ цен-

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18676. Воспрещеніе крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія безъ крестьянъ, да и то за исключеніемъ „тѣхъ россійскихъ подданныхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ“, отмѣнено только указомъ отъ 12 дек. 1801 г. (П. С. З., т. XXVI, № 20075). *П. Челищевъ*, Путешествіе..., стр. 34, 64 и др.

[2]) П. С. З., т. XXI, № 15723; т. XXIV, № 18278; о переселеніи крестьянъ см. ib., т. XXI, № 15497; т. XXIII, № 17398; т. XXVI, №№ 19500 и 19639. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 36—37; II, 260, 660—663, 745. Накладныя прибавлены мною и къ копѣйкамъ.

тральной области, за исключеніемъ Московской и Тверской губерній, а также въ части Поволожья и др.) на душу; въ послѣдующее время размѣры оброка возрасли еще болѣе.

Раскладка и сборы податей были предоставлены крестьянскимъ общинамъ: онѣ платили за „убылыя души" въ силу круговой поруки: устройство ихъ было частью признано правительствомъ, частью подвергнуто дальнѣйшей регламентаціи. До 1775 г., когда всѣ казенные крестьяне были подчинены вѣдомству казенныхъ палатъ, по существу въ ней, кажется, было мало новаго: поэтому достаточно будетъ ограничиться нѣсколькими замѣчаніями объ общемъ характерѣ ея. Мірской сходъ и выборное самоуправленіе у черносошныхъ крестьянъ были признаны въ указахъ 1760 и 1761 гг.; имъ было разрѣшено для защищенія себя отъ обидъ и для всякихъ ходатайствъ выбирать лучшихъ людей изъ своей среды; за запущеніе недоимокъ указъ 1769 года грозилъ выборнымъ властямъ суровымъ наказаніемъ [1]). Такая же регламентація коснулась и однодворцевъ: со второй половины XVIII столѣтія они сами должны были выбирать подчиненныхъ губернаторамъ управителей: но въ виду причиняемыхъ ими „тягчайшихъ безпокойствъ" населенію и затрудненій присутственнымъ мѣстамъ должность ихъ вскорѣ была отмѣнена и управленіе однодворцами снова передано губернскимъ, провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ; вслѣдъ за тѣмъ онѣ стали вѣдать также и новокрещеныхъ [2]). Съ 1775 г. черносошные крестьяне вмѣстѣ съ другими казенными поступили въ вѣдомство казенныхъ палатъ и были поручены въ вѣдѣніе директоровъ экономіи [3]). Правительственная регламентація крестьянскаго самоуправленія получила въ то время болѣе общій характеръ: въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія „установленіе" императрицы Екатерины II о сельскомъ порядкѣ въ казенныхъ имѣніяхъ екатеринославскаго намѣстничества" и высочайше конфирмованный докладъ, поднесенный императору Павлу „отъ экспедиціи государственнаго хозяйства и опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства".

---

[1]) П. С. З., т. XV. № 11120; т. XVII, № 13300, п. 7. Ср. еще инструкцію сотскому: т. XIX, № 14231. *Н. Бржескій*, Op. cit., стр. 57 и сл.; стр. 99 и сл.

[2]) П. С. З., т. XV, №№ 10998 и 11527; т. XVI, №№ 11758 и 12126. *С. Соловьевъ*, II. Р., V, 1235.

[3]) Въ силу „учрежденія объ императорской фамиліи" 5 апрѣля 1797 года дворцовые крестьяне были снова выдѣлены изъ состава казенныхъ и перешли въ вѣдомство удѣловъ: въ § 5 Учрежденія напечатано: „Имѣнія, въ удѣлъ опредѣленныя, выходя изъ класса имѣній государственныхъ, хотя въ числѣ помѣщичьихъ не поступятъ и названіе имѣютъ удѣльныхъ, но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ употребленіе помѣщичьихъ владѣній потребно, удѣльные на ряду съ ними употребляются и одинаковымъ образомъ нижнимъ и верхнимъ судамъ подсудимы": П. С. З., т. XXIV, № 17906: ср. ib., т. XXI, № 15141 (Отд. III, ст. 26) и т. XXV, № 18713. см. еще Исторію Удѣловъ, II (Спб., 1901 г.), Отд. I, стр. 1 и сл.

Установленіе 1787 года, составленное „по сходствію съ высочайшими экономическими пунктами и другими установленіями“, предоставляетъ мѣстечкамъ въ 1000 дворовъ и болѣе выбирать себѣ сельскаго старшину, и сверхъ того на каждые 500 дворовъ— сельскаго старосту, двухъ выборныхъ и сборщика податей; число старостъ и выборныхъ въ селахъ и деревняхъ съ меньшимъ числомъ дворовъ соотвѣтственно мѣнялось; въ поселеніяхъ величиною въ 15—50 дворовъ велѣно быть по одному только сельскому старостѣ. Соотношеніе между этими выборными властями въ установленіи еще очень мало выяснено; оно опредѣляетъ вѣдомство ихъ, каждой порознь. Сельскій старшина имѣетъ исполнительную власть. Сельскій староста пользуется, главнымъ образомъ, хозяйственною властью. Выборные „въ присутствіе старосты“ раскладываютъ сборы; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ общемъ сужденіи о маловажныхъ спорахъ принимаютъ участіе старшина, староста и выборные, послѣднимъ поручается самостоятельное разбирательство ихъ. Подъ контролемъ всѣхъ этихъ властей сборщикъ сбираетъ подати. Наконецъ, для отправленія низшихъ полицейскихъ функцій учреждаются на каждые сто дворовъ—сотскіе, а на каждые десять дворовъ — десятскіе: они исправляютъ свою должность по очереди. Установленіе 1787 года опредѣлило также нѣкоторыя права самихъ обществъ: каждое общество имѣетъ свою избу, казну и писаря; оно на сходѣ назначаетъ своихъ членовъ по очереди для отбыванія рекрутской повинности; оно тамъ же выслушиваетъ предложенія, дѣлаемыя ему мѣстной администраціей (генералъ-губернаторомъ, губернаторомъ и директоромъ экономіи) и чинитъ отвѣтъ, сходственный узаконеніямъ и общему добру; оно даже можетъ представлять губернатору и директору экономіи о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, лишь бы это не было противно общему благу и узаконеніямъ [1]). Установленіе 1787 года, кажется, имѣло въ виду преимущественно упорядочить сельское общественное управленіе; нѣкоторымъ изъ его пунктовъ, въ томъ числѣ довольно характернымъ (напр. о сборщикѣ податей и о ходатайствахъ объ общественныхъ нуждахъ), соотвѣтствуютъ и извѣстныя статьи общаго положенія 1861 года.

Высочайше конфирмованный 7 августа 1797 года докладъ отъ экспедиціи государственнаго хозяйства и опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, напротивъ, главнымъ образомъ, касается волостного управленія: онъ подчиняетъ селеніе волости. Правиламъ 1797 года едва ли удалось, однако, ясно разграни-

---

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16603. Сельскіе старосты должны были также завѣдывать призрѣніемъ малолѣтнихъ сиротъ и незаконнорожденныхъ; см. выше стр. 102; ср. *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 54—55.

чить понятія о сельскомъ обществѣ и о волостномъ: выборныя власти обѣихъ инстанцій преслѣдуютъ одинаковыя задачи и многія изъ функцій ихъ однородны; и тѣ, и другія обязаны „взаимно пользѣ поселянъ всякими образы способствовать"; между прочимъ, имъ надлежитъ „пещись о всемъ сельскомъ хозяйствѣ" своихъ округовъ, напримѣръ, о порядочномъ расположеніи строеній въ селахъ или деревняхъ, о надлежащей эксплоатаціи земли и т. п., причемъ земля сельская и волостная прямо не различаются; и тѣ и другія должны „вразумлять и научать поселянъ" касательно „добронравія и пользы", „обнародовать издаваемыя узаконенія и оныя прочитывать" крестьянамъ при церквахъ и на сходахъ, а также заботиться о „гражданскомъ благочиніи", принимать полицейскія мѣры касательно нищихъ, бродягъ, огня, прилипчивыхъ болѣзней и т. п.; и тѣ, и другія наблюдаютъ за исправнымъ содержаніемъ дорогъ и мостовъ и т. п.; наконецъ, и тѣмъ, и другимъ поставлено въ обязанность „дѣлать по своимъ мѣстамъ примѣчанія: что къ общей пользѣ ихъ мѣстъ покажется нужнымъ и представлять о томъ, куда слѣдуетъ", а также быть у поселянъ „прямыми ходатаями ихъ". Тѣмъ не менѣе правила въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже различаютъ двѣ инстанціи крестьянскаго самоуправленія: сельское общество и волость; сельскому обществу придается оттѣнокъ имущественнаго союза, волости же—административно-полицейское значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, „сельскимъ" выборнымъ поставлено въ обязанность „недреманнымъ окомъ бдѣть о цѣлости всѣхъ въ селахъ и деревняхъ недвижимыхъ имѣній"; далѣе, собственно селеніямъ предоставляется и потягольная раскладка податей: такъ какъ разныя казенныя селенія, приписанныя въ одну волость, не могутъ имѣть равнаго количества земель и угодій, да и [такая?] раскладка дѣлается не по мірскому приговору всей волости, а по каждому селенію особенно, то послѣднему и должно „дѣлать свою раскладку для полнаго платежа казенныхъ податей по тягламъ и въ оную волостной голова вмѣшиваться не долженъ". Волость, напротивъ, получаетъ въ правилахъ 1797 года характеръ преимущественно административно-полицейскій: имъ отличается и волостное правленіе, и тѣ функціи, которыя приписываются исключительно „волостному головѣ". Волостное правленіе состоитъ изъ выборныхъ должностныхъ лицъ: волостного головы (избираемаго волостнымъ сходомъ на два года), старосты или выборнаго того селенія, гдѣ оно находится, и писаря; въ правилахъ волостному правленію прямо предоставлены только двѣ функціи: безъ его дозволенія никто изъ поселянъ, приписанныхъ къ волости, не имѣетъ права отлучиться „отъ дома своего"; кромѣ того оно „ведетъ вѣрный счетъ" хлѣбнымъ запасамъ, хранимымъ въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, а также продаетъ и покупаетъ ихъ

„по мірскому всей волости согласію". Волостному головѣ поручен надзоръ за всѣми сельскими выборными властями. Въ правилахъ не указано, кто производитъ разверстку повинностей и податей по селеніямъ; во всякомъ случаѣ, волостному головѣ предписывается своевременно взыскивать всѣ окладные и не окладные сборы съ волощанъ и взносить ихъ въ казначейства, причемъ самимъ поселянамъ предоставляется ежегодно считать его въ тѣхъ деньгахъ, которыя были собраны съ нихъ въ теченіе года на разныя надобности, а въ случаѣ недочета подвергать его взысканіямъ, прибѣгая даже къ „вспоможенію" земскаго исправника. Волостной голова долженъ былъ также „въ маловажныхъ между поселянами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять; а въ случаѣ несогласія или неудовольствія предоставлять имъ волю развѣдываться въ судахъ". Такимъ образомъ, судя по правиламъ 1797 года, волости, поскольку она отличалась отъ сельскаго общества, придавалось значеніе преимущественно административно-полицейское, что, впрочемъ, не исключало изъ ея вѣдѣнія и „дѣлъ общественныхъ" [1]). Простого сопоставленія правилъ 1797 года съ соотвѣтствующими главами общаго положенія 1861 года достаточно для того, чтобы убѣдиться въ ихъ сходствѣ: такимъ образомъ, уже въ концѣ XVIII вѣка была въ значительной мѣрѣ выработана та регламентація, которую редакціонныя коммиссіи гораздо позднѣе перенесли и на крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Впрочемъ, между правилами 1797 и положеніемъ 1861 года, объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей есть существенное отличіе въ томъ, что правила 1797 года не содержатъ никакихъ постановленій о волостномъ судѣ, разработанныхъ впослѣдствіи редакціонными коммисіями. Такой пробѣлъ объясняется тѣмъ, что въ то время судебныя функціи переданы были, въ силу учрежденія о губерніяхъ 1775 года, въ расправы: нижнюю и верхнюю: здѣсь крестьяне судились съ участіемъ собственныхъ представителей: но, вслѣдъ за упраздненіемъ расправъ, указомъ отъ 9 сентября 1801 года велѣно было взамѣнъ нижней расправы „прибавить по два засѣдателя изъ поселянъ" въ уѣздномъ и нижнемъ земскомъ судѣ [2]).

Крестьянскія учрежденія нѣсколько обезпечивали государственныхъ крестьянъ отъ произвола казенныхъ чиновниковъ, но не могли вполнѣ оградить ихъ отъ частыхъ злоупотребленій даже со стороны органовъ правительственной власти. По словамъ

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18082: „главное начальство" надъ хлѣбными магазинами было также поручено волостнымъ головамъ.

[2]) П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 75, 335—377, 396; т. XXIV, № 17702 и т. XXVI, № 20004, ст. 7, пп. 4 и 6: поселяне засѣдали и въ совѣстномъ судѣ.

одного изъ позднѣйшихъ нашихъ дѣятелей, изображавшаго, впрочемъ, положеніе казенныхъ крестьянъ въ очень темныхъ краскахъ, „сей родъ людей бѣднѣетъ и разоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ; работы и повинности ихъ также неопредѣленны; съ одной десятины худой земли казенный крестьянинъ платитъ столько же оброку и несетъ столько же разнообразныхъ земскихъ и волостныхъ повинностей, какъ другой съ восьми или болѣе. Земскіе исправники суть тоже помѣщики съ тою токмо разностью, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но взамѣнъ того сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству не прочатъ“ [1]). Эта картина едва ли вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности; но въ ней ясно указана та зависимость, въ которой государственные крестьяне находились отъ злоупотребленій казенныхъ чиновниковъ. Извѣстно также, что депутаты отъ государственныхъ крестьянъ имѣли возможность высказать свои нужды въ засѣданіяхъ большой коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія; но, по закрытіи коммисіи, такіе случаи уже болѣе не повторялись.

Въ сущности положеніе государственныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ оставалось довольно шаткимъ [2]). Казна распоряжалась иногда не только государственною землею, но и государственными крестьянами, какъ своей собственностью. Правительство приписывало, напримѣръ, государственныхъ крестьянъ къ горнымъ и другимъ заводамъ для отработки податей; эта мѣра, возникшая еще въ XVII вѣкѣ, разумѣется, стала практиковаться гораздо чаще въ слѣдующемъ столѣтіи, такъ что общее число приписныхъ крестьянъ съ 1719 года, когда ихъ числилось до 31.383 д., къ концу вѣка (1794—1796 гг.) возросло по крайней мѣрѣ въ десять разъ; въ томъ числѣ болѣе трети ихъ было приписано къ частнымъ заводамъ. А между тѣмъ съ такою припиской заводскія конторы получали возможность „наряжать крестьянъ

---

[1]) *Гр. М. Сперанскій*, О крѣпостныхъ людяхъ въ Арх. пст. и практ. св. Н. Калачова, кн. III, Спб. 1859 г., ст. 13—14; разсужденія автора, написано не ранѣе 1827 года; см. стр. 7 и 11. Ср. „Девятнадцатый вѣкъ“, изд. подъ ред. П. Бартенева, II, 157 и 164. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ было мало или вовсе не было дворянскихъ имѣній, земскій исправникъ, стоявшій во главѣ нижняго земскаго суда, опредѣлялся „намѣстническимъ правленіемъ изъ чиновныхъ людей по представленію трехъ достойныхъ людей отъ верьхней расправы“; см. П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 23, 66, 235 и сл.; ср. т. XXV, № 18352.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ указахъ отъ 25 ноября 1741 г. (ср. выше стр. 95) и отъ 3 іюля 1762 г. (П. С. З., т. XVI, № 11591) велѣно приводить къ присягѣ всякаго чина людей „кромѣ пашенныхъ крестьянъ“; въ числѣ разрядовъ населенія, приводимыхъ къ присягѣ, государственные крестьяне особо не упоминаются; ср. выше стр. 133.

на работу и во время работъ вѣдали ихъ судомъ и расправой", что открывало, конечно, широкій доступъ всяческимъ злоупотребленіямъ; „порабощеніе крестьянамъ свыше мѣръ человѣческихъ, а паче съ мучительствомъ чинимо было". Естественно, что „мучительства" порождали крестьянскія волненія: одно изъ нихъ уже возникло въ 1678 году; они продолжаются въ теченіе всего XVIII вѣка. Только послѣ извѣстнаго движенія крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ (особенно въ 1760—1764 гг.), правительство стало воздерживаться отъ новыхъ приписокъ крестьянъ къ частнымъ заводамъ и даже забрало нѣкоторые изъ нихъ въ казну за долги владѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе еще въ 1794—1796 гг. въ такомъ положеніи числилось до 70.965 д. Впрочемъ, съ конца шестидесятыхъ годовъ были сдѣланы попытки улучшить бытъ приписныхъ крестьянъ, а съ 1781 года (янв. 30) приставамъ казенныхъ промысловъ и заводовъ, а также частнымъ людямъ было запрещено самимъ наказывать казеннаго вѣдомства крестьянъ, приписанныхъ къ ихъ заводамъ; но только въ 1803 году, да и то крестьяне, приписанные къ однимъ только уральскимъ заводамъ, были освобождены отъ обязательной заводской работы; взамѣнъ ихъ изъ людей, набранныхъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ, образовался особый классъ „непремѣнныхъ работниковъ", вошедшихъ въ составъ посессіонныхъ крестьянъ [1]). Другая мѣра, свидѣтельствующая о томъ же взглядѣ правительства на государственныхъ крестьянъ, какъ на казенную собственность, состояла въ раздачѣ населенныхъ имѣній: она практиковалась издавна, но получила значеніе безусловнаго пожалованія людей людьми только послѣ перемѣнъ, описанныхъ выше; въ награду за службу или за особыя услуги, оказанныя правительству или монарху, можно было получить отъ него населенное имѣніе; бывали случаи пожалованія и „для увеселенія". Такая раздача уже производилась при Петрѣ I, но особенно возрасла при Екатеринѣ II и Павлѣ I; въ то время около 700000 душъ мужескаго пола (изъ нихъ около 300000 въ теченіе 1796—1801 гг.) было роздано въ частную собственность; достаточно было письменнаго именного указа сенату для того, чтобы лишить многихъ государственныхъ крестьянъ даже тѣхъ весьма скромныхъ преимуществъ, которыми они пользовались сравнительно съ помѣщичьими крестьянами. И только съ 1801 года пожалованія населенныхъ имѣній были прекращены и уже болѣе не возобновлялись [2]).

---

[1]) Сб. Р. И. О., VII, 188—195. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 295—593.

[2]) Отдѣльные примѣры пожалованій см. въ Сб. Рус. Ист. Общ., VII 108—110; Арх. кн. Воронцова, XIII, 354—356 и др. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., 219—229.

Такимъ образомъ, къ началу XIX столѣтія прежнее различіе въ положеніи государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ усилилось: государственные крестьяне были окончательно освобождены отъ раздачи помѣщикамъ, крѣпостные— продожали зависѣть отъ ихъ произвола; государственные крестьяне состояли въ вѣдѣніи органовъ казеннаго управленія: крѣпостные же отстранялись отъ такихъ отношеній помѣщиками, стоявшими между ними и государственной властью; права и учрежденія государственныхъ крестьянъ были отчасти признаны закономъ: крестьяне помѣщичьи, напротивъ, оставались почти „мертвыми въ законѣ, развѣ по дѣламъ уголовнымъ". Тѣмъ не менѣе въ положеніи государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ того времени можно указать и на нѣсколько общихъ чертъ, въ сущности отрицательнаго характера: мысли о высокомъ значеніи всякой человѣческой личности и объ „общемъ правѣ государственныхъ родовъ", уже мелькнувшія въ сознаніи русскаго общества шестидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія, почти не отразились въ законодательствѣ: понятіе о „гражданинѣ", уже отчасти усвоенное лучшими представителями нашей общественности конца этого вѣка, было слишкомъ чуждо большинству общества, проникнутому сословно-крѣпостническими тенденціями, а также слишкомъ мало согласовалось съ понятіями о „государственныхъ родахъ" и объ абсолютизмѣ для того, чтобы утвердиться въ законодательной политикѣ; а при такихъ условіяхъ всего болѣе теряли тѣ, которые принадлежали къ „нижнему роду людей". Даже ничтожныя права и учрежденія, казалось, признанныя за крестьянами въ силу обычая, были очень плохо обезпечены и оставались почти безъ всякой охраны въ законѣ; отсюда проистекали тяжелыя послѣдствія и для самихъ крестьянъ, и для государства: крестьяне отвыкали отъ правомѣрныхъ отношеній, ибо законъ, поддерживавшій порядокъ, „противный справедливости", не могъ внушить имъ должнаго уваженія къ нему, а „всегдашнее на предметы рабства воззрѣніе" порождало въ другихъ слояхъ общества привычки и поползновенія, вредныя для „общаго блаженства". „Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, писалъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ публицистовъ XVIII вѣка, называться бла-

---

Рус. Стар. 1878 г., XXIII, 737 (о пожалованіи кн. А. Г. Долгорукову 12.000 крестьянъ). *В. Семевскій*, Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II въ Отеч. Зап. 1877 г. № 8 и Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе импер. Павла въ Рус. Мысли 1882 г., № 12; по подсчету автора общій итогъ пожалованій императора Павла I равняется 287.941 д. м. п.; но изъ 528 пожалованій размѣръ 16 остается неизвѣстнымъ.

женнымъ?"; нѣтъ, оно будетъ блаженнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда „спокойствіе и миръ водворятся въ сердцахъ гражданъ, а не тогда, когда въ немъ царствуетъ только тишина и устройство". Между тѣмъ русское правительство XVIII вѣка смотрѣло на крестьянъ, главнѣйшимъ образомъ, какъ на плательщиковъ государственныхъ податей и даже въ вѣкъ „просвѣщеннаго абсолютизма" далеко не успѣло освободиться отъ исключительно фискальной точки зрѣнія на сельское населеніе. Въ русскомъ обществѣ того времени можно было, однако, встрѣтить людей, уже думавшихъ иначе: они были убѣждены, что государство существуетъ въ виду общаго блага гражданъ и что народъ долженъ имѣть право на „гражданское званіе" и пользоваться его преимуществами, а не только служить государству. Всякому, кто сознавалъ справедливость этихъ требованій, суровая дѣйствительность казалась еще болѣе тяжелой, но изъ такого сознанія онъ могъ черпать и живыя силы для обновленія ея въ дальнѣйшемъ будущемъ...

А. С. Лаппо-Данилевскій.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

9515/905

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

2809302

DUE MAR '70 H

Canceled

2897493

Canceled

SEP 70 H

MAR 5 '72 H

4094441